

Федеральное агентство по образованию
Рязанский государственный университет
имени С.А. Есенина

Е.Н.Соколов

Финансовая политика Советской власти
(октябрь 1917 - август 1918 гг.)

Рязань 2008

ББК 65.03(2)53

С 59

Рецензенты:

П.В. Акульшин, доктор исторических наук, профессор

Ю.И. Лосев, доктор исторических наук, профессор

Соколов Е.Н.

С 59 Финансовая политика Советской власти (октябрь 1917-август 1918 г.):
Монография: Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина- Рязань, 2008. - 148 с.
ISBN 978-5-88006-530-1

Монография посвящена изучению финансовой политики советского государства на начальном этапе становления новой общественно-политической системы в России. В исследовании рассматривается деятельность как центральных, так и местных органов власти по проблемам банков, налогов, строительства нового финансового аппарата, денежного обращения, бюджета и т.д. Монография предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей вузов и всех, кто интересуется вопросами становления советской государственности в России.

© Соколов Е.Н., 2008

© Рязанский государственный
университет имени С.А. Есенина. 2008

ISBN 978-5-88006-530-1

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Глава I. Первые финансовые мероприятия Советской власти	
1.1. <i>Финансовое положение России накануне Октябрьской революции. Финансовая программа большевиков.....</i>	<i>6</i>
1.2. <i>Захват банков. Борьба с саботажем.....</i>	<i>12</i>
Глава II. «Красногвардейская атака на капитал». Обострение финансовых проблем	
2.1. <i>Попытка реализации предоктябрьской программы.....</i>	<i>38</i>
2.2. <i>Поиск выхода из финансового кризиса.....</i>	<i>57</i>
Глава III. Втягивание Советской республики в финансовую политику «военного коммунизма»	
3.1. <i>Теоретический тупик.....</i>	<i>77</i>
3.2. <i>Отставка Н.Э. Гуковского и ее причины.....</i>	<i>118</i>
Заключение.....	143

*Светлой памяти моего отца и учителя
доктора исторических наук, профессора
Соколова Николая Григорьевича
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В бурной истории России Октябрьская революция 1917г. выделяется как одно из самых ярчайших событий XX века. Грандиозный катаклизм, потрясший Российское государство до основания, остается приоритетным объектом для изучения историков. Революция затронула буквально все пласты жизни русского общества и отразилась на развитии нашей страны и мира в целом на протяжении всего XX века.

Несмотря на огромное количество исследований, посвященных этой проблематике, в ее истории до сих пор остается множество белых пятен, и оценки событий Октября чрезвычайно противоречивы. Основной причиной появления диаметрально противоположных взглядов на Октябрьскую революцию является крайняя политизация проблем, связанных с рассмотрением этого периода русской истории.

Взвешенному освещению событий Октября может способствовать изучение хозяйственных аспектов грандиозной ломки общественной жизни. Законы экономического развития легче всего поддаются очищению от идеологических завалов последующих времен. Одной из самых сложных для изучения проблем этого периода является финансовая политика советского государства, где переплетаются идеология новой власти и объективные законы экономического развития.

Прежде чем приступить к освещению заявленной темы, необходимо уяснить, что же понимать под финансовой политикой? Существует несколько определений этого термина. «Коммерческий словарь» под редакцией А.Н. Азриляна дает следующее толкование: «Финансовая политика — составная часть экономической политики; совокупность мероприятий государства по организации и использованию финансов для осуществления своих функций и задач».¹ Более широкое определение можно обнаружить в Большой Советской энциклопедии. Здесь финансовая политика рассматривается как совокупность мероприятий по аккумуляции финансовых ресурсов, их распределению и использованию для осуществления государством его функций. Она определяется объективными зако-

¹ Коммерческий словарь / Под ред. А.Н. Азриляна. М., 1992. С. 235.

нами экономического развития и общественно-политическим строем страны. Финансовая политика проводится посредством определенной системы форм и методов, среди которых первостепенное значение имеют государственные доходы и расходы, государственный бюджет, налоговая политика, государственный кредит, финансовый контроль. В широком понимании финансовая политика включает также регулирование кредитно-денежных отношений.² Исходя из этих определений, можно сделать вывод, что для раскрытия финансовой политики советского государства необходимо рассмотреть целый комплекс мероприятий нового правительства в финансово-экономической сфере.

В монографии рассматриваются события с октября 1917 г. до середины августа 1918г. Этот период охватывает два этапа финансовой политики советского правительства: 1) октябрь 1917 г. - март 1918 г.; 2) март 1918г. .. август 1918г. Данная периодизация в немалой степени связана с деятельностью первых наркомов финансов В.Р. Менжинского и Н.Э. Гуковского. Работа руководителей финансового ведомства проходила в конкретных социально-экономических условиях революционной России, которые значительно отличались на каждом из описываемых этапов. Огромное влияние на финансовую политику оказывали обстоятельства как внешнего, так и внутреннего характера. Общественно-политическое и социально-экономическое положение советской республики в октябре 1917 г. — первой половине 1918 г. менялось буквально каждый месяц. Исходя из конкретных условий, наркомы решали проблемы банковской и налоговой систем республики, строительства нового местного и центрального финансового аппарата, денежного обращения, бюджета и т.д.

В монографии основное внимание удалено деятельности центральных государственных органов республики - СНК, НКФ, ВСНХ, НКВД и т.д. Именно они определяли общее направление экономической политики. Особенностью описываемого периода является пестрота финансовых мероприятий, проводимых провинциальными властями. В условиях 1917 – начала 1918 гг. местные советы оказались в ситуации, когда они вынуждены были самостоятельно определять экономическую политику в своих регионах. В исследовании делается попытка раскрыть общие черты, характерные для финансового положения российской глубинки, выявить взгляды губернских властей по ключевым финансовым проблемам и показать их отношение к финансовой политике, проводимой центральными ведомствами.

² См.: Большая Советская энциклопедия. Т. 27. М., 1977. С. 434.

ГЛАВА I. ПЕРВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1.1. Финансовое положение России накануне Октябрьской революции. Финансовая программа большевиков

К осени 1917 г. в народном хозяйстве России имелось уже множество элементов, разрушавших систему товарно-денежного хозяйства. Экономический распад начался со вступления России в первую мировую войну, которая потребовала максимального напряжения сил государства. Этого хозяйственная система империи выдержать не смогла. Ее поразил экономический кризис. Прежде всего, этот кризис отразился на финансовой системе страны.

Царское правительство под давлением военного времени постепенно переходило к покрытию расходов за счет эмиссии. На 1 июля 1914 г. в обращении находилось денег на 1630,4 млн рублей, а на 1 марта 1917 г. — на 10044 млн рублей. Таким образом, до Февральской революции на финансирование войны было выпущено около 8,5 млрд рублей.¹ Доход от эмиссии, который получало царское правительство в 1914 и 1915 гг., к 1916 г. значительно сократился, а индекс цен за этот год вырос на 100% при росте денежной массы на 6,2%.

1917 г. стал своеобразным рубежом для финансовой системы России. За этот год в стране просуществовало три режима и произошли две революции. «Как известно, финансы страны и ее денежное обращение не любят ни войн, ни революций...»³

После прихода к власти Временного правительства распад финансовой системы ускорился. На 1 ноября 1917 г. в обращении находилось бумажных денег на сумму в 19577,9 млн рублей, т.е. было выпущено новых кредиток на сумму около 9,5 млрд рублей.⁴ Такой темп эмиссии при продолжающемся падении производства, развитии

¹ См.: Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917-1927). М.. 1928. С. 71.

² См.: Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917-1925). М.. 1940. С. 8.

³ Преображенский Е.А. Теория падающей валюты. М.-Л., 1930. С. 116.

⁴ См.: Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 71.

в деревне тенденций к натурализации хозяйства и углубляющемуся недоверию к деньгам вызвал рост цен в размерах еще больших, чем возрастила эмиссия. Со второго месяца после прихода к власти Временного правительства рост цен опережает рост эмиссии в 2–3 раза, а в июне – в 4 раза. В августе – сентябре, в связи с реализацией урожая, темп роста цен несколько отстает от темпа эмиссии, в октябре цены вновь поднялись в среднем на 37%, эмиссия выросла на 11,4%.⁵

Падение курса рубля сокращало реальную зарплату рабочих и служащих. Временное правительство делало попытки регулирования цен и распределения некоторых товаров. Но на деле в этой области наблюдалась полная бессистемность, что приводило к огромным разрывам в заготовительных ценах, с одной стороны, и розничных, с другой. Это вызывало резкое недовольство населения.⁶ Попытки связать свободные средства, накопившиеся в стране, с помощью «Займа Свободы» большого эффекта не дали.

Своебразный итог деятельности Временного правительства в финансовой области был подведен на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 г.

Член коалиционного правительства И.Г. Церетели в своей речи утверждал, что русская революция приняла тяжелое наследие трехлетней войны и десятилетней реакции. «Самодержавие, погребенное российской революцией, из могилы хватает эту революцию и старается задушить ее». ⁷ Он доказывал, что нет таких мероприятий, которые помогли бы в настоящий момент преодолеть кризис и привести в нормальное положение финансы государства. Далее Церетели подчеркнул, что до сих пор только разрабатываются проекты финансовых преобразований, и сформулировал их основные принципы.⁸

Министр труда М.И. Скobelев поставил своеобразную дилемму: «Хорошие финансы могут быть у революционной власти только в том случае, если она делает хорошую экономическую политику, но хорошая экономическая политика может быть только лишь если в руках государства могут быть средства, и это заколдованный круг». Далее,

⁵ См.: Атлас З.В. Указ. соч. С. 9–10.

⁶ См.: Там же. С. 10.

⁷ Первый Всероссийский съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. М.-Л., 1930. Т. I. С. 61.

⁸ См.: Там же. С. 62–63.

полемизируя с В.И. Лениным по поводу его радикальной программы, он заявил, что даже если реквизировать всю прибыль капиталистов, то этих доходов не хватит для разрешения финансовой проблемы.⁹

Министр продовольствия А.В. Пешехонов, развивая эту мысль Скобелева, утверждал, что если изъять весь доход предпринимателей, то это дало бы только 3 млрд рублей. Но, по данным министра, война требовала сначала 7 млрд рублей в год, потом 10-15 млрд, в 1917 г.- 20 млрд. Таким образом, с учетом инфляции, половину национального дохода Россия тратила на ведение боевых действий.¹⁰

Рассматривая финансовую политику царского правительства, М.И. Скобелев утверждал, что основным источником покрытия расходов, связанных с войной за пределами России, являлись внешние займы, для расходов внутри страны - внутренние займы, «а главным образом этим источником служил выпуск бумажных денег». На долю эмиссии приходилось иногда до 40% средств, получаемых царским правительством на ведение боевых действий.¹¹

Первые дни после Февральской революции привели к замораживанию хозяйственной жизни, денежное обращение замедлилось. Наблюдался стремительный рост зарплаты, резко увеличились расходы на создание государственного аппарата. Все это, по мнению Скобелева, привело к тому, что «...Временному правительству первого состава пришлось в первое время еще больше налечь на станок экспедиции заготовления государственных бумаг, чем старому режиму... Мы, бывшие постоянными критиками всей финансовой политики старого режима ... должны были констатировать, ...что та политика станка экспедиции заготовления государственных бумаг ... уже не может быть изменена в первые дни революции...» Выпуск денежных знаков из Госбанка с каждой неделей увеличивался, и были месяцы, когда этот поток превышал в несколько раз средний выпуск кредиток за последний год войны. По мнению министра труда, до сих пор в распоряжении Временного правительства нет другого способа заполучить денежные знаки, как все тот же «злосчастный станок».¹² Члены Вре-

⁹ Там же. С. 62, 63.

¹⁰ См.: Там же. С. 134-135.

¹¹ См.: Там же. С. 223.

¹² См.: Там же. С. 224-225.

менного правительства прекрасно понимали, что печатный станок - «...это очень милый (источник)... в смысле легкости добычи средств, но и очень опасный для всей финансовой системы и для хозяйственной жизни страны. Это сладкий яд, при помощи которого можно, упиваясь, лишь только отравляться».¹³ Скобелев отмечал две интересные особенности финансового обращения этого периода: упрощение производства денежных знаков для увеличения производительности станка и непомерные запросы на деньги из провинции, которые Госбанк не мог удовлетворить.¹⁴

Министры-социалисты, оценивая финансовую ситуацию в стране, приходили к выводу, что серьезных изменений в нее они не внесли, и повторяли приемы царской администрации, в основу которых был положен станок Экспедиции заготовления государственных бумаг.

В период нахождения у власти Временного правительства наблюдались некоторые тенденции в области финансов, которые унаследовали и большевики: рост эмиссии, упрощение производства денежных знаков, перманентный денежный голод на местах, резкое увеличение расходов на создание нового государственного аппарата. Таким образом, то, что происходило в годы войны и в месяцы правления Временного правительства, по мнению Л.Н. Юровского, было не «примером» для последующей эпохи, а составляло первые звенья закономерного ряда.¹⁵

Рассматривая финансовую политику большевиков, нельзя не отметить, что они опирались на идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, которые в своих работах не раз обращали внимание на эту проблему. Уже в «Манифесте Коммунистической партии» намечались мероприятия, которые пролетарская власть должна провести после победы революции: «...введение высокого прогрессивного налога; централизация кредита в руках государства посредством национального банка и проведение исключительной монополии банковского дела».¹⁶

В третьем томе «Капитала» К. Маркс указывал, что «...кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капи-

¹¹ Там же. С. 226-227.

¹⁴ См.: Там же. С. 227.

¹⁵ См.: Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 49.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 4. С. 446.

талистического способа производства к способу производства ассоциированного труда...».¹⁷ Благодаря этому, по мнению основоположников марксизма, «...пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал».¹⁸ В «Принципах коммунизма» Ф. Энгельс писал, что пролетариат должен перейти в наступление на частную собственность: «Ограничение частной собственности, прогрессивный высокий налог на наследства, ... принудительные займы и т.д.».¹⁹ Маркс и Энгельс утверждали: «Во время революции можно, увеличив до огромных размеров налог, использовать его как форму нападения на частную собственность».²⁰ Но, по их мнению, необходимо проводить правильную финансовую доктрину, чтобы своей политикой не выбить у самих себя из-под ног социальную почву, не отпугнуть союзников и массу трудящегося населения. Маркс писал: «Настоящий, великий Наполеон на острове Святой Елены говорил, что восстановление налога на вино более, чем что-либо другое, было причиной его падения, так как оттолкнуло от него крестьян Южной Франции».²¹ По меткому замечанию Маркса, путь Бурбонам в Париж прокладывали не только гарпующие казаки, но и обещание отменить этот налог.

Классики марксизма считали одной из причин поражения Парижской Коммуны медлительность и непоследовательность ее руководителей в решении финансовых проблем, не сумевших подчинить рабочему правительству Французский банк, что явилось крупной политической ошибкой. Ф. Энгельс писал: «Банк в руках Коммуны - ведь это имело бы большее значение, чем десять тысяч заложников».²²

Таким образом, программа в финансовой области основателей учения, к которому себя относили большевики, выглядела примерно следующим образом. Прежде всего, овладение государственным банком и через него:

- 1) установление контроля над финансовой системой страны;
- 2) проведение монополии государства на банковское дело;

¹⁷ Там же. Т. 25. Ч. II. С. 157.

¹⁸ Там же. Т. 4. С. 446.

¹⁹ Там же. С. 332.

²⁰ Там же. Т. 7. С. 301.

²¹ Там же. С. 82.

²² Там же. Т. 22. С. 197.

- 3) централизация кредита в руках государства;
- 4) введение высокого прогрессивного налога и принудительные займы как способ уничтожения частной собственности.

Вопросы финансовой политики занимали большевиков еще до революции. В 1902 г. в проекте программы партии В.И. Ленин выдвигает требование отмены всех косвенных налогов и установления прогрессивно-подоходного налога.²³ Эта идея вошла в принятую на II съезде РСДРП программу партии, где было записано требование отмены всех косвенных налогов и установление прогрессивного налога на доходы и наследства.²⁴

Непосредственно перед Октябрьской революцией в апрельских тезисах и в работе «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин выдвинул ряд финансовых мер, которые назвал «шагами к социализму».²⁵ В частности, в апрельских тезисах он высказался за немедленное слияние всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны Совета рабочих депутатов.²⁶

На VI съезде своей партии большевики выдвинули программу преобразования всей финансовой системы России путем создания новых учреждений социалистического типа, введения прогрессивного подоходного налога и высоких косвенных налогов на предметы роскоши. Съезд высказался за введение поимущественного налога и реформу подоходного налога. Предусматривалось немедленное прекращение дальнейшего выпуска бумажных денег, ликвидация государственных долгов, как внешних, так и внутренних, и отказ от их уплаты, при соблюдении интересов мелких подписчиков.²⁷

Расширенное заседание ЦК РСДРП(б), состоявшееся в сентябре 1917 г., настаивало на введении рабочего контроля в общегосударственном масштабе над производством и распределением. Выдвигалась задача национализации важнейших отраслей промышленности, а также «беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация прибылей».²⁸

²³ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 208.

²⁴ См.: Протоколы II съезда РСДРП. МЛ 1932. С. 420.

²⁵ См.: Ленин В.И. Указ. соч. Т. 31. С. 151-186; Т. 34. С. 287-339.

²⁶ См.: Там же. Т. 31. С. 115.

²⁷ См.: КПСС в резолюциях и решениях. М., 1970. Т. I. С. 490.

²⁸ См.: Там же. С. 510.

Учитывались и уроки Парижской Коммуны. Накануне Октябрьской революции Ленин писал, что большевики «кое-чему научились после 1871 года, они не оставили бы банк не взятым в свои руки...»²⁹

Если рассматривать в целом финансовую программу РСДРП(б) перед революцией, то можно заметить, что она намечала лишь самые общие контуры их будущей политики. Конкретных наработок, каким образом осуществлять декларированные мероприятия и каковы будут последствия их проведения в жизнь, не было. Практика же показала всю важность этих проблем, заставив обратить на финансы более пристальное внимание. Эта область хозяйства очень скоро преподнесла большевикам массу сюрпризов и даже заставила отойти от некоторых программных установок. Обнаружился и теоретический тупик, который пришлось преодолевать на ходу. Фактически большевики следовали за реально складывающейся ситуацией в экономике и финансах, лишь затем подводя «марксистскую» базу под конкретную обстановку.

1.2. Захват банков. Борьба с саботажем

Первой проблемой в финансовой области для новой власти после Октябрьской революции становится овладение банковской системой России. Опасаясь повторить ошибку Парижской Коммуны, большевики прежде всего попытались поставить под свой контроль этот важнейший хозяйственный инструмент.

Россия перед первой мировой войной располагала разветвленной банковской системой. Государственный банк империи имел 10 контор, находившихся в крупных торгово-промышленных центрах, 121 постоянное отделение и 6 временных. Простейшие банковские операции выполняли уездные казначейства, их в 1914 г. было 791.³⁰ Помимо Государственного банка перед войной в России работало 47 коммерческих банков, имевших 744 филиала в губернских и больших уездных городах. Наиболее крупные были сосредоточены в Петербурге и

²⁹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 34. С. 137.

³⁰ См.: Атлас М.С. Национализация банков в СССР. М., 1948. С. 16.

Москве. Провинциальные банки играли ничтожную роль в системе акционерных коммерческих банков.

Кроме Госбанка и коммерческих банков краткосрочное кредитование промышленности и торговли осуществляли еще общества взаимного кредита, городские общественные банки и банкирские конторы, зависимые от крупных акционерных банков.

Общества взаимного кредита обслуживали мелкую, среднюю промышленность и торговлю. На 1 января 1914 г. их было 1108. Эти кредитные учреждения играли в провинции заметную роль. Большинство обществ взаимного кредита объединялись в корреспондентскую сеть во главе с Центральным банком обществ взаимного кредита.³¹

Городских общественных банков к началу первой мировой войны было около 300. Круг их клиентуры примерно такой же, как у обществ взаимного кредита. В основном они находились в ведении городских управ и учреждались на пожертвования местной буржуазии и крупных домовладельцев.

Система ипотечного кредита состояла из Государственного дворянского земельного банка, Государственного крестьянского земельного банка, десяти акционерных земельных банков и тридцати шести городских и губернских кредитных обществ.³²

Кредитная кооперация была представлена кредитными и ссудно-сберегательными товариществами. Они обслуживали крестьянство, сельских кустарей и городских ремесленников. На 1 января 1914 г. кредитные и ссудно-сберегательные товарищества имели разветвленный аппарат, прежде всего на селе.

Все виды кооперации обслуживались Московским народным (кооперативным) банком, держателями акций которого были кооперативы и их союзы. Банк имел 14 отделений в России и 2 комиссионерства за границей в Лондоне и Нью-Йорке. Кроме Московского банка кооперацию кредитовали: Управление по делам мелкого кредита при Госбанке и акционерный коммерческий Союзный банк.³³

В период первой мировой войны шел процесс дальнейшей концентрации капиталов коммерческих банков. На 1 января 1917 г. в

³¹ См.: Там же. С. 17.

³² См.: Там же. С. 17-21.

³³ См.: Там же. С. 22-23.

8 крупнейших банках было сосредоточено 56% всей суммы основных капиталов русских коммерческих банков. Сеть этих 8 кредитных учреждений составляла 599 отделений и агентств, а вся сеть русских коммерческих банков имела 897 отделений и агентств. По состоянию на 1 января 1917 г. на долю 8 банков из 54 приходилось больше половины всех капиталов и 66% всей суммы сводных балансов банков.³⁴

Во время мировой войны все частные кредитные учреждения охватила спекулятивная горячка. Крупные акционерные банки спекулировали всем: хлебом, промышленными товарами, золотом, они изымали из обращения огромные запасы товаров и придерживали их, обостряя товарный голод. Не отставали от них кредитная кооперация, общества взаимного кредита и городские общественные банки.³⁵

Золотой дождь, который лился на русскую буржуазию в период войны, привел к тому, что в 1917 г. было учреждено 10 новых банков с общей суммой основного капитала в 72 млн рублей. Продолжалось и проникновение иностранного капитала. В начале 1917 г. в Петрограде открылось отделение американского банка The National City Bank of New-York.

Но главным звеном этой разветвленной банковской сети являлся Госбанк. Он контролировал львиную долю оборотов финансового рынка России. В последние 2-3 месяца существования Временного правительства общая сумма задолженности коммерческих банков Государственному составила не менее 1,5-2 млрд рублей.³⁶ Овладение Государственным банком означало контроль за деятельностью всех других кредитных учреждений России, так как они держали там свои активы и получали подкрепления наличностью.

Задачу поставить под контроль это главное кредитное учреждение страны большевики выдвигали еще накануне Октябрьской революции. Но овладение Госбанком для новых властей превратилось в крупную проблему.

Сразу после Октябрьской революции на собрании товарищей министра финансов, директоров департаментов и начальников отделов Госбанка была принята резолюция об отказе подчиняться новой власти и входить в служебные отношения с ее представителями. Это

³⁴ См.: Атлас М.С. Национализация банков в СССР. М., 1948. С. 32.

³⁵ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 33-36.

³⁶ См.: Там же. С. 41-42.

привело к тому, что Совнарком не мог получить денег даже на канцелярские расходы.³⁷ Таким образом, буквально сразу после революции большевики столкнулись с саботажем чиновников. Перед ними замаячил призрак Парижской коммуны.

После своего назначения Временным заместителем Народного комиссара по Министерству финансов В.Р. Менжинский 12 ноября (30 октября) 1917 г. издает по своему ведомству жесткий приказ: «Во всех учреждениях Министерства финансов, завтра, 31 октября, занятия должны производиться в обычное время. Если в каких-либо учреждениях Министерства финансов забастовка будет продолжаться, начальники этих учреждений будут немедленно арестованы».³⁸

Но никакого эффекта приказ не возымел. Саботаж продолжался, Совнарком сидел без денег. А тем временем Подпольный комитет, созданный из оставшихся на свободе министров и товарищей министров Временного правительства, занимался организацией сопротивления чиновников и под благовидными предлогами выкачивал средства из Государственного банка. Всего комитет сумел получить около 42 млн рублей.³⁹

19(6) ноября 1917 г. на заседании СНК обсуждался вопрос о том, что бастующие чиновники получили жалование за 2 месяца вперед по 1 января 1918 г. Было решено: поручить всем комиссарам изучить сметы, и если выяснится правдоподобность этих сведений, то принять самые энергичные меры для возвращения этих денег. СНК предложил служащим или работать, или вернуть деньги. «В случае отказа — судить их, как за воровство народного имущества».⁴⁰

Положение для советского правительства складывалось крайне тяжелое. Большевики не могли получить денег. Их просьбы в Госбанк выделить на экстраординарные расходы 10 млн рублей не находили ответа.

³⁷ См.: Ривкин Б. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. С. 74.

³⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 130. Оп. 1. Д. 24. Л. 107.

³⁹ См.: Ривкин Б. Указ. соч. С. 79; В.П. Дьяченко приводит цифру в 42,9 млн рублей, из которых было реализовано 40 млн рублей. См.: Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917-1950 гг.). М., 1978. С. 16.

⁴⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

Банк категорически отказывался выдавать деньги. Тогда новая власть решила прибегнуть к прямому вооруженному најиму на банкиров.

Рано утром 20 (7) ноября 1917 г. во все воинские части была разослана телефонограмма, явиться на гарнизонное собрание в Смольный. После того, как пришли делегаты, им было сжато, но в сильных словах обрисовано сложившееся положение Советской власти. Говорилось, что для неотложных работ СНК нужны средства. Чиновничество Государственного банка денег не дает, поэтому их нужно взять.⁴¹ Л.Д. Троцкий предложил достать первые 10 млн рублей путем посылки представителей от каждой роты в Госбанк.⁴²

Части гарнизона должны были с музыкой войти в Государственный банк и заставить выдать требуемую сумму. Собрание закончилось в 11 часов 40 минут утра. В час дня войска с музыкой стали подходить к банку. Туда же прибыли делегации Всероссийского совета крестьянских депутатов, Союза Союзов, Союза служащих и рабочих банка, члены Петроградской городской думы, представители отдельных партий и т.д.⁴³

За членами городской думы управляющий И.П. Шипов послал тайком еще утром, после того как к нему явился В.Р. Менжинский с предписанием ВРК не закрывать двери вплоть до прибытия отряда войск для вскрытия кассы банка. Одновременно Менжинский потребовал от управляющего аванс в 10 млн рублей на покрытие срочных расходов Совнаркома. Шипов отказал и послал одного из служащих банка в Петроградскую думу, где большинство составляли правые эсеры, меньшевики и кадеты, с просьбой воздействовать на представителей Советской власти.⁴⁴

За день до этих событий происходило заседание Совета Госбанка, на котором было заслушано предъявленное СНК в письменной форме требование от 19 (6) ноября № 70 о выдаче ему на экстраординарные расходы 10 млн рублей. Причем здесь же Менжинский пре-

⁴¹ См.: Хохряков А. Из жизни Петроградского гарнизона в 1917 году // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. Л., 1956. С. 92-93.

⁴² См.: Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. 25 мая - 4 июня 1918г. (Стенографический отчет), (далее Труды I съезда СНХ.) М, 1918. С. 150.

⁴³ См.: Хохряков А. Указ. соч. С. 93.

⁴⁴ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 72.

дупреждал, что в случае отказа в исполнении требования сумма эта будет взята путем взлома кассы силою. Совет Госбанка единогласно постановил: требования о выдаче каких-либо сумм СНК, как не основанное на законе, Совет не считает себя вправе удовлетворить; и не находит возможности открыть текущий счет на имя Совнаркома как учреждения, не пользующегося правами юридического лица.⁴⁵

20 (7) ноября в банк вошла делегация гарнизона во главе с В.Р. Менжинским. Чиновники решительно протестовали против «дневного грабежа», «взлома народного сундука», заявляли, что Госбанк хранит всемародное достояние, распоряжаться коим может только власть, избранная всем народом. Менжинский вручил мандат на получение 10 млн рублей и от имени СНК заявил, что государственными преступниками будут считаться те, кто будет препятствовать исполнению распоряжений власти. На размыщение дали 10 минут.

Но руководство банка обнаружило, что мандат на имя Менжинского в суматохе забыли дать на подпись В.И. Ленину. Отсутствовали и другие подписи. Послышались фразы: «... и вот с таким-то бумажками Совнарком требует выдачи 10-ти миллионов народных денег». Сложилась патовая ситуация. Войска без денег уходить не хотели. В Смольный отправились Председатель полкового комитета Волынского резервного полка А. Хохряков и главком Петроградского Военного Округа подполковник М.А. Муравьев.

Делегаты появились в штабе революции около 17 часов. Обычные занятия были уже закончены, в здании царила тишина. Ленин, когда делегаты вошли к нему с докладом, работал. Не отрываясь от письма, он спросил: «Ну что у вас там?» Хохряков доложил, что по поводу требования 10 млн рублей возникает целый ряд вопросов. Не указано, почему СНК обратился с требованием денег не к казначейству, а к Госбанку, в сферу деятельности которого производство расходов не входит. Бумага, переданная администрации банка, не была никем подписана. Подпись по просьбе банкиров тут же поставил В.Р. Менжинский. В бумаге не было указано, почему СНК требует именно 10 млн рублей, а не меньше и не больше. Отсутствовало указание и того, последуют ли за этим новые требования денег или Совнарком удовлетворится 10 млн рублей.

** См.. Хохряков А. Указ. соч. С. 93-94.

Во время доклада Хохрякова Ленин продолжал писать, казалось, что он не слушает. Но едва докладчик дошел до того, что мандат не имел подписи, как вождь прервал его: «Значит, денег получить нельзя! А кто писал мандат?» - обратился он к тем, кто был в соседней комнате. Назвали фамилию одного из видных деятелей партии. «Ведь этакая досада,» - продолжал Ленин, снова возвращаясь к тому, что он писал. А затем, быстро встав, резюмировал: «Вопрос о десяти миллионах временно считать открытым. Все основания, как правовые, так и иного характера, при последующих требованиях будут неизменно указываться. Вот так! Поезжайте и ликвидируйте вопрос...»

Было в устной форме постановлено: ввиду целого ряда формальных упущений вопрос о взятии 10 млн рублей из Госбанка «временно считать открытym и впредь требования нового характера предъявлять лишь с точной мотивировкой и указанием всех, как правовых, так и иного характера оснований». ⁴⁶

Таким образом, эффектный поход на Госбанк ничем не завершился. Но солдаты и матросы остались охранять сейфы и кладовые банка. А через несколько дней удалось получить ключи от всех денежных хранилищ. ⁴⁷

После неудавшегося похода на Госбанк Совнарком попытался достать деньги через другой канал. 22 (9) ноября СНК предписал Министерству финансов открыть в срочном порядке без заключения Госконтроля кредит в 25 млн рублей на экстренные нужды. Причем подчеркивалось, что расходование денег из этого фонда будет производиться под контролем финансовой комиссии ЦИК, выбранной II съездом Советов с последующим отчетом перед Учредительным собранием. ⁴⁸ Но и это не помогло. Министерство и Госбанк остались глухи к такому, сравнительно мягкому обращению Совнаркома. В ответ на это большевики резко ужесточают свою позицию.

24(11) ноября 1917 г. - переломный день в отношениях Советской власти с Госбанком. Правительство стало прибегать к жестким мерам. В этот день Совнарком решает назначить в Госбанк комиссара и предоставить ему право «в виде временной меры» выдать СНК аванс в 25 млн рублей. ⁴⁹ 24(11) ноября из Государственного банка и Мини-

⁴⁶ См.: Там же. С. 94–96.

⁴⁷ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 73.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 130. Он. 1. Д. 24. Л. 97.

⁴⁹ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 73.

стерства финансов были уволены ряд высших чиновников без права на пенсию, с формулировкой в приказе: «за отказ признать Совет Народных Комиссаров». Работу потеряли: управляющий Госбанком И.П. Шипов, директор департамента Государственного казначейства Г.Д. Дементьев, директор Общей канцелярии В.К. Скворцов, директор Кредитной канцелярии К.Е. Замен и товарищи Министра финансов М.И. Фрицман. С.А. Шателен, В.В. Кузьминский, А.Г. Хрущев, управляющий Главным казначейством Н.С. Петин.⁵⁰

В тот же день вышел приказ В.Р. Менжинского по Акцизному ведомству, где говорилось, что «...все служащие и чиновники, не признающие власти Народных Комиссаров, считаются уволенными со службы без сохранения права на пенсию. Все военнообязанные, уволенные по сему приказу, снимаются с учета, о чем будет сообщено подлежащим властям. Служащие и чиновники, желающие продолжать работу и всецело подчиняющиеся революционной власти Совета Народных Комиссаров, должны в понедельник приступить к занятиям ... Уволенные чиновники, пользующиеся казенной квартирой, должны их очистить в течение 3-х дней ...»⁵¹

26(13) ноября В.И. Ленин издает распоряжение: «Служащие Государственного банка, отказывающиеся признать Правительство Рабочих и Крестьян - Совет Народных Комиссаров и сдать дела по Банку, должны быть арестованы». В тот же день приказом по Министерству финансов был назначен комиссар по Госбанку со всеми правами Управляющего Валериан Валерианович Оболенский.⁵² Одновременно вышел декрет о том, что во исполнение постановления ЦИК съезда Советов от 21 (8) ноября 1917г. СНК постановил предоставить Комиссару Государственного банка В.В. Оболенскому право, в виде временной меры, выдать с текущего счета Государственного казначейства краткосрочный аванс Совнаркому в размере 25 млн рублей.⁵³

После назначения в банк комиссара высшие и средние служащие открыто объявили забастовку. Они покинули банк и захватили с собой ключи от денежных касс, сейфов и шкафов с документами.⁵⁴

⁵⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 24. Л. 78-86.

⁵¹ Там же. Л. 66.

⁵² Там же. Д. 25. Л. 51.

⁵³ Там же. Д. 24. Л. 64.

⁵⁴ Там же. Л. 65.

⁵⁵ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 73.

Забастовку, начавшуюся 27(14) ноября 1917 г., возглавил Всероссийский профессиональный союз работников кредитного дела — «Банксоюз», более известный в литературе под названием «Банктруд», по наименованию своего печатного органа - журнала, издаваемого Центральным правлением профсоюза.⁵⁶ Таким образом, саботаж перерос в открытую забастовку.

В ответ на это 27(14) ноября В.В. Оболенский издал распоряжение по Госбанку, где говорилось, что по дошедшему до него сведению часть служащих решила 28(15) ноября не являться на занятия в банк. «Предлагаю всем явиться. Не явившиеся до 12-ти часов дня будут уволены со службы и лишены пенсии. Военнообязанные будут сняты с учета и переданы в распоряжение воинских начальников. Директоры отделов и их помощники в случае неявки будут, согласно решению СНК, подвергнуты аресту и препровождены в Кронштадт».⁵⁷ Однако эти угрозы не возымели действия. Высшие и средние служащие бастовали. Большевики решили опереться на низших чиновников: счетчиков, кассиров и т.д.

Через три дня после объявления забастовки все ключи от Госбанка были силой захвачены комиссарами, назначенными в различные подразделения этого учреждения. 30 (17) ноября удалось получить первую партию денежных знаков. Представители Совнаркома, комиссары Госбанка, несколько красногвардейцев и 16 человек низших служащих изъяли из кассы 5 млн рублей. Они были торжественно препровождены в Совнарком и в течение 3-4 дней находились под охраной часовых в одной из соседних с кабинетом В.И. Ленина комнат.⁵⁸

Такие действия властей не смущили забастовщиков. Работа банка была парализована. Ввиду критического положения 2 декабря (19 ноября) Оболенский обратился к бывшим чиновникам Госбанка, находящимся на военной службе и желающим занять места бастующих служащих банка, явиться к нему в здание Государственного банка.⁵⁹

3 декабря (20 ноября) 1917 г. на заседании СНК В.Р. Менжинский огласил перехваченную телеграмму из Могилева на имя товари-

⁵⁶ Российский государственный архив экономики (См. далее РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 15. Д. 342.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 25. Л. 47.

⁵⁸ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 73-74.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 25. Л. 53.

ща Министра финансов В.В. Кузьминского, где в целях однообразной тактики петроградских служащих губернский комитет правительственные учреждений просил «Малый совет» министров (из бывших членов Временного правительства) распорядиться о выдаче содержания служащим за 3 месяца вперед. В связи с этой телеграммой Совнарком принял решение арестовать всех членов «Малого совета».⁶⁰

В тот же день в «Правде» был опубликован приказ ВРК с угрозами по адресу забастовщиков. После этого в Госбанк вернулась часть работников средней квалификации.⁶¹ В тот же день Совнарком принял декрет, по которому ввиду забастовки служащих и острого недостатка дензнаков в Москве разрешалось кассиру Государственного банка, «в виде исключительной меры», выслать для пополнения кассы Московской конторы Госбанка денежных знаков на 100 млн рублей.⁶²

Комиссар банка В.В. Оболенский опрашивал чиновников относительно их согласия или несогласия работать. Большинство, как указывалось в сообщении для прессы, в той или иной форме изъявили желание приступить с 5 декабря (22 ноября) к исполнению своих обязанностей. Несколько человек упорно отказывались выполнять даже текущую банковскую работу. Их арестовали и отправили в военную следственную комиссию. Одновременно с этим большие суммы были отправлены в Москву.⁶³

Кроме карательных мер, большевики решили опереться в борьбе со стачкой на низших служащих и использовать в своих целях печать. В официальных известиях для прессы говорилось, что замечается значительное улучшение положения в Госбанке, безнадежность забастовки становится все более и более очевидной. Постепенно об разуется новый штат, во всех важнейших отделах имеются комиссары, которые организуют работу, операции банка расширяются.⁶⁴ 10 декабря (27 ноября) в спешном порядке было проведено постановление комиссаров Государственного банка о выдаче низшим служащим единовременного пособия в размере шестимесячного оклада.⁶⁵

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

⁶¹ См.: Правда. 1917. 20 ноября.

⁶² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 25. Л. 41.

⁶³ Там же. Л. 38.

⁶⁴ Там же. Л. 63-64.

⁶⁵ Там же. Л. 69.

В сообщениях для прессы настойчиво повторялось, что стачка ломается, число вновь поступивших служащих все увеличивается, имеется большое количество предложений занять те или иные должности. В скором времени большевики не будут зависеть от желания или нежелания чиновников работать в банке. Начинают открываться отдел за отделом. Ряд служащих уже уволены, некоторые высшие чиновники уже арестованы, предстоит еще целый ряд увольнений и арестов. Комиссар банка и его помощники находят, что по отношению к саботажникам необходимо применять решительные меры борьбы.⁶⁶

Увольнения из банка продолжались. Теперь изгонялись строптивые служащие среднего звена. 15(2) декабря 1917 г. «за противонародное поведение и отказ исполнять свои обязанности» увольнялись со службы без пенсии старшие делопроизводители, делопроизводители 1-го и 2-го разрядов, помощники делопроизводителя, старший кассир и т.д.⁶⁷

Используя политику кнута и пряника, большевики постепенно стали ломать забастовку. С начала декабря 1917 г. понемногу начали развиваться ссудные операции. Взамен бастующих к 22(9) декабря было принято 650 новых и вернулось до 400 бывших служащих центрального аппарата Госбанка.⁶⁸ Но забастовка продолжалась.

Тем временем заменялось и большевистское руководство Госбанком. 22(9) декабря 1917 г. помощником Комиссара по Государственному банку на правах товарища управляющего становится Г.Я. Сокольников.⁶⁹ А 1 января 1918 г. (19 декабря 1917 г.) на посту Комиссара банка В.В. Оболенского сменяет его помощник Ю.Л. Пятаков.⁷⁰

Первой задачей «красных банкиров» было обеспечение деньгами центральных наркоматов и губерний. Если до декабря 1917 г. СНК в своих решениях по выделению тех или иных сумм весьма скромно раздавал по 30-40 тысяч рублей из пятимиллионного фонда, который удалось заполучить в Госбанке, то с середины декабря 1917 г. Совнарком предписывал выдавать суммы в несколько десятков миллионов

⁶⁶ Там же. Л. 70-75.

⁶⁷ Там же. Л. 26.

⁶⁸ См.: Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917-1950 гг.). М., 1978. С. 16.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 25. Л. 25.

⁷⁰ Там же. Д. 24. Л. 19.

рублей.⁷ Это говорит о том, что касса Госбанка и Казначейства к середине декабря находилась в полном распоряжении СНК.

Следующей задачей финансовой политики Советской власти стало овладение частными банками. Несмотря на то, что перед Октябрьской революцией РСДРП(б) высказывалась за создание единого банка, что означало национализацию и слияние в единое целое всех кредитных учреждений России, СНК не спешил проводить эту идею на практике. Советское правительство попыталось поставить под свой контроль частные банки, не подвергая их огосударствлению.

Частные коммерческие банки Петрограда стали закрываться 7 ноября (25 октября) 1917 г. около полудня. 8 ноября (26 октября) они не работали. 9 ноября (27 октября) представители банков на своем совещании постановили, что банки будут открыты в часы, когда открыт Госбанк. По желанию банкиры могли ограничить выдачу на одного клиента 10000 рублей наличными, а остальное выдавать чеками на Госбанк. 9-10 ноября (27-28 октября) банки работали с 12 до 13 часов, выдачи в некоторых из них превысили поступления, но паники у публики не было. 12 ноября (30 октября) банки закрылись вследствие напряженного положения на улицах и нарушения телефонной связи, кроме того, чеки на Госбанк оказались во многих случаях не оплачены. Банкиры решили сократить выдачу на клиента до 3000 рублей наличными, остальное опять выдавать чеками на Государственный банк.⁷²

В ответ на закрытие акционерных банков 12 ноября (30 октября)⁷³ г. за подписями В.И. Ленина и В.Р. Менжинского вышло «Постановление об открытии банков», где предписывалось открыть банки 13 ноября (31 октября) в обычные часы. «Если банки не будут открыты и деньги по чекам не будут выдаваться, все директора и члены правления банков будут арестованы, во все банки будут назначены комиссары Временного Заместителя Народного Комиссара по Министерству финансов, под контролем которого и будет производиться уплата по чекам, имеющим печать подлежащего Фабрично Заводского Комитета». Далее утверждалось, что для обеспечения порядка во

⁷¹ См.: Там же. Л. 1, 7, 12, 14, 22, 25, 28, 30, 31, 32, 34, 36.

⁷² См.: Ривкин Б. Указ. соч. С. 83; Зак А.Н. Денежное обращение и эмиссионная операция в России 1917-1918 гг. Государственный кредитный билет - банкнота. Пг., 1918. С. 33.

все банки будут введены воинские караулы. Вместе с тем подчеркивалось, что слухи о конфискации капиталов ложны и ничего, кроме мер, обеспечивающих интересы вкладчиков путем учета и контроля над деятельностью банков, не предполагается.⁷³

14(1) ноября, несмотря на угрозу забастовки служащих, банки открылись. Однако, в течение ноября они функционировали лишь отдельные дни и открывались на 1,5 — 2 часа в сутки. Особенно осложнилось их положение в середине месяца, когда началась забастовка в Госбанке.⁷⁴ Такое положение привело к панике среди населения. У дверей банков с начала ноября стали собираться толпы народа, тщетно пытаясь изъять свои вклады со счетов. Этот ажиотаж привел к тому, что к 7 декабря (24 ноября) ресурсы наличности были исчерпаны. 8 декабря (25 ноября) в день зарплаты банки открылись лишь для того, чтобы выдать чеки на Госбанк. До 12 декабря (29 ноября) петроградские банки не работали.⁷⁵

Банкиры попытались самостоятельно найти выход из создавшегося положения. На совещании 10 декабря (27 ноября) они решили 12 декабря (29 ноября) в помещении Азово-Донского банка устроить особый расчетный отдел, в который представлять к зачету выданные чеки. Это была попытка осуществить помимо бастующего Госбанка расчетные операции и самостоятельно распределять между банками свободные наличные средства.⁷⁶

13 декабря (30 ноября) Петроградской конторой Госбанка было создано совещание представителей частных банков для согласования их работы в области кредитования промышленности и для уточнения вопросов о подкреплении их наличностью. Соглашение удалось достичь 14(1) декабря 1917 г. Советская власть сделала уступку Комитету акционерных банков и «Банктруду» не назначив в банки комиссаров, как это намечалось в первоначальном тексте соглашения.⁷⁷

Госбанк соглашался выделить наличные средства на следующих условиях: все банки должны ежедневно представлять в Государ-

⁷³ ГАРФ. Ф. 130. Он. 1. Д. 25. Л. 56.

⁷⁴ См. Зак А.Н. Указ. соч. С. 33; Ривкин Б. Указ. соч. С. 84.

⁷⁵ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 79; Ривкин Б. Указ. соч. С. 84.

⁷⁶ См.: Зак А.Н. Указ. соч. С. 34–35.

⁷⁷ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 81; Ривкин Б. Указ. соч. С. 84.

ственныи банк справки о состоянии их касс; они обязуются не выдавать более 8 млн рублей в день чеками на Госбанк; распределение сумм между частными банками предоставляется Комитету съезда банков; выдачи наличными более 1000 рублей должны производиться только на производственные цели; ежедневно банки представляют Госбанку (копия ВСНХ) кассовую ведомость, где указывают: кому произведена выдача (адрес и род занятий), с какого счета и на какой предмет она произведена. О всех кредитах свыше 10 тыс. рублей банки должны сообщать в день открытия, все прочие указываются в ежемесячной ведомости. Кроме того, было оговорено, что ВСНХ имеет право, при участии представителей Госбанка, посылать своих представителей в любой частный банк для просмотра любых книг и документов.⁷⁸ Первая выдача была определена в 15 млн рублей наличными, все последующие подкрепления должны были составить 8 млн рублей в день.⁷⁹ 15(2) декабря частные банки согласились на условия большевиков. 17(4) декабря они приступили к работе, распределив между собой первую полученную наличность.⁸⁰

Но попытка Советской власти поставить под свой контроль частную кредитную систему закончилась провалом. Банкиры представляли в Госбанк не соответствующие действительности справки и ведомости, а расходовали полученную наличность по своему усмотрению. Перепадало и контрреволюционным организациям. Например, в «период контроля» Комитет акционерных банков передал несколько сот тысяч рублей Чайковскому, возглавлявшему антибольшевистский мятеж в Архангельске.⁸¹ Бегство капиталов из частных банков в этот период еще более возросло, чему в не малой степени способствовало регулярное снабжение банкиров наличными из Госбанка, т.е. от Советской власти. По соглашению с главным комиссаром Государственного банка союзу частных банков предоставлялось право получать 50 млн рублей в неделю со своих счетов в Госбанке, не считая счетов фабзавкомов, которые Госбанк обязывался оплатить по предъявлению чеков из частных банков. Благодаря этому соглашению банкиры

⁷⁸ См.: Зак А.Н. Указ. соч. С. 35–36.

⁷⁹ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 82.

⁸⁰ См.: Ривкин Б. Указ. соч. С. 86.

⁸¹ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 82–83.

могли выколачивать из национального банка не менее 300—350 млн рублей в месяц, правда, период контроля продолжался всего 10 дней.⁸²

Еще до соглашения с Госбанком, когда стало ясно, что денежной наличности для обслуживания клиентов надолго не хватит, частные банки решили выйти из положения путем независимой от государства эмиссии. Из провинции поступали сведения о том, что там уже такие попытки предпринимаются. 30 (17) октября 1917 г. появились денежные суррогаты в Екатеринбурге, 23 (10) ноября в Воронеже, в это же время в Астрахани было введено чековое обращение. 4 января 1918 г. (22 декабря 1917 г.) выпущены кредитные билеты Украинской Народной Республики в Киеве. Проекты введения местных бон вынашивались в Вятке, Екатеринославле, Одессе, Тифлисе, Ростове-на-Дону. Первоначально совещание представителей правлений частных банков в Петрограде 10 декабря (27 ноября) 1917 г. высказалось против выпуска бон местными отделениями. Но денежный голод в провинции все более разрастался и местные банковские комитеты стали прибегать к выпуску в обращение различного рода денежных суррогатов. Иногда комитеты ограничивались тем, что выпускали из имеющихся у них запасов наиболее подходящие для указанной роли государственные бумаги: купоны истекших сроков, билеты (серии) государственного казначейства, облигации «Займа Свободы». Такая ситуация наблюдалась в Баку, Казани, Армавире, Ростове-на-Дону, Туле и других городах. В других случаях комитеты выпускали совершенно новые денежные суррогаты: особые чеки, бонсы и т.д. Таким образом, вопрос о создании дополнительного эмиссионного аппарата обострился и требовал разрешения в срочном порядке.⁸³

30 (17) ноября 1917 г. совещание банкиров признало необходимым образование «Союза российских банков», чтобы иметь возможность выпускать особые чеки на предъявителя. Решено было срочно составить проект договора между банками о выпуске чеков. Избрали специальную комиссию из юристов, куда вошли А.И. Каминке, В.Б. Ельяшевич, В.В. Розенберг, Н.И. Лазаревский.

Проект договора о «Союзе акционерных коммерческих банков в целях производства платежей при недостатке денежных знаков особыми расчетными билетами» был составлен и обсуждался на засе-

⁸² См.: Сокольников Г.Я. К вопросу о национализации банков. М.. 1918. С. 4.

⁸³ См.: Зак А.Н. Указ. соч. С. 37–43, 46.

даниях Совещания банков 2, 4, 5, 8, 9, 10 декабря (19, 21, 22, 25, 26, 27 ноября) 1917 г. В проект было внесено ряд изменений, а в заключение избрали Организационную комиссию для скорейшего проведения его в жизнь. Туда вошли: В.С. Субботник, В.Ф. Соллогуб, Е.С. Карагин, С.Б. Габриель, В.В. Розенберг. По договору членами «Союза российских банков» могли являться только Московские и Петроградские банки, остальные должны были пользоваться их кредитами.

На первом заседании 13 декабря (30 ноября) 1917 г. Организационная комиссия, ознакомившись с предложениями типографий по изготовлению чеков, дала заказ на их изготовление по 9 копеек за штуку. На заседаниях 15, 18, 20 (2, 5, 7) декабря обсуждались рисунки и формы чеков, а также надписи на них. Утвердили два сорта чеков в 100 рублей (желто-коричневой расцветки) и 25 рублей (зелено-лиловой). Решены были вопросы о помещении для Союза, системе книг для учета, подобраны кадры и т.д. Чеки начали печатать.⁸⁴

В период «контроля» деньги через частные банки продолжали бесконтрольно утекать. С таким положением Советская власть долго мириться не могла. Ленин поручил подготовить проект декрета о национализации частных банков Г.Я. Сокольникову.⁸⁵ По воспоминаниям Д.П. Боголепова, декрет «был проведен, помимо народного комиссара по финансовым делам, на особом частном заседании, которое состоялось в Совнаркоме... Главным инициатором этой меры был тов. Сокольников, который был назначен комиссаром над частными банками».⁸⁶

Захват частных банков, начавшийся в 7 часов утра 27 (14) декабря 1917 г., носил характер боевой операции. Вооруженные отряды оцепили банки. Телефонная связь между ними была прервана. К 12 часам все банки оказались в руках вооруженных красногвардейцев. В первую очередь большевики потребовали от членов правлений ключей от касс и кладовых. В случае сопротивления директоров и членов правлений арестовывали и доставляли в Смольный. 15 (28) декабря таким же образом были заняты частные банки в Москве. В провинции захват банков происходил в январе 1918 г.⁸⁷

⁸⁴ См.: Там же. С. 46–60.

⁸⁵ См.: Генис В.Л. Упрямый нарком с Ильинки (вместо предисловия) // Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1991. С. 5.

⁸⁶ Боголепов Д. Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1925. № 4 (39). С. 166.

⁸⁷ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 87; Ривкин Б. Указ. соч. С. 91.

В ответ служащие банков 28 (15) декабря 1917 г. объявили забастовку, которую возглавил профсоюз работников частных кредитных учреждений «Кредиттруд». Этот профсоюз очень тесно контактировал с «Банкосоюзом». Впоследствии в начале июня 1918 г. эти две организации объединились в одну, вошедшую в литературу под названием «Банкотруд».⁸⁸

В тот же день на совещании комиссаров Госбанка представители правлений бывших частных банков, которые были приглашены для установления порядка ликвидации дел, предложили выяснить сущность и форму проектируемого контроля (термин национализации они игнорировали). Если требования окажутся приемлемыми, то банкиры обещали повлиять на профсоюз для прекращения забастовки. Но соглашения достигнуть не удалось.⁸⁹

Вечером 27 (14) декабря Г.Я. Сокольников, руководивший «боевой операцией», выступил во ВЦИК с докладом по декретам о национализации банков и о ревизии стальных ящиков (сейфов) в банках. В ответ прозвучали обвинения, что Совнарком желает разрешить сложные финансовые вопросы «одним взмахом топора».⁹⁰ Меньшевик-интернационалист Б.В. Авилов заявил протест против декрета, предлагая сначала выработать конкретные меры, разработать план, пригласить опытных, компетентных людей и лишь затем приступить к национализации банков.⁹¹

На заседании ВЦИК выступил В.И. Ленин, который сказал, что Советское правительство не хотело спешить с национализацией, выработало, совместно с банкирами, меры, обеспечивающие полный контроль за деятельностью банков, давали им возможность получать ссуды в Госбанке. Но те, формально согласившись, стали на путь обмана государства и развили преступную деятельность в обход рабочего контроля. Перед лицом этих фактов правительство вынуждено было поспешить с национализацией банков.⁹²

«Мы знаем, что это сложная мера. Никто из нас, даже имеющих экономическое образование, за проведение ее не возьмется. Мы позо-

⁸⁸ См.: Банктруд. 1918. № 3. С. 14, 24.

⁸⁹ См.: Ривкин Б. Указ. соч. С. 93-94.

⁹⁰ См.: Генис В.Л. Указ. соч. С. 5.

⁹¹ См.: Газета Рабочего и Крестьянского правительства. 1917.29 декабря. № 34.

⁹² См.: Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 172.

вем специалистов, занимающихся этим делом, но только тогда, когда ключи будут у нас в руках. Тогда мы даже сумеем завести консультантов из бывших миллионеров». Далее Ленин продолжал, что «... неутверждение декрета сейчас же приведет к тому, что банки примут все меры для сугубого расстройства хозяйства. Проведение декрета неотложно, иначе нас погубят противодействие нам и саботаж».⁹³ Декрет, в конечном итоге, был принят подавляющим большинством голосов. Меньшевики-интернационалисты воздержались от голосования.⁹⁴

Декретом 27 (14) декабря 1917 г. о национализации частных банков провозглашалась государственная монополия банковского дела. Объединенный с бывшими частными банками Госбанк стал называться Народным банком Республики. Одновременно был принят декрет о ревизии стальных ящиков (сейфов) в банках. Все обнаруженные деньги зачислялись на текущий счет клиента в Нарбанк, а золото в монетах и слитках конфисковывалось.⁹⁵

Проведение национализации банков вызвало яростную критику большевистского правительства. Даже комиссар Госбанка Ю.Л. Пятаков возражал против такой национализации, считая, что после овладения Государственным банком не было необходимости прибегать к вооруженной силе для подчинения частных банков. Достаточно было прекратить их снабжение денежной наличностью.⁹⁶

Политические противники большевистской партии заявляли, что содержание декрета о национализации банков и введение контроля над банками, «напоминающее простой красногвардейский налет, отчетливо говорят, что большевики в первую голову искали здесь для казны денежных запасов, а самая национализация была для них делом второстепенным». Необходима была осторожность в этом деле, предварительная разработка, создание необходимого государственного аппарата. Но большевики «осуществили контроль над банками в грубой, дикой форме красногвардейского налета». Заняв все входы и выходы банковских помещений вооруженными матросами, они ввели внутрь невежественных комиссаров и сразу парализовали тонкий, сложный финансовый аппарат. В результате большевистской национа-

⁹¹ Там же. С. 172-173.

⁹² См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 89.

⁹³ См.: Декреты Советской власти. М.. 1957. Т. 1. С. 230-231.

⁹⁴ См.: Ривкин Б. Указ. соч. С. 91; Атлас М.С. Указ. соч. С. 87.

лизации получилось лишь полное расстройство финансового аппарата, анархическая дезорганизация промышленности и торговли.⁹⁷

В докладе Я. Брискина о финансовом положении, направленном в НКФ в 1918 г. говорилось, что национализацией банков вся промышленность была переведена на иждивение казны. «Национализированными таким образом оказались банковские расходы, доходы же растаяли как дым... Если пассив выпер на улицу из банков в виде «хвостов», то актив сразу сжался и превратился в ноль». Разрушение в одночасье кредитной системы страны усилило денежный голод и эмиссию. Это, в свою очередь, вызвало рост цен и обесценение зарплаты. «Таковы были результаты национализации банков»,⁹⁸ - уверял Я. Брискин.

Ленин твердо отстаивал правильность принятого решения. «Мы хотели идти по пути соглашения с банкирами, мы давали им ссуды на финансирование предприятий, но они затеяли саботаж небывалого размера, и практика привела нас к тому, чтобы провести контроль иными мерами».⁹⁹ «Мы поступили не так, как это порекомендовали бы, вероятно, сделавшие соглашатели: сначала подождать Учредительного собрания, может быть, потом выработать законопроект и внести его в Учредительное собрание и этим оповестить господ буржуа о нашем намерении, чтобы они могли найти лазейку, как им от этой неприятной вещи избавиться... Мы поступили попросту ... мы сказали: - у нас есть вооруженные рабочие и крестьяне. Они должны сегодня утром занять все частные банки... И после того, как они это сделают, когда уже власть будет в наших руках, лишь после этого мы обсудим, какие нам принять меры».¹⁰⁰ Давая отповедь критикам, вождь утверждал: «Не было ни одного человека из нашей среды, который представлял бы себе, что такой искусный, тонкий аппарат банковского дела... может быть сломан или переделан в несколько дней. Этого мы никогда не утверждали... Мы знаем лишь один путь пролетарской революции: овладеть неприятельской позицией — научиться власти на опыте, на своих ошибках. Мы нисколько не преуменьшаем трудность

⁹⁷ См.: Раков Д.Ф. Финансовая политика большевистской власти // Большевики у власти. Социально-политические итоги Октябрьского переворота. Пг.-М.. 1918. С. 180-181.

⁹⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 36. Л. 2-3.

⁹⁹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 173.

¹⁰⁰ Там же. С. 273-274.

нашего пути, но основное нами уже сделано. Источник капиталистических богатств в их распределении подорван».¹⁰¹

Отвечать на критику вынужден был и «крестный отец» национализации банков Г.Я. Сокольников. В своей брошюре «К вопросу о национализации банков» он полемизирует с немецким социал-демократом Парвусом, который в издаваемом в Швеции журнале писал о крахе национализации банков, утверждая, что большевики надеялись найти в банках деньги, но в действительности нагрузили себя банковскими долгами.¹⁰² На это Сокольников замечал, что задача национализации банков гораздо шире, чем простое участие в регулировании денежного обращения. Григорий Яковлевич доказывал, что если бы Советская власть предоставила банки своей собственной судьбе, то это означало бы «решение «взорвать» все частные банки», так как они не могли бы просуществовать без поддержки Госбанка. На текущем счету Петроградской конторы Государственного банка к 22 января 1918 г. у частных банков имелось всего 88,2 млн рублей. Этих денег хватило бы им на 1,5 недели. С аннулированием государственных займов автоматически аннулировались и кредиты бывшим частным банкам, поэтому 1,5 миллиардный их долг государству превратился в почти не обеспеченный долг. Заводы, в которых были заинтересованы банки, либо закрывались вследствие демобилизации промышленности, либо национализировались. Поэтому активы, значившиеся по корреспондентским счетам этих предприятий, превратились для частных банков в безнадежные, а запрещение сделок с процентными бумагами и реквизиции товаров «довершили смертельные удачи, сыпавшиеся на капиталистический банк».

Сокольников утверждал, что, беря на себя долги частных банков, Госбанк получал среди активов последних свой собственный долг в виде казначейских обязательств на сумму около 4 млрд рублей. Кроме того, особенностью русских коммерческих банков являлось широкое развитие подтоварного кредита, т.е. выдача срочных и бессрочных ссуд под залог товаров и товарных документов. С национализацией все заложенные товары: огромное количество хлопка, сахара, дров и прочего, перешли в распоряжение распределительных и производительных советских организаций. Григорий Яковлевич на-

¹⁰¹ Там же. С. 274.

¹⁰² См.: Сокольников Г.Я. К вопросу о национализации банков. М., 1918. С. 3.

стаивал на том, что, взяв в свои руки коммерческие банки, Советская республика не имела в виду «получить там деньги» в их материальной форме денежных знаков. Однако после национализации правительство получило в свои руки право распоряжения денежными средствами, товарами, процентными бумагами, которые раньше находились в распоряжении финансовой олигархии.¹⁰³

Большое внимание уделил Сокольников проблеме бегства вкладов из банков. Он утверждал, что задолго до национализации в более или менее скрытых формах происходил отлив крупных капиталов. Наиболее предусмотрительные генералы от финансов переводили деньги и ценности в Финляндию и за границу. Этот процесс в усиленном масштабе начался с сентября 1917 г. К 1 октября 1917 г. в частных банках, Госбанке и сберегательных кассах имелось вкладов на 16 млрд рублей, не считая вкладов процентными бумагами в сберкассах. Из них около 9 млрд хранилось в коммерческих банках, обществах взаимного кредита и городских общественных банках. В национализированном банке, по данным Сокольникова, осталось вкладов и текущих счетов на 6,5—7 млрд рублей.

С момента национализации выдача вкладов частным лицам на личные потребности была прекращена на 2 месяца, а затем открыта, но в весьма ограниченных размерах. С другой стороны всеобщий банковский саботаж вообще сделал невозможным обслуживание выдач по вкладам. Сокольников считал, что это имело огромное значение, так как помогло сломить к началу февраля интеллигентский и чиновничий саботаж, удалось остановить субсидирование гражданской войны буржуазными классами. «Никакой надзор, никакой контроль не мог бы помешать банковскому субсидированию саботажа и гражданской войны...» — восклицал Сокольников.

Кроме этого, Григорий Яковлевич имел свой собственный взгляд на программу социалистического переустройства России, которую во многом связывал с национализацией частных банков.¹⁰⁴

Таким образом, и В.И. Ленин, и Г.Я. Сокольников, говоря о национализации банков, указывали на то, что эта мера во многом носила вынужденный характер, вследствие провала попытки договориться

¹⁰³ См.: Там же. С. 6-10; 16; 21-22.

¹⁰⁴ См.: Там же. С. 12-13; 23-25; 29; 30-31.

с банкирами и поставить их под контроль правительства. Правда, Ленин подходил к этой проблеме с революционной точки зрения наступления на капитал и подрыва экономического господства буржуазии. Сокольников же более глубоко разработал вопрос, указывая на экономические причины национализации.

Итак, большевистские лидеры видели в национализации банков больше положительных, чем отрицательных сторон. Но негативные последствия декрета имели место. И, прежде всего это забастовка служащих. К бастовавшим чиновникам Госбанка присоединились их коллеги из коммерческих банков.

В борьбе, теперь уже с саботажем частных банков, Советская власть опиралась опять же на низших служащих. Переговоры с Кредиттрудом вынужден был вести Г.Я. Сокольников. Благодаря его усилиям удалось добиться от банковских работников уступок. 2 февраля (20 января) 1918 г. появилась резолюция общего собрания профессионального союза служащих кредитных учреждений (Кредиттруда), в которой было заявлено о решении прекратить борьбу против Советской власти и добросовестно приступить к работе. На радиограмме о прекращении забастовки Ленин написал: «По радио, за границу и всем».¹⁰⁵

Саботаж служащих банковских учреждений в целом возглавлялся Банктрудом, но, кроме того, забастовку в частных банках активно поддерживал нелегально существовавший в Петрограде вплоть до начала 1919г. Комитет съездов акционерных банков. Единство саботажников наблюдалось лишь первое время, а затем начался раскол в их рядах. Низшие и часть средних служащих стали возвращаться на работу. В конце января 1918 г. довольно большая группа чиновников подала заявление в Петроградскую контору Нарбанка о своем желании вернуться к занятиям. В конце января делегация банковских служащих явилась для переговоров к В.И. Ленину.¹⁰⁶

Ознакомившись с предложениями Сокольникова, представители союза служащих кредитных учреждений заявили, что союз, являясь пролетарской организацией, стоит на почве участия в общепролетарском революционном движении, что же касается полной поддержки Советской власти, то профсоюз, не будучи политической организацией, не

¹⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 2.

¹⁰⁶ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 103.

считает возможным касаться политических убеждений своих членов. Союз никогда не высказывался против национализации банков, наоборот утверждал, что как контроль над банками, так и их национализация должны быть произведены согласно с общим планом регулирования народного хозяйства. Такая позиция была изложена еще в резолюции общего собрания служащих 6 (19) декабря 1917 г. Поэтому союз считает необходимым принять участие в дальнейшей разработке и проведении в жизнь декрета от 27(14) декабря 1917 г. Вопрос о комиссарах в банках принципиальных возражений не встретил.

По вопросу о реорганизации Всероссийского профессионального союза служащих кредитных учреждений, в связи с коренной перестройкой кредитного аппарата страны, представители союза заявили, что этот вопрос, согласно устава, должен быть поставлен на разрешение ближайшего всероссийского съезда организации.

Со своей стороны профсоюз выдвигал основным условием возобновления работ служащих бывших частных кредитных учреждений допущение к занятиям всех без исключения. Остальные вопросы возобновления работы должны были стать, по их мнению, предметом особого соглашения между администрацией Национального банка и Кредиттрудом.¹⁰⁷

Несмотря на то, что часть служащих, в том числе и средних, вернулась на работу во второй половине января 1918 г. забастовка продолжалась еще 2 месяца: февраль - март. Лишь 3 апреля 1918 г. общее собрание служащих кредитных учреждений с участием представителей Советской власти решило прекратить забастовку и приступить к работе. 6 апреля все служащие Петроградских банков вышли на службу. К 20 апреля забастовка была ликвидирована в Москве.¹⁰⁸

Но даже после прекращения открытых неприязненных действий против большевистского правительства отношения между «Банктрудом» и Советской властью были весьма напряженными и подозрительными. Об этом говорит циркулярное письмо «Банктруд и Советская власть. (К вопросу о нашей тактике)», появившееся 10 октября 1918 г. Оно было опубликовано в центральном органе профсоюза и разослано на места.¹⁰⁹

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Он. 2. Д. 359. Л. 1.

¹⁰⁸ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 104.

¹⁰⁹ См.: Банктруд. 1918. Октябрь- ноябрь. № 4-5. С. 1-4.

Здесь говорилось, что трения между Всероссийским профессиональным союзом работников кредитного дела и комиссариатом финансов еще не изжиты, причем НКФ обвинялся в предвзятом отношении к «кредитникам». Но особое внимание обращалось на сложность тактики профсоюза по отношению к Советской власти. Банкотруд подчеркивал, что можно остро критически относиться к общей и народно-хозяйственной политике и методам борьбы этой власти, но «субъективно Советская власть является борцом за высшие формы жизни, за уничтожение капиталистического режима и установления царства труда». Советская власть - детище трудового народа, «которому она, по крайней мере, субъективно пытается служить. Отсюда вся сложность той тактики, которая должна применяться Союзом в настоящий период своего существования».

Банкотруд призывал к установлению добрососедских отношений с Советской властью, активно содействуя ей в налаживании кредитно-финансового аппарата. Но тут же подчеркивалось, что республика в данный момент переживает переходный период, поэтому возможен возврат «в царство самой гнусной буржуазной реакции». Поэтому задача профсоюза сохраняться и при «изменении конъюнктуры», противопоставить реакции «грозную силу организованного труда». Поэтому отдельные члены союза могут занимать ответственные посты, но его органы должны, во что бы то ни стало, сохранить независимость и нейтральность в вопросах финансово-экономической политики власти.

Банкотруд заявлял, что его цель — внесение ясности в отношения с властями. Для этого необходимо заключить договор с Центральным управлением Народного банка. Но Наркомфин затормозил его утверждение и продолжает вести борьбу с профсоюзом, отстраняя его от всякой работы банковских учреждений. Профсоюз еще в декабре 1917 г. отмечал, что НКФ предпочел «разработку мер борьбы» с ним, в то время как при корректном к нему отношении союз «мог бы многое сделать для уничтожения того хаоса, в котором все еще пребывает парализованный кредитный механизм страны».¹¹⁰

1 - 1 июня 1918 г. на съездах организаций «Банкосоюза» и «Кредиттруда» одновременно постановили, что необходимо создать еди-

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 3-6.

ный производственный профсоюз, который включал бы в себя всех тружеников на поприще кредитного дела страны.¹¹¹ Таким образом, было выполнено требование большевиков о создании единой организации, выдвинутое ими при заключении соглашения о прекращении забастовки 3 апреля 1918 г. После этого произошло слияние отдельных организаций в единую «Банкотруд». Но съезд объединенного профсоюза в июле 1918 г. собрать не смогли и созвали лишь в начале января 1919 г. И здесь под влиянием разгоравшейся Гражданской войны была принята пробольшевистская резолюция.¹¹² Таким образом, попытка «Банкотруда» проводить независимую политику по отношению к Советской власти была окончательно сломлена, и никакой угрозы для большевиков профсоюз уже не представлял.

Забастовка в кредитных учреждениях нанесла страшный удар, как по финансовой системе страны, так и по финансовому аппарату России. Практически с октября 1917 г. по март 1918 г. вся энергия НКФ была направлена на слом саботажа и на овладение старым финансовым аппаратом.¹¹³ Вот как описывается сложившееся тогда положение в обзоре деятельности финансового ведомства за 1917-1918 гг. Было время, когда почти единственными работниками в Наркомфине являлись нарком и два его помощника, которые должны были и готовить финансовые законопроекты, и проводить их в жизнь. «Вся страна была отрезана от центра и предоставлена своей собственной участии». Просто поддержка хоть сколько-нибудь правильной работы финансового аппарата первые 2-3 месяца была делом неизмеримой трудности. Рабочие требовали уплаты зарплаты, публика, ввиду недоверия к новому правительству, изымала свои вклады из банков и сберкасс, а работа финансового аппарата иногда просто замирала. Некому было посыпать денежные знаки, распределять их по кассам и выдавать населению. «Можно было ожидать ежеминутного взрыва».

Большую роль при сломе саботажа сыграли младшие служащие. Параллельно необходимо было «вести борьбу за улучшение личного состава, выбрасывая наиболее вредные элементы». Заменять,

¹¹¹ См.: Банкотруд. 1918. Сентябрь. № 3.

¹¹² См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 104.

¹¹³ См.: Социальная революция и финансы. Сборник к III Конгрессу Коммунистического интернационала. М. 1921. С. 125.

особенно руководящих лиц, лицами, «стоящими на платформе Советской власти, или, по крайней мере, способных усвоить смысл и дух ее деятельности».

О национализации банков в документе говорится, что попытки установить контроль над их деятельностью оказались тщетными, а назначению комиссаров препятствовали не только банкиры, но и служащие, грозя забастовкой, что и произошло после декрета 14 декабря 1917 г. Саботаж здесь принял особенно упорную и затяжную форму. «Трудно сказать, что бы было, если бы все служащие остались». Если бы это произошло то, по мнению составителя документа, была бы возможность приспособить финансовый аппарат к нуждам Советской власти, не ломая его снизу до верху.¹¹⁴

Большевики не ожидали такого сопротивления банкиров. Они не собирались разрушать тонкий банковский аппарат, а хотели его взять готовым у капитализма, к чему в частности призывал В.И. Ленин.¹¹⁵ Но обстоятельства сложились таким образом, что пришлось ломать его снизу до верху. На службу в банки была принята масса новых служащих, в подавляющем большинстве крайне низкой квалификации. Именно с этого периода начинается процесс «депрофессионализации» и «размывания» финансового аппарата в целом, что очень скоро сказалось на его работе.

¹¹⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1. Л. 20-23.

¹¹⁵ См.: Ленин В.И. Поли. собр. соч. - Т. 34. - С.307.

ГЛАВА II. «КРАСНОГВАРДЕЙСКАЯ АТАКА НА КАПИТАЛ». ОБОСТРЕНИЕ ФИНАНСОВЫХ ПРОБЛЕМ

2.1. Попытка реализации предоктябрьской программы

Параллельно с борьбой за овладение банковской системой стра-ны и сломом саботажа большевики постарались провести целый ряд мероприятий, часть из которых была намечена ими еще до революции, а часть вытекала из потребностей текущего момента.

По докладу В.Р. Менжинского на заседании СНК 8 декабря (25 ноября) 1917 г. принимается декрет об упразднении Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков. Это постановление было принято во исполнение декретов о земле и об уничтожении словесных учреждений. Но фактическая работа по ликвидации государственных ипотечных банков началась лишь с декабря 1918 г.¹

3 декабря (20 ноября) 1917 г. в Совнаркому был заслушан доклад Д.П. Боголепова и Кузовкова о проекте новых налогов и об общем направлении финансовой политики. Постановили назначить на следующий день экстренное заседание по вопросу об общем направлении финансовой политики правительства республики.²

4 декабря (21 ноября) 1917 г. Совнарком заслушал доклад Д.П. Боголепова по проекту нового положения о подоходном налоге и о запрещении оплаты процентных бумаг. По первому вопросу постановили передать представленный проект в комиссию, создать которую получалось докладчику. А обсуждение второго вопроса было отложено.³

5 января 1918 г. (23 декабря 1917 г.) СНК вернулся к вопросу о запрещении оплаты процентных бумаг. Было решено временно приостановить всякую оплату купонов и запретить сделки с ценными бумагами до выработки ВСНХ законов о ликвидации займов.⁴ 11 января 1918 г. (29 декабря 1917 г.) появился декрет Совнаркома о запрещении операций с ценными бумагами.⁵ Благодаря этому закону была уничтожена фондовая биржа.

¹РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. П. Л. 1.

²Там же. Д. 5. Л. 2.

³Там же. Д. 6. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 34. Л. 2. См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 287.

⁵ См.: Социальная революция и финансы. Сборник к III Конгрессу Коммунистического интернационала. М., 1921. С. 45.

14(1) января 1918 г. СНК принял проект закона об аннулировании государственных займов.⁶ На следующий день он был внесен во ВЦИК, а 3 февраля (29 января) 1918г. ВЦИК принял декрет.⁷ Таким образом большевики выполнили свою предоктябрьскую программу по аннулированию всех займов. Благодаря этому удалось освободить казну России от долгов в размере 60 млрд рублей, из которых 44 млрд был внутренний долг, а 16 млрд - внешний.⁸

Но проведение в жизнь декрета об аннулировании государственных займов натолкнулось на большие трудности вследствие того, что в документе предусматривались компенсации общеполезным учреждениям и организациям, а также малоимущим вкладчикам. Четких указаний на то, какие учреждения относятся к данной категории, не имелось. К этой проблеме пришлось возвратиться осенью 1918 г.

В развитие декрета о национализации частных банков на заседании СНК 23 (10) января 1918г. Г.Я. Сокольников представил проект декрета о национализации капиталов частных банков, который был утвержден и опубликован 8 февраля 1918 г. По этому декрету банковские акции аннулировались, и выплата дивидендов прекращалась.⁹

Эти мероприятия Советской власти, с одной стороны, лишили держателей акций миллионов рублей, а с другой - освобождали государственный бюджет от обслуживания как внутренних, так и внешних долгов. Большеевики, выполняя свою программу, стремились: 1) ликвидировать частный кредитный аппарат, 2) аннулировать долги государства, 3) ограничить возможность для буржуазии пользоваться теми денежными и материальными ресурсами, которые у нее имелись.¹⁰

Такие действия Советской власти обусловлены были желанием подорвать экономическую и политическую мощь буржуазии, поэтому их можно с уверенностью назвать наступлением на капитал. С другой стороны, эти мероприятия способствовали борьбе с финансовым

⁶ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 38. Л. 2.

⁷ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 386-387.

⁸ См.: Ривкин Б. Указ. соч. С. 105.

"РГАСПИ.Ф. 19.0п. 1. Д. 54. Л. 2: См.: Декреты Советской власти. М, 1957. Т. 1.С. 390-391.

¹⁰ См.: Социальная революция и финансы. Сборник к III Конгрессу Коммунистического интернационала. М.. 1921. С. 43.

кризисом, как это было с аннулированием долгов России, после национализации банков и конфискации их капиталов автоматически ликвидировался внутренний долг государства частному капиталу.

Другие мероприятия Советской власти в финансовой области в этот период вытекали уже из конкретной экономической ситуации, сложившейся в республике после Октября. Они носили вынужденный характер и не опирались на заранее разработанную программу. Большевики всеми силами пытались бороться с финансовым кризисом, поразившим страну. Положение осложнялось еще и тем, что те шаги, которые предпринимало Советское правительство в рамках «дооктябрьской» программы, при их проведении в жизнь приобрели совершенно неожиданный оборот, часто усложняя и без того непростую финансовую ситуацию.

Одной из первых всталася проблема непомерных государственных расходов. На Совнаркоме уже 7 декабря (24 ноября) 1917 г. рассматривался вопрос об организации специальной комиссии по сокращению государственных расходов.¹¹ Окончательно проект декрета об особом комитете по сокращению государственных расходов, предложенный Д.П. Боголеповым, был одобрен СНК 16 февраля 1918 г. «Особый комитет по сокращению расходов», образованный декретом 20 февраля обладал широкими правами вплоть до пересмотра полномочий ведомств, лиц и учреждений, распоряжающихся кредитами. «Комитету» вменялось в обязанность предварительное рассмотрение смет ведомств и организаций, а также проекта государственной росписи доходов и расходов.¹² Однако в условиях России того времени работа этого органа практически ничего не дала. Расходы продолжали расти, а доходы так же быстро сокращаться.

Вновь образовавшиеся на месте старых министерств наркоматы проявили полную беспомощность в добывании средств на свои нужды. Это усугублялось еще и саботажем чиновников. 2 декабря (19 ноября) 1917 г. Совнарком назначил комиссию для изучения смет министерств и ведомств под руководством В.Р. Менжинского, а 3 декабря (20 ноября) 1917 г. определил порядок удовлетворения их финансовых требований. Заявки должны были направляться в соответ-

¹¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

¹² См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 483-484.

ствующее министерство, потом в казначейство, далее в Министерство финансов, в Госконтроль и только после этого в СНК.¹³ Но такой порядок практически не соблюдался, требования ложились сразу на стол Совнаркома, и все финансирование шло из его фонда.

НКФ своеобразно «помогал» ведомствам в получении средств. В декабре 1917 г. В.Р. Менжинский разослал всем наркоматам телеграмму, где говорилось: «Товарищи постоянно обращаются ко мне за парой тысяч, вместо того, чтобы использовать 100-ни миллионов, находящиеся в их полном распоряжении». Далее нарком наставлял комиссаров, чтобы те вытребовали смету неизрасходованных кредитов по своему министерству, в некоторых из которых имеются миллионные суммы с самым разнообразным назначением, вплоть до защиты Петрограда от большевиков, откуда и можно брать деньги. Менжинский предлагал наркомам узнать - кто подписывает ассигновки, а также, кто именно получает по ним деньги. Пригласить этих лиц, «если нужно с парой солдат, как мы сделали в Полевом Казначействе», они явятся, подпишут ассигновки и получат деньги. «Теперь от энергии товарищей зависит получить в свое распоряжение деньги. Роль Министерства Финансов кончена»,¹⁴ — заключал наркомфин. Таким образом, Менжинский объявлял «дело спасения утопающих, делом рук самих утопающих».

Декретом от 25 (12) декабря 1917 г. о введении представителей советов в состав учетно-ссудных комитетов контор и отделений Госбанка большевики попытались поставить под контроль клиентуру банка, особенно в провинции. Эти комитеты определяли размеры кредитов частным банкам и предприятиям. Введением в их состав представителей от местных советов и комиссаров, число которых должно было вдвое превышать численность торговцев, промышленников и сельских хозяев, правительство пыталось ввести контроль над деятельностью провинциальных отделений Госбанка и ослабить саботаж чиновников.¹⁵ Однако практического эффекта этот декрет не дал.

Несмотря на борьбу с саботажем, правительство было обеспечено выработкой плана построения новой финансовой системы.

¹³ См.: РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 3; Д. 5. Л. 2.

¹⁴ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2757. Л. 7-9.

¹⁵ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 192-193.

10 декабря (27 ноября) 1917 г. на заседании Совнаркома выступил В.И. Ленин с предложением об организации особой комиссии для проведения в жизнь социалистической политики в области финансовой и экономической. А.Г. Шляпникову было поручено организовать особое совещание с привлечением представителей от различных ведомств, а Н.И. Бухарину и Г.Л. Пятакову образовать комиссию из 3-5 членов СНК для обсуждения основных вопросов экономической политики правительства.¹⁶

Тем временем все более ясно очерчивались проблемы в финансовой области. В начале января 1918 г. как тему для разработки В.И. Ленин записал: «...36. Деньги. Их роль. Их втягивание в казну».¹⁷

11 февраля (29 января) 1918 г. на заседании СНК В.И. Ленин ставит задачу ускорить проведение финансовых мероприятий. Совнарком предложил ВСНХ и НКФ в спешном порядке рассмотреть вопросы: 1) о вытягивании денег из населения; 2) о принудительном объединении населения в потребительские общества; 3) об обязательном держании денег в Народных банках. Эти наркоматы должны были в кратчайший срок представить в СНК соответствующие проекты декретов.¹⁸

После этого заседания было объявлено право свободного распоряжения суммами с вкладов, внесенных после 1 января 1918 г.¹⁹ Таким образом, хотели вызвать прилив денег в банки. Но этого не произошло. Наоборот население всеми правдами и неправдами пыталось изъять свои вклады, не доверяя новому правительству.

Очень скоро новая власть столкнулась с проблемой налогов. Их поступление практически прекратилось. Это внесло корректиды в планы большевиков.

На заседании Совнаркома 8 декабря (25 ноября) 1917 г. был представлен проект декрета об отмене косвенных налогов. Известно, что отказ от косвенного обложения был предотвращен требованием большевиков. В проекте говорилось, что отменяются все налоги на предметы потребления за исключением налогов на предметы роскоши. Но в следующей же статье документа было записано: «Времен-

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.

¹⁷ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 189.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

¹⁹ См.: Социальная революция и финансы. Сборник к III Конгрессу Коммунистического интернационала. М., 1921. С. 50.

но впредь до введения новых прямых налогов, но во всяком случае не более чем на год, налоги, перечисленные в статье 2, сохраняются».²⁰ Таким образом, в проекте декрета объявлялась «декларация о намерениях» отменить косвенные налоги, однако сроки этого были отодвинуты минимум на год.

После Октябрьской революции сельское население по-своему отреагировало на происходившие в стране изменения. Крестьяне первым делом перестали платить налоги, ибо «так они понимали свободу».²¹ Вследствие такого положения В.И. Ленин вынужден был обратить внимание на налоговую проблему в своем обращении 18 (5) ноября 1917г. «К населению»: «Ни один трудящийся и работник не потеряет ни копейки; напротив, ему будет оказана помощь. Кроме строжайшего учета и контроля, кроме взимания без утайки налогов, установленных раньше, никаких других мер правительство вводить не хочет».²²

Налоговый вопрос, как было уже сказано, поднимался в СНК 3 и 4 декабря (20 и 21 ноября) 1917 г. Причем на втором заседании Д.П. Боголевов представил проект нового положения о подоходном налоге. 7 декабря (24 ноября) 1917 г. проект был принят. Так появился «Декрет о взимании прямых налогов». Его цель — заставить население платить налоги. К взиманию платежей, кроме обычных органов, привлекались местные советы, которые обязаны были направить в казенные палаты своих комиссаров. Советы получали право для «понуждения» к исполнению налогов пользоваться Красной гвардией и милицией.²³

Одновременно с попытками заставить население платить старые налоги, которые в конечном итоге большого эффекта не дали, встает проблема обложения крестьянства.

Несмотря на заявление В.И. Ленина 18 (5) ноября 1917 г., что кроме сбора налогов, установленных ранее, никаких других мер правительство вводить не хочет, уже 8 декабря (25 ноября) 1917г. СНК приступил к рассмотрению возможности введения поимущественного налога на крестьянство.²⁴ По инициативе Ю. Ларина стали разра-

²⁰ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

²¹ См.: Известия. 1918. № 37: 73; 80.

²² Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 66.

²³ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 141-142.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

батывать целый ряд налогов на крестьянское хозяйство, которые должны были дать значительные средства.²⁵ В начале февраля 1918 г. В.И. Ленин, выступая перед деревенскими агитаторами, говорил: «Мы скоро проведем в ЦИК закон о новом налоге на имущих».²⁶ К этому времени был разработан проект единовременного поимущественного налога, который СНК принял 2 февраля 1918 г. Проект опубликовали в правительственной газете 7 февраля.²⁷ Он вносил серьезные изменения в обложение деревни, поэтому важно было выяснить политическую реакцию крестьянства. В.И. Ленин предложил обсудить его на крестьянской секции ВЦИК. Но здесь сельские депутаты подвергли проект критике и отклонили его.²⁸ Особенно они указывали на недопустимость обложения земли, что по их мнению противоречило закону «О социализации земли».²⁹ Не получивший одобрения законопроект даже не обсуждался во ВЦИК. Вопрос об обложении крестьянства остался нерешенным.

В то время, как в центре шла борьба с саботажем чиновников, на местах происходило образование советских органов. Этот процесс потребовал значительных затрат. Но вследствие забастовки в Госбанке присылка денег на места была парализована. Органы новой власти оказались без средств к существованию. Вышестоящие инстанции были завалены прошениями о присыпке денег. О серьезности положения сами за себя говорят тексты телеграмм: «Рабочие требуют расчета. Денежных знаков нет. Положение очень тяжелое. Голод повальный.» «Положение рабочих катастрофическое. Денег нет, голод, заводам грозит остановка».³⁰

Первоначально Совнарком мог помочь только тем, что предоставлял советам максимальную самостоятельность в добывании средств. 2 декабря (19 ноября) 1917 г. на места было разослано разъяснение, что советы, в качестве власти на местах, обладают также и

²⁵ См.: Боголепов Д.П. Деньги Советской России. Л., 1924. С. 18.

²⁶ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 327.

²⁷ См.: Газета временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 25 января (7 февраля). № 17.

²⁸ См.: Боголепов Д. Финансовое строительство в первые годы Октябрьской революции//Пролетарская революция. 1925. № 4. С. 163, 164, 171.

²⁹ См.: Боголепов Д.П. Деньги Советской России. Л., 1924. С. 18.

³⁰ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 44. Л. 15. 18.

налоговыми правами, поэтому все обращения к центру за субсидиями, не подкрепленные достаточными доказательствами невозможности получения денежных средств на местах, будут оставаться без удовлетворения.³¹ Таким образом, центр ничем реальным пока помочь не мог и сам полагался на инициативу провинции.

В.И. Ленин на Всероссийском съезде крестьянских депутатов и земельных комитетов 10 февраля 1918 г. заявил: «Требования эти - денег - страшно велики. Денег нет, вот где наша слабость, вот отчего мы слабы и отчего страдает наша страна. Есть еще много денег в городе и деревне у крупных кулаков».³² То есть Ленин подстегивал инициативу мест в добывании средств.

Денежный голод обострялся. Экспедиция заготовления государственных бумаг неправлялась с резко возросшим объемом производства. Такая ситуация была характерна не только для большевистского правительства, впервые нехватка денежных знаков наблюдалась при Временном правительстве. Предшественники Советской власти нашли весьма оригинальный способ борьбы с этим явлением. Временное правительство узаконило в качестве денежных знаков в апреле 1917 г. купоны долговых обязательств Государственного казначейства. Подтолкнула к такому решению забастовка на фабрике заготовления государственных бумаг в марте 1917 г., она затормозила изготовление кредитных билетов. В сентябре 1917 г., в силу экономических причин, Временное правительство объявило законным платежным средством истекшие купоны и облигации займов «Свободы» и «Военного».³³

Местные советы после Октября очень часто применяли «Займ Свободы» как платежное средство. Использовался он и в столице. Так 29 (16) ноября 1917 г. в Совнаркоме А.Е. Аксельрод поднимал вопрос о том, что служащим Министерства финансов выплатили жалование «обманным образом» облигациями «Займа Свободы» с отрезанным процентом.³⁴

³¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 24. Л. 54; См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 110-111.

³² Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 331.

³³ См.: Вайсберг Р.Е. Деньги и цены (подпольный рынок в период «военного коммунизма»). М., 1925. С. 18.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

После аннулирования займов их облигации теряли всякую силу. Но на местах их продолжали использовать вместо денежных знаков. Экспедиция заготовления государственных бумаг не справлялась с возросшим объемом производства. Управляющий Экспедицией заготовления государственных бумаг М.К. Лемке все время «тероризировал» Советское правительство, утверждая, что по техническим причинам денег не хватит. Он настаивал на выпуске в обращение в качестве денежных знаков облигаций «Займа Свободы» в большом количестве лежавших в экспедиции.³⁵

2 февраля (20 января) 1918 г. СНК в принципе согласился с предложением Д.П. Боголепова о выпуске разменных знаков нового образца и признал принципиально возможным выпуск мелких купюр Займа Свободы, как вспомогательного денежного знака.³⁶

Боголепов вновь поднял этот вопрос 11 февраля (29 января) 1918 г., предлагая ввести в обращение Займ Свободы на правах кредитных знаков с точно установленным курсом. Совнарком опять признал принципиально желательным введение Госбанком в оборот облигаций «Займа» не свыше 100 рублевого достоинства и поручил детальную разработку вопроса коллегии НКФ, дав ей на это двухдневный срок.³⁷ Но коллегия НКФ и работники Госбанка выступали против выпуска, считая, что это засорит денежное обращение и даст держателям 100-рублевых облигаций дополнительный доход.³⁸

Однако Совнарком не согласился с мнением финансового ведомства и 12 февраля (30 января) 1918 г. утвердил декрет о выпуске купюр «Займа Свободы» в качестве денежных знаков.³⁹ 13 февраля В.И. Ленин отправил записку Н.П. Горбунову: «Декрет о выпуске облигаций «Займа Свободы» вместо денег надо сегодня ... обязательно сдать в печать (чтобы завтра он был в газетах)». ⁴⁰ 16 февраля 1918 г. декрет был опубликован.⁴¹

³⁵ См.: Боголепов Д.П. Деньги Советской России. Л., 1924. С. 20.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.

³⁷ Там же. Д. 59. Л. 1.

³⁸ См.: Ривкин Б. Указ. соч. С. 147.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 60. Л. 5.

⁴⁰ Ленинский сборник XXI. М.-Л., 1933. С. 158.

⁴¹ См.: Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 449-450.

Так большевиками был узаконен первый общероссийский денежный суррогат. Через некоторое время им пришлось проделать то же самое с другими, появившимися «заменителями» денег. Правда, это делалось уже не в форме декрета. 3 марта 1918 г. Нарбранк объявил о законности хождения вместо денег купонов всех государственных процентных бумаг сроком по 1 декабря 1917 г. Затем, циркуляром Народного банка от 9 мая 1918 г. были приравнены к кредитным билетам и серии государственного казначейства.⁴²

Но проведение в жизнь декрета о «Займе Свободы» и последующих постановлений о денежных суррогатах натолкнулось на ряд трудностей. Уже 21 февраля 1918 г. из Вятки обратились за разъяснениями о выпуске «Займа Свободы». 23 февраля из Николаева пришел запрос о том, что очень неясно переданное по телеграфу постановление об облигациях «Займа Свободы». «Здесь облигации Займа Свободы выпускались по курсу 85 руб., как суррогат кредиток».⁴³

В обращении СНК Москвы и Московской области, посланного 23 апреля 1918 г. на имя В.И. Ленина, говорилось, что распоряжения как центральных, так и местных учреждений, даваемые ими в разъяснении декретов об аннулировании займов, об обращении мелких купюр «Займа Свободы», серий и краткосрочных обязательств Государственного казначейства «порой далеко уходят от первоначального смысла декретов». Указания давались Госбанком, ВСНХ, Московской конторой Госбанка, Саратовским отделением Госбанка и т.д. «Такие противоречивые толкования нас, работников на местах, ставят в невозможное положение. И растет среди рабочих и крестьянских масс прямое недовольство этой несогласованностью, разноголосицей в области денежного обращения. Только находясь на местах, соприкасаясь непосредственно с терпящими от такого разнокалиберного законодательства, - видишь ... всю опасность для Советской власти оставлять дальше этот вопрос в его настоящем виде».⁴⁴ Главная проблема с облигациями «Займа Свободы» заключалась в их курсе по отношению к рублю. Давать ли за 100 рублей номинала облигации 85 рублей или курс должен быть один к одному. Каждая организация в центре и

⁴² См.: Юровский Л.Н. Указ. соч. С, 74.

⁴³ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 44. Л. 38; 44.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2841. Л. 1-7.

на местах толковала это по-своему. Отсюда полная неразбериха с официальным курсом в различных регионах страны.⁴⁵

Другой проблемой стало то, что население и государственные органы в провинции отказывались принимать облигации «Займа» и другие узаконенные суррогаты в качестве денег. В феврале 1918 г. из Великих Лук в СНК пришла телеграмма, где говорилось, что служащие Николаевской железной дороги получили жалование облигациями «Займа Свободы». Но казначейство, почта, торговцы их не принимают. Подобная телеграмма пришла весной из Стародуба, где выдали суточные солдатам и пособия их семействам процентными бумагами. «Население таковых не принимает».⁴⁶

Несмотря на то, что государство стало само узаконивать наполнение денежного рынка суррогатами, пытаясь вырваться из тисков денежного голода, проблему решить не удалось. Следствием этого стали постоянные обращения местных органов власти в центр с просьбами разрешить ввиду денежного голода выпуск местной «банковской валюты».⁴⁷ Ввиду создавшегося положения на заседании Совнаркома 13 декабря (30 ноября) 1917 г. был заслушан доклад ГЛ. Пятакова о предоставлении местным конторам Госбанка права выпуска собственной разменной монеты.⁴⁸ Но СНК не согласился с предложением Пятакова, высказавшись за необходимость централизованной эмиссии.⁴⁹

Но обращения с мест продолжали поступать. 26 февраля 1918 г. пришла телеграмма в НКФ, Нарбанк и Совнарком из Ташкента. СНК Туркестана обращался к центральной власти разрешить выпуск для края бон мелких купюр в 3, 5, 10, 20, 50 рублей на сумму 15 млн рублей.⁵⁰ 30 (17) января 1918 г. Совнарком обсуждал ходатайство Сибирской Краевой конторы продовольственной организации из Омска о разрешении выпуска своих бон.⁵¹ 29 марта СНК заслушивал проект Президиума Моссовета о выпуске местных бон.⁵² Однако

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 671. Л. 6; 20.

⁴⁷ См.: Атлас З.В. Указ. соч. С. 19.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15. Л. 2.

⁴⁹ См.: Ривкин Б. Указ. соч. С. 146.

⁵⁰ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 15. Л. 5 «Б».

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 49. Л. 2-3.

⁵² Там же. Д. 84. Л. 2-3.

правительство на все обращения отвечало отказом. Совнарком всеми силами боролся за централизованную эмиссию, но на местах в связи с острейшим денежным голодом, разрывом связи с центром и парализацией присылки подкреплений, вследствие забастовки чиновников Госбанка и финансового ведомства, не только выдвигались идеи выпуска своей «банковской валюты», но и претворялись в жизнь.

В декабре 1917 г. в Пензе выпустили бонов на 35,3 млн рублей, в Архангельске в конце 1917 г. на 27 млн рублей, в Астрахани в то же время на 43 млн рублей, в Оренбурге - на 60 млн рублей, в Могилеве - на 1,3 млн рублей, в Царицыне - на 65,8 млн рублей. Появились денежные суррогаты на Северном Кавказе в Армавире, Пятигорске, Екатеринодаре, Владикавказе, Ставрополе, Кизляре и Грозном. С конца 1917 г. начала свою эмиссию Центральная Рада Украины.⁵³

Чтобы разобраться в этом море всевозможных «денег» уже 28 февраля 1918 г. за подписью управляющего делами СНК В.Д. Бонч-Бруевича всем губернским полкам был разослан циркуляр с требованием выслать немедленно образцы денежных знаков, выпущенных ими после революции.⁵⁴

К весне 1918 г. многие регионы страны были «наводнены бонами».⁵⁵ Несмотря на борьбу правительства с выпуском денежных суррогатов, этот процесс протекал в провинции независимо от его указаний. Начался быстрый распад единой денежной системы страны. Засорение оборота суррогатами шло ускоренными темпами. «Количество денежных знаков различного происхождения, различных наименований и видов стало необозримо».⁵⁶ Правительство республики сопротивлялось появлению местных эмиссий до осени 1918 г. Но в итоге вынуждено было санкционировать выпуск временных платежных средств в некоторых регионах страны.

Способствовало обострению денежного голода на местах еще и то, что крестьянство и население в целом перестало платить налоги.

⁵³ См.: Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 22-23.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 671. Л. 13.

⁵⁵ См.: Отчет о работах первого Всероссийского съезда представителей Финансовых Отделов Областных, Губернских и Уездных СР. и К.Д., созданный по инициативе Отдела местного хозяйства Нар. К.В.Д. М., 1918. (См. далее Отчет о работах I съезда финотделов. М., 1918.) С. 7-8.

>• Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 159.

В обстановке тяжелейшего денежного кризиса, отсутствия инструкций и помощи центра, под давлением эйфории свободы, идеологии всеобщего равенства и уничтожения буржуазии на местах нашли единственный выход - контрибуции. Одним из первых декретов, положивших начало такой форме обложения, был декрет Петросовета 22 (9) ноября 1917 г. о реквизиции у богатых классов теплых вещей для солдат на фронте. Вскоре появляется добавление к декрету, которым вводилось единовременное денежное обложение владельцев частных фабрик, заводов и других предприятий. Специальная комиссия, проводившая это постановление в жизнь, обратилась к другим советам с призывом последовать примеру Петросовета.⁵¹²

Инициативу с мест подстегивала и большевистская печать. Так, например М.С. Ольминский в Известиях призывал советы к беспопадному обложению буржуазии. «Не ждите указки из центра! Беритесь сами задело! Скорее организуйте новые налоги и сборы в пользу Советов!»⁵¹³

Призывы центра не остались без ответа. Очень скоро контрибуции стали широкой волной разливаться по городам и весям России. Они в большинстве случаев являлись единственным источником получения средств для местных советов. Весьма характерны воспоминания об этом периоде бывшего комиссара финансов Ряжского уезда Рязанской губернии С.Ф. Вышегородцева. Имея самое смутное представление о финансовой политике, он «...первый раз пришел в банк, как в темный лес. Старые чиновники разбежались. А я хожу по комнатам, роюсь в бумагах и ничегошеньки не понимаю, что к чему. Никак главного ухватить не могу, первого основного звена. С чего начать? Вспомнил, что в земской и городской управах я, когда изъял книги по налогам и страхованию и подумал, что это законное основание для обложения кулачества, промышленников, ростовщиков большим налогом за все годы войны... В 3-х дневный срок буржуазии предложили внести указанные суммы. Попытались уклониться, но деньги внесли. Уисполком вышел из финансовых затруднений. Врачам, учителям была выплачена зарплата, вдовам погибших солдат - пенсии».⁵¹³

⁵¹² См.: Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 65-66.

⁵¹³ Ольминский М. Центральная крестьянско-рабочая касса // Известия 1918. 13 января. № 9.

⁵¹⁴ Авангард. Орган Ряжского РК КПСС. Рязанская область. 1967. 21 октября. № 126.

Правительство вынуждено было обратить пристальное внимание на проблему финансирования советов. 16(3) декабря 1917 г. СНК решил субсидировать советы из смет бывшего Министерства внутренних дел.⁶⁰ Таким образом, задача снабжения средствами местных властей возлагалась на восприемника этого министерства НКВД. Именно этот комиссариат одним из первых вынужден был заняться финансовыми проблемами провинции.

В середине декабря 1917 г. Г.И. Петровский разослал советам телеграмму: «Ввиду саботажа чиновников в центре проявить максимум самодеятельности на местах, не отказываясь от конфискаций, реквизиций, принуждения и арестов».⁶¹ 24 декабря 1917 г. была опубликована инструкция о правах и обязанностях Советов, в компетенцию которых входило и руководство финансовыми делами.⁶² В феврале 1918 г., ввиду обострения финансового кризиса, НКВД циркулярной телеграммой призвал советы использовать право обложения имущих классов: «Борьба требует громадных материальных средств, чего у пролетариата нет. К несению этой тяжести должна быть привлечена буржуазия. Все ею награбленное у народа должно пойти на спасение завоеваний этого народа. Поэтому приступите к общему обложению имущих классов. На защиту социалистического отечества рабочий несет свою жизнь, буржуазию же нужно заставить нести свои капиталы».⁶³

Не ослабляя своего внимания к проблеме субсидирования провинции и Совнарком. Вопрос финансирования земств и городов поднимался на заседании 28 (15) декабря 1917 г.; было предложено обсудить его предварительно НКФ, Госконтролю и Госбанку. 31 (18) декабря 1917 г. по этому поводу был принят «Декрет об отпуске 200 млн. рублей кредитов в распоряжение межведомственной комиссии для выдачи займов городам и земствам». По декрету земские и городские самоуправления, возбуждая ходатайство о займах, обязаны были представить заключения местных советов.⁶⁴

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

⁶¹ Пролетарская революция. 1925. № 3. С. 143.

⁶² См.: Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. 24 декабря. № 41.

⁶³ Вестник Комиссиата Внутренних дел. 1918. № 8. С. 2.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 29. Л. 2; см.: Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 257.

Положение с финансированием советов первое время осложнялось еще и тем, что, по словам М.И. Лаписа, не всем им можно было доверять деньги. Часто суммы переводились противникам Советской власти. Поэтому было принято предложение СНК, чтобы деньги переводились в губернские совдепы, а оттуда распределялись по уездам. Лишь как исключение можно было отправлять наличность прямо в уезды, если губсоветы еще не окрепли.⁶⁵

Очень скоро в центр посыпались протесты против неправомерного применения контрибуций. В феврале 1918 г. из Ярославля была прислана телеграмма, где говорилось, что на членов торгово-промышленного союза местный совет наложил 5 млн. рублей контрибуции, которая должно быть собрана в 5-ти дневный срок. Если этого не будет сделано, то местная власть угрожала судом и конфискацией имущества. Ярославские буржуа просили уменьшить налог и продлить срок его сбора до одного месяца.⁶⁶

В феврале 1918 г. Петергофской Центральной Продовольственной Управой все частные торговцы Петергофа были обложены специальным налогом в 380000 рублей. Сумму, под угрозой конфискации имущества, обязали внести до 1 марта 1918 г.⁶⁷

4 февраля 1918 г. в селе Гостилицы Петергофского уезда сельский комитет Гостилицкой волости описал товары и опечатал лавку М.А. Потаповой, а на следующий день постановил закрыть все частные учреждения торговли в волости.⁶⁸

15 апреля 1918 г. СНХ Балаково постановил снять 75 % капитала частных лиц из банков и просил центр дать распоряжение Балаковскому Госбанку перечислить эти деньги на счет совдепа.⁶⁹ В тот же день пришла телеграмма от жителей Балаково. Они писали, что здесь Николаевский уездный совдеп объявил уезд социалистической трудовой коммуной и наметил конфискацию капиталов частных лиц свыше 3600 рублей в уездный Нарбанк, «конфискуются все товары и сосре-

⁶⁵ См.: Отчет о работах I съезда финотделов. М., 1918. С. 43.

⁶⁶ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 44. Л. 42.

⁶⁷ Там же. Л. 175.

⁶⁸ Там же. Л. 177.

⁶⁹ Там же. Л. 80.

дотачиваются в уездном СНК». Жители просили или отменить коммуну или исключить Николаевский уезд из Балаковской губернии.⁷⁰

По неполным данным на 1 апреля 1918 г. сумма взысканных контрибуций составила 380 млн рублей. С 1 по 8 апреля 1918 г. было собрано еще 20 млн рублей.⁷¹

Однако очень скоро стали проявляться отрицательные стороны такой формы обложения. Прежде всего, это бессистемность и произвольность в наложении контрибуций. Например, такой промышленный центр как Орехово-Зуево был обложен контрибуцией в 250000 рублей, а небольшие города Валуйки и Кологрив соответственно в 1 млн и 2,5 млн рублей. Это вызывало негативную реакцию населения, так как зачастую под обложение попадали не только буржуазные слои города и деревни, но и среднее крестьянство, простые горожане и даже государственные служащие и предприятия. Следующей отрицательной чертой контрибуций была полная бесконтрольность советов в расходовании полученных средств. После применения такого «обложения» очень трудно было рассчитать суммы поступления регулярных налогов. Благодаря контрибуциям уничтожался сам источник получения средств, как для местных властей, так и для центрального правительства. Газета «Известия» писала: «Контибиции расшатывают всю финансовую систему государства».⁷²

Такая форма обложения привела к децентрализации всего налогового дела, порождала местничество и сепаратизм. Но этот легкий источник поступления денег быстро осушался советами. Очень скоро они вынуждены были вновь обращаться за подкреплениями, попадая в финансовую зависимость от центра. Это несколько поубавило сепаратизм местных властей. Становилось ясно, что контрибуции не могут разрешить финансовых проблем провинции.

Вследствие такого положения уже в конце декабря 1917 г. появляются сторонники централизации налогового дела. Они высказывались за ограничение прав советов в налоговой области.⁷³ Им про-

⁷⁰ Там же. Л. 76.

⁷¹ См.: Арский Р. «Контибиции» как финансовая система//Известия. 1918. 16 апреля. № 75.

⁷² См.: там же.

⁷³ См.: Данилов С. Финансы местного самоуправления //Известия. 1918. 1 марта (16 февраля). № 37.

тивостояли сторонники децентрализации системы обложения. Они выступали за предоставление советам широкой самостоятельности и отрицали целесообразность централизованной налоговой системы, характеризуя ее как «узду бюрократического централизма, одним из самых сильных средств принуждения».⁷⁴ Сторонники этого направления выступали за «непосредственное социалистическое строительство», игнорируя при этом роль финансов. Так, Г.Л. Пятаков в статье «Пролетариат и банки» отрицал значение кредита, и распад кредитной системы считал вполне закономерным явлением. Борьбу же за овладение банками он рассматривал как заблуждение.⁷⁵

Такую позицию критиковал в «Правде» М.С. Ольминский. Он писал, что мало разрушить старое, нужно налаживать новое. Возможно, при социализме деньги не будут нужны, но «уже сейчас встречаются товарищи, которые думают, что мы можем обойтись без денег». «Эта ошибка в определении роли денег является результатом того, что люди смотрят слишком далеко вперед».⁷⁶

Очень скоро «теоретические» разногласия вылились в столкновения между комиссариатами. Прежде всего, между НКФ и НКВД. Поводом к этому послужили различные подходы этих ведомств к контрибуциям. Наркомфин пытался ограничить самоделятельность советов в этой области. НКВД настаивал на дальнейшем взыскании контрибуций. Разногласия в центре вскоре стали отражаться и на местах.

С октября 1917 г. по весну 1918 г. в провинции складывается двойной финансовый аппарат. Там имелись старые учреждения, оставшиеся от прежних режимов: отделения Госбанка, казенные палаты, податная инспекция и т.д. Деятельность их была тесно связана с центральными ведомствами, работа которых долгое время была парализована забастовкой служащих. Местные власти, не получая каких-либо четких инструкций из центра, вынуждены были создавать свои собственные финансовые органы: финансовые отделы, финансовые комиссариаты и т.д. Таким образом, буквально сразу после Октябрьской революции в стране образовалось два параллельных финансо-

⁷⁴ См.: Лапис М. Некоторые мысли о налоговой системе //Известия. 1918. 1 марта (16 февраля). № 37.

⁷⁵ См.: Пятаков ГЛ. Пролетариат и банки //Правда. 1917.5(18) декабря. № 206.

⁷⁶ Правда. 1918. 9 (22) января. № 6.

вых аппарата: первый - старый, оставшийся от прежнего режима, в лице казначейств, отделений Госбанка и т.д., подчиненный НКФ. Второй — вновь рождающийся в виде финансовых отделов местных советов, подчиненный НКВД.

Центральная власть первоначально не имела определенной программы в области финансового строительства. В.И. Ленин считал, что «разбивать нельзя и не надо» тот государственный аппарат, «который мы берем готовым у капитализма». В первую очередь он относил к нему финансовый аппарат, банки и другое, без чего «социализм был бы неосуществим».⁷⁷ Но в обстановке атаки на капитал среди революционных масс ярко прослеживается другая точка зрения: не-медленного введения социализма. В связи с саботажем чиновников укреплялось отрицательное отношение к использованию старых общественных институтов, в том числе и к финансовому аппарату. Такие настроения масс ярко выражали «левые коммунисты», предлагая все «ломать» и «разрушать». Они отвергали необходимость налаживания соответствующего аппарата, рассматривая восстановление финансов и денежного обращения как «возврат к буржуазному строю».⁷⁸

Декрет Совнаркома от 7 декабря (24 ноября) 1917 г. «О взимании прямых налогов» содержал пункт, который обязывал советы не-медленно послать комиссаров в финансовые органы для установления контроля за их деятельностью.⁷⁹ Этим систему, которую первоначально применяли большевики в центре, они попытались распространить и на провинцию. Так же как в столицах на местах старое чиновничество встретило эту меру враждебно, считая назначение комиссаров «необоснованным». Управляющие казенными палатами уходили в отставку, заявляя, что «народные деньги пойдут не в казну, а в распоряжение безответственных лиц».⁸⁰

Власть на местах постепенно концентрировалась в руках советов. В связи с развитием этого процесса, а также вследствие враж-

⁷⁷ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 34. С. 307.

⁷⁸ См.: Коммунист. 1918. № 4. С. 5; 15.

⁷⁹ См.: Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 141 - 143.

⁸⁰ См : Соколов Н.Г. Партия большевиков и усиление активности масс в создании финансово - налогового аппарата в первые годы Советской власти (1917 - 1920 гг.) //Формирование социальной активности трудающихся в процессе строительства социализма, Рязань, 1979. С. 54.

дебного отношения к большевикам чиновничества и четырехмесячной забастовки в центре, старый государственный аппарат стал отходить на второй план, на него смотрели весьма подозрительно и мало считались в провинции. Буквально сразу советы входят в конфликт со старыми финансовыми учреждениями. Ввиду подчиненности последних НКФ, а советских органов НКВД такие столкновения стали отражаться на взаимоотношениях этих комиссариатов.

Трения между ведомствами усилились вследствие различных подходов к проблеме строительства нового финансового аппарата. Широкие права советов в финансовой области вызывали справедливые опасения со стороны Наркомфина о преобладании местных интересов над общегосударственными. НКФ высказывался за централизацию финансового дела. НКВД делал ставку на широкую самодеятельность масс, отказываясь от «диктата» центра в финансовой области.

Конечно же, позиция Наркомата внутренних дел пришлась более по «душе» местным властям. Кроме того, НКФ часто вставал на защиту старых финансовых учреждений, что еще более раздражало советы. Благодаря этим обстоятельствам Наркомфин оказался оторванным от провинции и не мог реально влиять на ситуацию в стране.

Острые столкновения советов со старым финансовым аппаратом начались по поводу изъятия средств на местные нужды. Причем провинциальные власти апеллировали к НКВД, а старые учреждения к НКФ.

13 января 1918 г. (31 декабря 1917 г.) отдел по делам местных учреждений НКВД разослал телеграмму на места, разрешавшую советам пользоваться кредитами тех или иных ведомств. 15(2) января 1918 г. Казанская казенная палата прислала ответ, что она не может выполнить распоряжение о передаче кредитов советам, вследствие того, что подобные приказы должны исходить от НКФ. Палата просила согласовать действия НКВД с Наркомфином. Отдел по делам местного управления НКВД обратился 21(8) января 1918 г. к наркому финансов с просьбой дать распоряжение об открытии советам кредитов на первую четверть 1918 г.⁸¹

Но вопрос так и не был разрешен. Мало того, Наркомфин старался препятствовать бесконтрольному изъятию средств из подчинен-

⁸¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. I. Д. 54. Л. 1 - 3.

ных ему учреждений. Это вызывало раздражение местных властей. Например, 31 марта на имя Д.П. Боголепова из Кашина пришло требование ликвидировать его распоряжение об отмене бескредитных выдач из Кашинского казначейства местному совдепу, так как это противоречит общему принципу федеративного государственного устройства. «К чему тогда завоевания революции, освободившей области от деспотизма центра»,⁸² — говорилось в телеграмме.

Управляющий Смоленской казенной палатой прямо отказался подчиняться совету, заявив, что подчинен лишь НКФ.⁸³ Такие действия чиновников воспринимались повсеместно как саботаж, а попытки урезонить совдепы со стороны Наркомфина бросали тень и на этот наркомат.

2.2. Поиск выхода из финансового кризиса

К весне 1918 г. положение в России меняется. На местах Советы укрепляются у власти. Первые контрреволюционные выступления были подавлены. Весной 1918 г. большевики попытались найти выход из экономического кризиса, используя рыночные отношения. Они исходили из того, что крестьянство получило большое количество земли и помещичий инвентарь, а демобилизация армии давала деревне прилив рабочей силы. Эти условия рождали надежду на рост сельскохозяйственного производства. В то время не были потеряны Донбасс и Баку и имелся запас сырья и топлива унаследованный от прежних режимов. Что давало возможность Советскому правительству наладить промышленность и установить адекватный обмен с деревней, дав ей необходимые предметы потребления. Заключив мир с Германией, большевики собирались вступить с ней в торговые отношения, рассчитывая на помочь мощной в промышленном отношении державы.⁸⁴

Исходя из сложившихся условий, правительство попыталось наладить товарообмен с деревней. 26 марта 1918 г. появляется декрет

⁸² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 671. Л. 29.

⁸³ См.: Отчет о работах 1 съезда финотделов. М., 1918. С. 5.

⁸⁴ См.: Крестинский Н.Н. Наша финансовая политика. Пг., 1921. С. 11-12.

об организации товарообмена. Его цель: обеспечить население городов сельскохозяйственными продуктами и укрепить денежную систему республики. Наркомпроду и кооперации разрешалось 25% товарообменных фондов реализовывать за наличные и предписывалось принять меры, «способствующие извлечению возможно большего количества денежных знаков от деревенской буржуазии».⁸⁵

С изменением экономической политики правительства, приостановке «красногвардейской атаки» на капитал и попытке проведения ряда антикризисных мероприятий вопрос о финансовом хозяйстве республики встал довольно остро. Лозунгом дня становилось наведение хотя бы элементарного порядка в этой области.

Ситуация в финансовом хозяйстве республики к весне 1918 г. выглядела весьма плачевно. Забастовка банковских служащих нанесла страшный удар. Выдержать его удалось благодаря громадной эмиссии и массовому применению контрибуций. Хаос наблюдался не только в провинции, но и в центре. Совнарком производил чисто случайные ассигнования без сведения их в общую роспись доходов и расходов.⁸⁶ Ко всему прочему, наблюдался разрыв связей центра с местами и «самостийность» советов в финансовой области, опирающаяся на сбор контрибуций с буржуазии. Наркомфин находился в полной растерянности и не знал, что предпринять.

Советы заваливали НКФ требованиями разъяснить им, что делать дальше. Кроме того, многие местные власти исчерпали «внутренние денежные резервы» — контрибуции и просили высылки денежных знаков, несколько поубавив «самостийности». Слом забастовки банковских служащих давал возможность приступить к серьезным преобразованиям в финансовой области. Вследствие непомерной эмиссии и следовавшей за ней инфляции денежные капиталы буржуазии и интеллигенции таяли. Буржуазия переходила на полуолодное, а интеллигенция на голодное существование. Голод заставил их наняться на службу к Советской власти, перейти на положение служилого клас-

⁸⁵ См.: Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1959. С. 23 - 24.

⁸⁶ См.: Труды Всероссийского съезда Заведующих Финотделами. Пленарные заседания. М., 1919. (См. далее: Труды съезда завфинотделами. Пленарные заседания. М., 1919.) С. 12.

са нового государства. «Рабочий класс заставил буржуазию прода- вать ему приобретенные знания, опыт и административные навыки».⁸⁷

Главной задачей весны 1918 г. для НКФ становиться упорядо- чение финансового хозяйства России. В.Р. Менжинский выполнил свою роль борца с саботажем. Он сумел сломить забастовку банков- ских служащих и начал проводить два главнейших мероприятия, яв- лявшиеся большевистскими лозунгами еще до революции: национа- лизацию частных банков и аннулирование государственных займов. Но не смог установить контакта с местными советами.⁸⁸ К обстанов- ке, когда требовалось, прежде всего, налаживание финансового ме- ханизма, «победитель» саботажников В.Р. Менжинский уже не подхо- дил. Необходим был новый человек. И такой человек нашелся.

Второй период деятельности Советского государства в финан- совой области связан с именем И.Э. Гуковского. Впервые его канди- датура появляется 22 (9) января 1918 г. В этот день ЦК РСДРП(б) обсуждал вопрос о распределении сил. В.Р. Менжинский предложил И.Э. Гуковского, которого решено было направить «на время в бан- ки». Здесь же согласовали вопрос о проведении в Москве совещания по банковской политике. Кроме того, «в банки» решено было направ- вить А.П. Спунде и Н.Н. Крестинского, а заместителем Менжинского назначить А.Е. Аксельрода.⁸⁹

На заседании Совнаркома 9 марта 1918 г. И.Э. Гуковский был утвержден заместителем Народного комиссара по делам финансов.⁹⁰ Вскоре после этого он становится наркомом.

По воспоминаниям члена коллегии НКФ Н.А. Добросмыслова после одного из заседаний СНК В.И. Ленин пригласил его и И.Э. Гу- ковского к себе в кабинет, где дал указания по финансовым проблемам. Он настаивал на необходимости прекращения налоговой анархии на местах, что может быть достигнуто лишь после того, как будет заполнена пустота в налоговом законодательстве. Ленин требовал немед- ленно одемократизировать царское налоговое законодательство, и

⁸⁷ Альский М. Наши финансы за время гражданской войны и нэпа. М., 1923. **С.7.**

⁸⁸ См.: Труды съезда завфинотделами. Пленарные заседания. М., 1919. С П .

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1-А. Д. 404. Л. 2.

⁹⁰ Там же. Ф. 19. Оп. 1.Д. 76. Л. 1, 18.

приспособить его к новому строю. «В два счета нужно провести грань между общегосударственными и местными средствами и в срочном порядке выработать положение о местных средствах. Главное внимание в налоговой системе должно быть обращено на подоходный налог».⁹¹

После своего назначения И.Э. Гуковский задержался с переездом в Москву, чем вызвал крайнее недовольство В.И. Ленина. Председатель Совнаркома отправил ему грозное послание: «Крайне возмущен оттяжкой вашего приезда. Финансовые дела, банковская политика страдают неизмеримо. Ответственность будет на вас. Настаиваю на скорейшем приезде и на немедленном упорядочении финансов и банков».⁹²

И.Э. Гуковский, после назначения наркомом и получения инструкций от Ленина, приступил, прежде всего, к борьбе с налоговой анархией. Он считал, что причина такого положения - контрибуции, разрушающие всю систему обложения. Новый нарком повел наступление, прежде всего против этой формы изыскания средств советами.

21 марта 1918 г., правда, еще за подписью В.Р. Менжинского, был разослан циркуляр, запрещавший контрибуции.⁹³ А 23 марта со своим видением местных налогов и сборов в Совнаркоме выступил И.Э. Гуковский. Ему было предложено совместно с Кузовковым представить доклад на эту тему.⁹⁴

Запрет НКФ контрибуций вызвал возмущение на местах, так как они нередко являлись единственным источником поступления средств в кассы советов. В центр посыпались требования отменить циркуляр. Весьма характерна в этом плане телеграмма Малмыжского уездного совета Вятской губернии от 19 апреля 1918 г. Здесь говорилось, что с запрещением черезвычайного налога, финансовое положение уезда становиться катастрофическим. Поэтому уездный исполнком просил СНК или немедленно принять меры к периодической доставке денежных знаков или разрешить продолжить сбор с имущего класса.⁹⁵

⁹¹ См.: Финансовая газета. 1924. 30 апреля № 93.

⁹² Ленинский сборник XXI. М., - Л., 1933. С. 162.

⁹³ См.: Соколов Н.Г. Налоговая политика Советского государства в доколхозный период. Куйбышев, 1981. С. 13.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 80. Л. 2.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 671. Л. 50.

Отмена права наложения контрибуций, когда регулярного налогообложения практически не существовало, а рассылка денежных подкреплений на места была не наложена, могла оставить местные советы без средств. Именно по этой причине 9 апреля 1918 г. Президиум ВЦИК принял решение отменить циркуляр НКФ как категорическую форму и предоставить местам право действовать, как они находят нужным, пока не будет выработан общий порядок.⁹⁶

На основе этого постановления Советское правительство отменило циркуляр Наркомфина о запрещении контрибуций.⁹⁷ Газета «Правда» писала по этому поводу: «Декрет Совнаркома о праве местных Советов устанавливать местные налоги остается в силе. При взимании установить строгую отчетность. При неуплате установленного налога прибегнуть к обязательным общественным работам и лишь в крайнем случае к аресту».⁹⁸

Но к весне 1918 г. бессистемное обложение давало уже слабый эффект. Например, делегат I съезда СНХ от Западной области отмечал, что контрибуция «пришла в такое состояние, что вместо 60 тыс. дает только 6 тыс., и больше никак не соберешь».⁹⁹

Хотя советы продолжали использовать право наложения контрибуций, весной 1918 г. четко обозначился переход к регулярному налогообложению. В Петроградской губернии контрибуции составляли 5,5%, в Воронежской - 5%, в Орловской - 4%, в Тульской и Ярославской - по 9% и т.д. Из 617 волостных советов 14-ти губерний Европейской России в мае 1918 г. 53,7% получали средства путем подесятинных сборов, 13,1% от продажи конфискованного помещичьего имущества и леса и только 21% волостных советов облагали сельскую буржуазию контрибуциями.¹⁰⁰ В целом контрибуции не дали высокого финансового эффекта. До ноября 1918 г. в 57 губерниях

⁹⁶ См.: Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета 4-го созыва. Стенографический отчет. М., 1920. С. 133.

⁹⁷ См.: Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 71.

⁹⁸ » Правда. 1918. 21 (8) апреля № 77.

⁹⁹ Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. (Стенографический отчет). М., 1918. (См. далее Труды I съезда СНХ. М., 1918.) С. 245.

¹⁰⁰ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VII. М., 1967. С. 379.

местные советы взыскали 816,5 млн рублей, из них в уездах - 69,7 млн, в волостях 7,9 млн рублей.¹⁰¹

И.Э. Гуковский продолжал лобовые атаки на «чрезвычайные способы обложения» практически весь период своего наркомства, вызывая яростную критику со стороны советов. Дело в том, что к весне 1918г. поступление налогов и сборов почти полностью прекратилось. НКВД отмечал, что земские и общегосударственные налоги прекратили поступление и очень редко встречается совет, в районе которого налоги собираются более или менее сносно. По ряду губерний стали ходить слухи об отмене налогов.¹⁰²

На заседании ВЦИК 11 и 18 апреля И.Э. Гуковский изложил свои тезисы, предлагая утвердить их как курс финансовой политики правительства. Нарком предлагал увеличить существовавшие налоги, ввести ряд новых прямых и косвенных сборов и обложить крестьянство. В предложенной программе он выступал за централизацию всего финансового дела.¹⁰³

Тезисы Гуковского вызвали бурные обсуждения, показавшие глубокие разногласия по проблемам финансовой политики. Против предложений наркома выступили члены ВЦИК от меньшевиков, эсеров, левых эсеров и левых коммунистов. «Та программа, которая была изложена здесь, - говорил С.А. Лозовский, - есть отречение от всей той линии, которую вела большевистская партия все время». «Это издает несколько неприятный душок», - вторил ему Н. Бухарин.¹⁰⁴ Левый эсер В.Е. Трутовский говорил: «Трудовое крестьянство должно знать, что с того момента, как проведена социализация земли, никакого налога на землю, как таковую, оно не платит, ... но если вы желаете на крестьянство наложить налоги на землю, то вы возвращаетесь к прежним временам, к временам буржуазного строя».¹⁰⁵ Дру-

¹⁰¹ См.: Дьяченко В.П. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства 1917-1925 гг. М., 1947. С. 79.

¹⁰² См.: Соколов Н.Г. Налоговая политика Советского государства в доколхозный период. Куйбышев, 1981. С. 26-27.

¹⁰³ См.: Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета 4-го созыва. Стенографический отчет. М., 1919. С. 112, 116, 118.

¹⁰⁴ Там же. С. 133, 118.

¹⁰⁵ Протоколы Всероссийского центрального исполнительного комитета 4-го созыва. Стенографический отчет. М., 1920. С. 140.

гой представитель левых эсеров Карелин, ссылаясь на пример из истории Франции, где крестьяне выступили против налога в 50 сантимов, введенного в 1842 г., запугивал ВЦИК: «Если мы попробуем при наших взглядах на крестьянство обложить землю, то уверяю вас, что погибнут все наши завоевания... Крестьяне налога на землю не вынесут».¹⁰⁶ Противники обложения крестьянства обвиняли политику большевиков в том, что она «круго изменяет свой финансовый курс направо», и заявляли: «Уйдите пока не поздно, уйдите пока вас не удалили».¹⁰⁷

Оппозиция проголосовала против основных положений доклада и тезисов Гуковского и потребовала его отставки. Вторично, как и в январе 1918 г. предложение о введении налогового обложения крестьянства было отклонено. Объясняя провал тезисов Наркомфина, член коллегии НКФ Д.П. Боголепов говорил: «Программа т. Гуковского не удовлетворила многих потому, что в ней нет ничего нового, как будто это программа старого правительства».¹⁰⁸

В.И. Ленин поддержал идею наркома о создании централизованного финансового аппарата: «Тов. Гуковский предложил нам план. Хороший ли план, худой ли, я не буду останавливаться на этом. Для меня только ясно одно, что даже самый лучший план в настоящее время в области финансовой, самый лучший план - сейчас невозможно выполнить, потому что фактически у нас не организован тот аппарат, который выполнит этот финансовый план. Если бы мы пытались провести в жизнь какое-нибудь налоговое обложение, мы сейчас наткнулись бы на то, что отдельные области в настоящее время проводят налоговое обложение, кто как вздумает, кому как придется, кому как позволяют местные условия».¹⁰⁹

Проблеме создания нового банковского аппарата В.И. Ленин уделял первостепенное значение. Он выступал за объединение всех имевшихся в России кредитных учреждений в Нарбанк РСФСР. «Единый крупнейший из крупнейших государственный банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике - это уже девятьдесятых

¹⁰⁶ Там же. С. 143- 144.

¹⁰⁷ Там же. С. 147, 157.

¹⁰⁸ Там же. С. 135.

¹⁰⁹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 226.

социалистического аппарата. Это - общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде скелета социалистического общества».¹¹⁰

В связи с рассмотрением тезисов, представленных ему И.Э. Гуковским, Ленин написал «Основные положения хозяйственной и в особенности банковской политики». Здесь он снова связал национализацию банков с постепенным переходом к социализму, подчеркивая необходимость развертывания мирной хозяйственной политики, направленной на подъем народного хозяйства.¹¹¹

В работе «Очередные задачи Советской власти» Ленин вновь выражает свое отношение к проблеме банков: «Чтобы продолжать дальше национализацию банков и идти неуклонно к превращению банков в узловые пункты общественного счетоводства при социализме, надо прежде всего и больше всего достигнуть реальных успехов в увеличении числа отделений Народного банка, в привлечении вкладов, в облегчении для публики операций внесения и выдачи денег, в устраниении «хвостов», в поимке и расстреле взяточников и жуликов и т.д. Сначала реально провести в жизнь простейшее, организовать хорошенько наличное, - а затем уже подготовлять более сложное».¹¹²

К весне 1918г. стало ясно, что в таком тонком деле как банковское без привлечения хорошо подготовленных людей не обойтись. По инициативе В.И. Ленина для разработки сложных вопросов финансовой и банковской политики были привлечены буржуазные специалисты. В начале апреля 1918г. при Центральном управлении Нарбанка в Петрограде Главный комиссар Госбанка созвал «Комиссию специалистов-теоретиков и практиков банковского дела по национализации банков».

Первоначально задачей «Комиссии» была детальная разработка практических мероприятий по осуществлению декрета о национализации банков. К работам привлекли около 100 специалистов, в том числе бывших членов правлений и директоров банков, чиновников старых министерств и научных работников. Но круг проблем, подня-

¹¹⁰ Там же. Т.34. С.307 - 308.

¹¹¹ См.: Ленинский сборник XXI. М. - Л., 1933. С. 160-161.

¹¹² Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.36. С. 182- 183.

тых на двух пленарных заседаниях «Комиссии» 10 и 11 апреля, оказался слишком широким. Поэтому после этих заседаний специалисты разбились на секции: организационную, финансирования промышленности и транспорта, финансирования внешней и внутренней торговли, секцию денежного обращения и заграничных операций и секцию «переходного времени», которая занималась вопросами временной организации работы банков до их слияния.¹

Интересна программа совещания, утвержденная 12 апреля. Работа секций охватывала практически все проблемы в финансовой области того периода.⁴

Но дискуссия в основном сконцентрировалась на обсуждении доклада А.Н. Гурьева о применении принудительных мер к извлечению бумажных денег, скопившихся в деревне, для оздоровления денежного обращения страны. Докладчик поставил вопрос, как извлечь деньги-принудительным займом или принудительными вкладами, и как технически провести то или иное мероприятие. Большинство специалистов выступили с критикой этих мер. Они настаивали на том, чтобы внимание правительства было направлено на оздоровление финансов путем восстановления нормальной налоговой системы, проведении дефляции денежных знаков и т.д. Предлагалось даже извлечь из деревни деньги путем оплаты крестьянами той земли, которую они получили по декрету о национализации земли, причем «царскими» и «керенками».⁵

Намеченная большевиками широкая программа совещания не дала конкретной отдачи. Вместо ее обсуждения политика Советской власти в финансовой области подверглась жесткой критике. Показательны в этом плане материалы и стенограмма заседаний 6-ой секции по внешней торговле Особого совещания по национализации банковского дела в России специалистов теоретиков и практиков банковского дела.

Эта секция начала свою работу несколько позже, чем другие. Первое заседание было проведено 23 апреля. Его открыл А.П. Спунде, огласивший проект программы работы секции. Предполагалось

¹¹³ См.: Аглае М.С. Указ. соч. С. 106.

¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2767. Л. 7 - 8.

¹¹⁵ См.: Торгово-промышленная газета. 1918. 30 апреля.

рассмотреть переходные меры в связи с декретом о национализации внешней торговли, способы и формы объединения работающих во внешней торговле фирм и лиц, участие Госбанка в финансировании товариществ и союзов по внешней торговле, формы контроля и валютная политика банка и ряд других вопросов.¹⁶

Буквально сразу в прениях по программе секции выяснилось отрицательное отношение специалистов к проекту монополизации всей внешней торговли. Они заявили, что монополизация не должна охватывать всех стадий торговли, допуская известную свободу торговли внутри страны. Как пример специалисты привели уничтожение частной свободной торговли и введение монополии, что, по их мнению, ухудшило снабжение населения.

Пришло А.П. Спунде осаживать ретивых критиков заявив, что вопрос о монополизации предрешен. Несмотря на это, совещание приняло довольно жесткую резолюцию: «При данных международных и хозяйственно-экономических условиях монополизация всей внешней торговли невозможна, практически несуществима, грозит неисчислимыми бедствиями народно-хозяйственной жизни страны и полным разрушением ее производительных сил». Далее говорилось, что монополизация допустима лишь по отношению к строго определенным отраслям внешней торговли, по отношению к другим отраслям неизбежны «известные рациональные формы государственного их регулирования».¹⁷

24 и 25 апреля проводились совместные заседания трех секций «Финансирования промышленности», «Торговли и транспорта» и «Внешней торговли». Здесь политика Советской власти вновь подверглась критике.

На заседании 26 апреля специалисты обменялись мнениями по проблемам, связанным с опубликованием декрета о национализации внешней торговли. Большинство подвергло декрет критике. Специалисты заявляли, что законы, вносящие резкое изменение в экономическую жизнь страны, должны проводиться постепенно с применением переходных мер. Разрушая существующую систему торговли, декрет

¹⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. П. Л. 8.

¹⁷ Там же. Л. 30.

рет не создает ничего взамен. Проводилось сравнение между этим законодательным актом и «неправильно проведенной в декабре национализацией банков, самые основы которой приходится теперь снова исправлять настоящему Совещанию». Такие речи вывели из себя А.П. Спунде, который заявил, что общая тенденция Советской власти к ликвидации капитализма, выражавшаяся в декрете, остается неизменной, а секции надлежит только изыскать меры к наиболее безболезненному его проведению в жизнь. «Переживаемое нами военное время дает основания к проведению крупных экономических реформ военными способами в 24 часа,» - урезонивал критиков А.П. Спунде.

В дальнейших заседаниях секции А.П. Спунде не принимал участия. Председателем был избран приват-доцент, бывший директор Департамента таможенных сборов Б.Е. Шацкий. Работа секции далее пошла более развернуто, хотя нападки на действия правительства продолжались постоянно. В конечном итоге специалисты посчитали необходимым создать при Госбанке постоянный комитет экспертов из теоретиков и практиков торговли с правом совещательного голоса.¹¹⁸

Комиссия работала до конца апреля 1918 г. Единственной реальной отдачей от ее деятельности можно считать образование 30 апреля 1918 г. Совета экспертов при Петроградской конторе банка под председательством товарища главного комиссара Народного банка. В его состав вошли 10 человек: 5 комиссаров Петроградских контор и отделений банка и 5 бывших руководящих работников коммерческих банков. В обязанности Совета экспертов входило: 1) Разработка вопросов, связанных с организацией работы Нарбанка; 2) Составление инструкций по ликвидации бывших частных банков и обсуждения всех вопросов по их ликвидации. Совет экспертов просуществовал до середины августа 1918г. Официально он был упразднен приказом НКФ от 16 октября 1918 г. На заседания совета, кроме 5-ти постоянных членов из числа бывших руководящих работников частных банков, приглашались и другие банковские специалисты.

В качестве подсобного органа Совета экспертов в середине июля 1918г. была организована комиссия по разработке вопросов счетно-бухгалтерского характера: «Совещание по урегулированию деятель-

¹¹⁸ Там же. Л. 14-20, 32-38, 40, 45, 48, 51, 53-56. 58, 60-62, 64,65.

ности отделений Народного банка». По предложению Центрального управления Нарбанка в начале августа 1918 г. Совет экспертов сформировал инспекторскую бригаду бухгалтеров, которых командировали на места для проверки и помощи отделениям банка в составлении балансов на 27 декабря 1917 г.¹¹⁹

Но заседания «Совета» зачастую превращались в говорильню, вместо решения конкретных задач. Эксперты пытались проводить свою линию в области банковского дела. Они добивались возвращения бывших частных банков в их прежние помещения, восстановления привилегий и предоставления им полной свободы действий, возвращения в них служащих, работавших там до национализации. Эксперты заявляли, что декрет о национализации относится лишь к промышленным банкам и не касается земельных банков, обществ взаимного кредита, так как последние являлись кооперативными организациями. Они предложили облегченный путь получения денег из Госбанка частным промышленным предприятиям в обход рабочего контроля. Эксперты добивались ограничения прав контроля и со стороны Госбанка, мотивируя это тем, что в живом деле учреждать какой-либо особый контроль неподесообразно. Специалисты настаивали на разделении эмиссионных и кредитных функций Нарбанка и организации ряда банков. Они даже старались сохранить старые названия банков, заявляя, что изменения вызовут недоразумения во взаимоотношениях банков с их филиалами и клиентурой.¹²⁰

Такая деятельность Совета экспертов явно расходилась с общими представлениями большинства большевистского руководства и, прежде всего В.И. Ленина на строительство банковского аппарата республики.

Руководство работой по национализации и слиянию банков возлагалось на Центральное управление Нарбанка. Контроль за ним осуществлял НКФ. При Центральном управлении был специально организован отдел местных учреждений, который руководил работой по национализации и слиянию банков в провинции. Центральное управление Нарбанка находилось в Москве, а Совет экспертов в Петрогра-

¹¹⁹ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 106-107.

¹²¹ См.: Ривкин Б. Указ. соч. С. 293-295.

де. Образовалось два центра, руководившие работой по национализации банков. Они нередко посыпали на места разные указания по одному и тому же вопросу. В конце концов, Совет экспертов 27 мая 1918 г. в письме предложил коллегиям в провинции руководствоваться только их инструкциями, а Центральное управление Нарбанка телеграммой от 2 июня 1918 г. - только указаниями исходящими от управления. Это внесло окончательную дезорганизацию в губерниях и затормозило работу.¹²¹

«Централизация банковского дела продолжала затягиваться. Инструкция о порядке слияния банков не издавалась. На местах национализация осуществлялась беспланово. Комиссары банков проводили работу по своему усмотрению, почти без всякого согласования с Центральным управлением Народного банка и Наркомфином».¹²² Таким образом, буржуазные специалисты не оправдали возлагавшихся на них надежд, так и не сумев создать инструкции о порядке слияния банков. Мало того, своей работой эксперты внесли еще большую путаницу в очень важное для нового правительства дело.

Главнейшей задачей в области упорядочения финансового хозяйства большевики считали создание бюджета Советской республики. Это, по их мнению, помогло бы выйти не только из кредитного кризиса, но и позволило бы приступить к налаживанию всего хозяйственного механизма.

Законодательные нормы, регламентировавшие бюджетное дело в России, признавались неудовлетворительными уже при Временном правительстве. Летом 1917 г. финансовое ведомство приступило к разработке проекта нового бюджетного закона. Главной проблемой был вопрос о начальном сроке бюджетного года. 1 января давно уже признавался неудобным. Решали сблизить бюджетный год с сельскохозяйственным, начав его с 1 июля. Вследствие чего намечалось ближайший бюджет ограничить лишь первым полугодием 1918 г., чтобы затем перейти на новый срок исчисления смет.¹²³

С приходом к власти большевики сразу попытались закончить работу по составлению росписи доходов и расходов, начатую преды-

¹²¹ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 107-108.

¹²² Ривкин Б. Указ. соч. С. 296.

¹²³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154. Л. 40-41.

дущим режимом. Составлять же бюджет на более длительный срок, по мнению И.Э. Гуковского, не представлялось возможным, прежде всего по «обстоятельствам времени».¹²⁴ Таким образом, и появились рамки первого советского бюджета январь — июнь 1918 г. В своей объяснительной записке к росписи государственных расходов и доходов И.Э. Гуковский утверждал, что с переходом власти в руки рабочих и крестьян многие правительственные учреждения оказались ненужными, большая их часть должна была подвергнуться «более или менее» глубоким преобразованиям, иные ведомства весьма крупного государственного значения возникали вновь. Мировая война привела к расстройству железнодорожного транспорта и других хозяйственных предприятий казны. Поэтому предусмотреть на год вперед потребности ведомств и учреждений оказалось невозможно.¹²⁵

За составление росписи, как и при Временном правительстве, отвечал Департамент государственного казначейства. С конца октября 1917 г. работы по составлению и рассмотрению проектов смет на январь — июнь 1918 г. почти во всех ведомствах приостановились. Меры, предпринятые Департаментом государственного казначейства к продвижению этих работ, не имели результата. Убедившись в безнадежности скорого получения смет, Казначейство попыталось в кратчайший срок составить временные расходные расписания на первые месяцы 1918 г. 18 (5) ноября 1917 г. Департамент письменно обратился во все учреждения с просьбой сообщить необходимые данные для установления норм, в пределах которых возможно было бы определение потребных для каждого ведомства расходов по временными расписаниям. Далеко не все учреждения отозвались и Казначейство не получило в свое распоряжение всех необходимых материалов. Не привело к успеху и повторное обращение Департамента к ведомствам по этому вопросу в декабре 1917 г.¹²⁶

Такая ситуация объясняется прежде всего саботажем служащих. Работы по составлению бюджета на январь - июнь 1918г. возобновились сразу, как только занятия в ведомствах стали налаживаться. Но составление смет все равно представляло крупные затруднения.

¹²⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1. Л. 26.

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154. Л. 41.

¹²⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 63. Л. 29.

Последовавшие в стране преобразования показали, что проект смет и вообще сметные материалы Временного правительства являются в большинстве случаев совершенно непригодными в новых условиях.¹²⁷ Департамент государственного казначейства разработал временные правила по составлению и рассмотрению смет на первую половину 1918 г. с очень облегченными условиями. Они были утверждены коллегией НКФ 28 января 1918 г.¹²⁸

По новым правилам печатать сметы типографским способом не требовалось, достаточно было лишь передать их по одному экземпляру в НКФ, Государственному Контролю, а также Комитету хозяйственной политики ВСНХ. Не требовалось изложения всех подробных расчетов, а предоставлялось право сообщать эти расчеты или давать необходимые объяснения непосредственно в совещаниях, образованных для обсуждения смет ведомствами с представителями вышеуказанных комиссариатов.¹²⁹ Сметы должны были быть представлены к 25 февраля 1918 г.¹³⁰ 28 января 1918 г. Совнарком издал постановление всем Наркоматам озаботиться изготовлением смет на 1918 г. и в самый короткий срок представить их в НКФ.¹³¹

Фактически ведомства приступили к работам с начала 1918 г. Но составление смет шло очень медленно. Это было новое дело для служащих, многие из которых стали работать в период борьбы с саботажем и отличались крайне низкой квалификацией. Кроме того, одной из основных причин задержки явилось начавшееся в первых числах марта эвакуация правительственные учреждений в Москву.¹³²

Сметы предварительно рассматривались в комиссии СНК, решения которой утверждались на заседаниях Совнаркома. Но к 25 февраля сметы составлены не были. Тогда СНК 2 марта 1918 г. предписал всем ведомствам представить их к 8 марта, если же этого наркоматы не выполнят, то будут приняты меры вплоть до увольнения народных комиссаров.¹³³

¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154. Л. 41-42.

¹²⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 63. Л. 31.

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154. Л. 42-43.

¹³⁰ См.: Ривкин Б. Указ. соч. С. 242-243.

¹³¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.

¹³² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 63. Л. 31-32.

¹³³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 74. Л. 2.

В ходе работ по бюджету выяснилась полная неразбериха в подчиненности различных учреждений центральным ведомствам. Разобраться в этом не могло и правительство. Вследствие этого 27 марта 1918 г. Совнарком предписал всем Наркоматам в кратчайший срок представить в СНК графическое изображение организаций, которые непосредственно отвечали за расходование денежных средств. А также приложить к графику полный список лиц, ответственных за учреждения, оперирующие денежными суммами на различных ступенях ведомственной иерархии.¹³⁴

Все сметы проходили через Комиссию смет Комитета хозяйственной политики ВСНХ, куда входили также представители НКФ, Госконтроля и ВЦИК. Рассматривались они постатейно в присутствии представителя соответствующего ведомства.¹³⁵ Работа Комиссии шла очень трудно, прежде всего, вследствие затяжки рассмотрения смет национализированных предприятий. Отрицательно сказывалась на бюджетной работе и неясность взаимоотношений между финансовыми отделами советов и оставшимися на местах учреждениями центрального финансового аппарата. Правительство потребовало от НКФ и Госконтроля реорганизовать свое представительство в Комиссии ВСНХ и ввести туда людей с экономической подготовкой. Кроме того, И.Э. Гуковскому и представителю Госконтроля было поручено выяснить условия работы Комиссии смет и предложить проект их улучшения.¹³⁶

В начале апреля практически все сметы были рассмотрены в межведомственных совещаниях и внесены в ВСНХ, но даже к началу июня лишь весьма незначительное число их оказалось готовым к передаче из ВСНХ в СНК. Тогда Наркомфин принял чрезвычайные меры.¹³⁷ 8 июня И.Э. Гуковский внес в Совнарком проект постановления об окончании работ по бюджету на первую половину 1918 г.¹³⁸ СНК, согласившись с ним, счел необходимым образовать для составления общего свода расходов и доходов на январь - июнь 1918 г. особого совещания под председательством народного комиссара фи-

¹³⁴ Там же. Д. 82. Л. 3.

¹³⁵ Там же. Д. 154. Л. 35.

¹³⁶ Там же. Д. 118. Л. 3. Д. 113. Л. 7.

¹³⁷ Там же. Д. 154. Л. 43-44.

¹³⁸ Там же. Д. 135. Л. 2.

нансов (или его заместителя) из представителей ВЦИК, НКФ, ВСНХ, Госконтроля и каждого из представивших сметы ведомств. Оно должно было с 10 по 20 июня рассмотреть все сметы и закончить работы по составлению бюджета. Неустраниенные в совещании разногласия вместе со сметами передавались в Совнарком.¹³⁹

Только после такого нажима работы по составлению росписи удалось закончить. На заседании СНК 22 июня 1918 г. И.Э. Гуковский представил первый советский бюджет. Было дано поручение комиссии в составе Ленина, Гуковского, Покровского, Владимирова и Свердлова, рассмотрев декрет и докладную записку НКФ, решить вопрос о печатании росписи.¹⁴⁰ Сам декрет об утверждении росписи государственных доходов и расходов Российской республики на январь - июнь 1918 г. был утвержден СНК 11 июля 1918 г.¹⁴¹

В записке, представленной к утверждению декрета, И.Э. Гуковский, характеризуя первый советский бюджет, отмечал, что составленные в конце сметного периода сметы фактически уже приводились в исполнение и исчисленные по ним кредиты в значительной степени израсходованы. Поэтому путем принятия росписи необходимо утвердить эти расходы.

Гуковский настаивал на придании исчисленным по росписи кредитам характера фондов, находящихся в распоряжении НКФ по Департаменту государственного казначейства. Казначейство должно вести счет производимым из них ассигнованиям, которые выдавать не иначе как по представлению соответствующих ведомств в СНК после предварительного согласования с НКФ и Госконтролем.¹⁴² Таким образом, Гуковский предполагал удержать наркоматы от бессистемного расходования средств и навести порядок в отчетности, что помогло бы в будущем сбалансировать бюджет.

В объяснительной записке к росписи нарком указывал, что на январь - июнь 1918 г. доходов обыкновенных исчислено в сумме 2852726 тысяч рублей, расходов: обыкновенных - 12271531 тысяч рублей, черезвычайных — 5331196 тысяч рублей. Общая сумма рас-

¹³⁹ Там же. Д. 154. Л. 44.

¹⁴⁰ Там же. Д. 145. Л. 2.

¹⁴¹ Там же. Д. 154. Л. 3; см.: Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964. С. 5-6.

¹⁴² РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154. Л. 38.

ходов составила 17602727 тысяч рублей. Гуковский подчеркнул, что расходы в целом удалось значительно сократить. В первоначальных сметных предложениях ведомств они составляли свыше 30 млрд рублей. Работа сметных комиссий и особого совещания не прошла впустую. Несмотря на это, нарком обращал внимание правительства на «исключительное» увеличение расходов и в то же время на «весьма значительное» снижение доходов. Уменьшение доходной части бюджета он объяснял прежде всего сокращением территории республики, «но независимо от причин, снижение доходов в то время, когда расходы неизвестно увеличились, представляют собою явление, не обещающее ничего утешительного». Тем более, по мнению Гуковского, это явление печально, что государственному казначейству не только не обеспечивается благоприятного для него выхода из затруднительного положения, «но не остается даже надежды найти этот выход в ближайшем будущем». Если к расходам за январь — июнь 1918 г. добавить бюджетный дефицит 1917 г. (8475,2 млн рублей) то на казну ложится 26-ти миллиардное бремя, в то время как доходы не достигают и 3-х миллиардов, - констатировал нарком.

Гуковский предлагал принять срочные и энергичные меры для устранения этого положения. Главным он считал общий подъем производства, но прекрасно понимал, что для этого потребуется время. Поэтому в качестве первоочередных мер нарком предлагал подробный пересмотр и пересчет всех расходов с целью их сокращения. Гуковский указывал на огромные штаты учреждений, занимающиеся в различных ведомствах одним и тем же делом. Он предлагал урезать расходы местных организаций, содержащихся за счет казны. Обращалось внимание на издательскую деятельность ведомств, наносящую крупные убытки казне. Гуковский указывал на крайне высокие нормы оплаты труда без крайней в том необходимости и т.д. Для сокращения расходов нарком предлагал образовать комиссию из старших служащих НКФ, Государственного Контроля и ВСНХ с правом привлекать к ее работе полномочных представителей подлежащих ведомств.¹⁴³

Усилия государственных органов весной 1918 г. по стабилизации финансового хозяйства республики начали приносить свои пло-

¹⁴³ Там же. Л. 63-64, 70-72.

ды. В мае 1918 г. финансовое напряжение удалось заметно ослабить. Так в Петроградской конторе Нарбанка впервые после октября приход денег оказался больше расхода на 37,1 млн рублей.¹⁴⁴ Заметно было значительное улучшение баланса прихода - расхода наличности и в провинциальных отделениях Госбанка. Смягчению финансового напряжения способствовали несколько мероприятий, проведенных большевиками. В начале 1918 г. были отменены всякие ограничения на выдачу со счетов частных лиц, если деньги внесены в банк после 1 января 1918 г. Те же сбережения, которые находились в Госбанке раньше, по-прежнему выдавались с ограничениями.¹⁴⁵

«В основных положениях хозяйственной и в особенности банковской политики» в апреле 1918 г. В.И. Ленин призывал к принудительным текущим счетам или к принудительному держанию денег в банках.¹⁴⁶ В связи с совещанием, созванным для разработки тезисов банковской политики, Ленин в апреле пишет записку о принудительном держании денег в банках: «1) Деньги класть в банк обязательно (под угрозой конфискации и отмены права на землю). 2) платить 4% за вклады 3) из вкладов 1/3 остается в местном отделении, а 2/3 в центральный банк».¹⁴⁷ По настоянию вождя в апреле в Москве и Петрограде был введен свободный чековый оборот через Нарбанк. Для развития безденежных расчетов организовали расчетные отделы, которые принимали чеки и платежные поручения о перечислении денег. Платежи между хозяйственными организациями стали проводиться без наличных. Этую систему усиленно пытались ввести в провинции с целью сокращения потребности в получении денег из центра и ослабления денежного голода на местах.¹⁴⁸

Но, пожалуй, самую важную роль в процессе стабилизации финансового положения сыграл декрет 2 мая 1918 г. «О соблюдении единства кассы». Он обязывал советские учреждения и должностные лица все денежные средства и ценности, находящиеся в их заведовании и на хранении, вносить в Нарбанк или Государственное казначейство.

¹⁴⁴ См.: Торгово-промышленная газета. 1918. 11 июня № 46.

¹⁴⁵ См. : Атлас М.С. Указ. соч. С. 128.

¹⁴⁶ См.: Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т.36. С. 218.

¹⁴⁷ Ленинский сборник XXI. М.-Л., 1933. С. 166.

¹⁴⁸ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 130-131.

ство. Все платежи производить через кассы Народного банка или казначейства по ассигновкам и чекам. Учреждения и должностные лица могли оставлять у себя лишь авансы, отпускаемые им на мелкие операционные или командировочные расходы.¹⁴⁹ Этот декрет имел очень важное значение. Многие советские учреждения, в том числе советы, практически бесконтрольно пользовались теми денежными средствами, которые попадали к ним в руки путем сбора налогов, контрибуций и т.д. При этом они не уставали запрашивать центр о присылке им подкреплений. Путем введения декрета большевики, прежде всего, попытались организовать контроль за расходованием средств, ассигнованных государством. Другой не менее важной целью являлась попытка стянуть в банк свободные денежные ресурсы.

Декрет «О соблюдении единства кассы» очень скоро дал отдачу. Это сказалось, прежде всего, на денежном обращении. После снижения эмиссии в феврале, в марте произошло ее увеличение почти вдвое, а в апреле - в 2,5 раза. Апрель дал наибольшую сумму за весь 1918 г. Темп эмиссии резко снизился в мае и держался практически на одном уровне все лето. В августе наблюдался наиболее низкий уровень эмиссии и цен. Произошло даже некоторое понижение цен по сравнению с июлем. Но эту тенденцию долго удержать не удалось, и с октября цены вновь стали расти, и ускорились темпы эмиссии.¹⁵⁰

Удачный опыт с декретом 2 мая был распространен с началом Гражданской войны и на национализированную промышленность. Постановлением от 30 августа ВСНХ обязал хранить деньги на текущих счетах в Нарбанке все национализированные предприятия, заводы и фабрики обязывались сдавать готовую продукцию соответствующим главкам и центрам, которые, в свою очередь, снабжали их сырьем, материалами и т.д. Расчеты же должны были осуществляться бухгалтерскими записями без участия денег.¹⁵¹

¹⁴⁹ См.: Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 211-212.

¹⁵⁰ См.: Атлас З.В. Указ. соч. С.30.

¹⁵¹ См.: Атлас М.С. Указ. соч. С. 132.

ГЛАВА III. ВТЯГИВАНИЕ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ФИНАНСОВУЮ ПОЛИТИКУ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»

3.1. Теоретический тупик

Усилия Наркомфина и Советского правительства по стабилизации финансовой ситуации в республике стали давать отдачу. Однако, положение финансов продолжало вызывать беспокойство новой власти. И, прежде всего, неясны были перспективы применения денег в будущем коммунистическом обществе. «Новый курс» большевиков весны 1918 г. и отказ от «красногвардейской атаки» на капитал породил недоумение в рядах сторонников Советской власти. Попытки же наладить денежное хозяйство повлекли за собой прямое непонимание политики партии. Такое положение вызвало острые споры по проблемам применения финансового хозяйства в социалистическом строительстве даже среди большевистских «генералов». Это объясняется, прежде всего, «теоретическим тупиком» в этом вопросе.

Финансовое хозяйство России уже преподнесло немало сюрпризов новой власти, развеяло ряд иллюзий в этой области и даже вынудило отступить от первоначально намеченных мероприятий. Необходимо было подведение «теоретической базы» под реальную ситуацию. Не менее важным становится разъяснение партийной массе, что же все-таки происходит. Аргументов из Маркса и Энгельса уже не хватало.

Взгляды большинства членов партии на вопросы финансового строительства во многом раскрыл Н.И. Бухарин в своей работе, появившейся в 1918 г., «Программа коммунистов /большевиков/».

По мнению Н.И. Бухарина, передача банков в руки пролетарско-крестьянского государства означает, что пролетариат в значительной степени «держит вожжи от промышленности». Главной задачей теперь является централизация банковского дела и тогда оно «превращается в общественную бухгалтерию социалистического товарищеского производства».¹

Бухарин настаивал на необходимости идти по пути уничтожения торговли к общественному распределению продуктов рабочими

¹ См.: Бухарин Н.И. Программа коммунистов (большевиков). М., 1918. С. 24-26.

организациями. Он утверждал, что: «Сейчас, вот сию минуту, деньги рабочей власти нужны и даже очень нужны». Поэтому во что бы то ни стало нужны конфискации денежных излишков у городской и деревенской буржуазии, «нужны время - от - времени контрибуции». Но автор выступал против пестроты обложения на местах, высказываясь за объединение всей налоговой машины. Пока же этого нет, то допустимы и контрибуции. «На безрыбье и рак рыба».²

Для стабилизации финансового положения страны Бухарин предлагал провести денежную реформу: «Целесообразна и хороша такая мера: обмен старых денег на новые». Причем, в ходе реформы предлагалось маленькие сбережения не трогать, а крупные конфисковать. До определенной суммы менять рубль за рубль, а далее по прогрессивной схеме, с определенной суммы конфисковать все. «Тогда была бы подорвана власть богатых, получены средства на нужды рабочего государства и все были бы более или менее уравнены в доходах».³

Рассуждая о перспективах развития финансов в России. Бухарин утверждал, что чем дальше идет организация производства на новых началах, тем все более и более будет падать значение денег вообще. С образованием единого «общегосударственного предприятия» и уничтожения рынка «нужда в них отпадает». По его мнению, чем организованнее будет производство, тем меньше будут выплачивать работникам деньгами и больше натурой, потом деньги мало-помалу совсем отомрут. Без денег начнет совершаться обмен между городом и деревней. Бухарин был уверен, что отомрет и налоговая система, так как все постепенно станут работниками на службе proletарской государственной организации, поэтому проще платить меньше, чем потом вычитать в виде налога. Когда производство и распределение будут до конца организованы, то деньги перестанут быть нужными вообще, в том числе и государственной власти. «Финансовое хозяйство отомрет», - воскликнул Бухарин. Правда, затем он оговаривался, что до этого еще далеко: «Но уже сейчас мы делаем шаги, которые ведут нас по пути к уничтожению денежной системы вообще. Власти денег приходит конец».⁴

² См.: там же. С. 40-41, 45, 46.

³ Там же. С. 45.

⁴ См.: там же. С. 45⁷.

Таким образом, будущее развитие финансовой системы страны Н.И. Бухарин связывал со своими взглядами на социализм, почерпнутыми в основном из ранних работ К. Маркса и Ф. Энгельса. «Евангелием современного революционера является «Коммунистический Манифест»,⁵ - утверждал Бухарин. Это будущее он видел в уничтожении рынка и торговли, общественном распределении продуктов, натуральном обмене города с деревней, вытеснении денег из оплаты труда и переходе к натуроплате. Он считал, что по мере организации производства и распределения на новых началах, с уничтожением имущих классов, как источника обложения, отомрет сначала налоговая система, а затем отпадет нужда в денежных знаках.

Однако, отнюдь не все разделяли теоретических изысканий Н.И. Бухарина. Среди большевиков по проблемам «социалистического строительства» весной - летом 1918 г. разгораются жаркие споры, своеобразной лакмусовой бумажкой в которых становятся финансы. По отношению к этой проблеме можно выделить три группы среди приверженцев большевистских идей.

Большинство партийцев разделяли теоретические выкладки Н.И. Бухарина. Они поддерживали его идею постепенного отмирания финансового хозяйства по мере продвижения к социализму. Как важная ступень в этом процессе рассматривалась денежная реформа. Она должна была «убить сразу нескольких зайцев». Уравнять все население в доходах, через конфискационный способ ее проведения, создать «социальное равенство» и попутно решить проблему финансового кризиса. Судя по статьям и выступлениям, близко по взглядам к этой группе стоял В.И. Ленин.

Другая часть партийцев считала, что финансам суждена более длительная жизнь, поэтому необходима их стабилизация и активное использование при социализме. Отмирание же денежного хозяйства - дело далекого будущего. Эта часть большевиков вступала в противоречие с одним из теоретических постулатов марксизма, что при новом обществе денег быть не может, а уничтожение финансов и есть показатель построения нового строя. Относя себя к последователям коммунистической идеи, они как бы вступали в противоречие со своим

⁵ Там же. С. 63.

ми убеждениями. Поэтому в этом стане не существовало какого бы то ни было единства в теоретическом смысле и представители этого лагеря зачастую вступали в жаркие споры друг с другом. Расхождения здесь наблюдались по ключевым вопросам тогдашней финансовой политики - это банковская система и необходимость проведения денежной реформы. Эта часть большевиков выступала за быстрейшую стабилизацию рубля, предлагая опереться на старые методы - собираемость налогов, сокращение расходов, нормализацию кредита и т.д. К этой группе можно отнести Г.Л. Сокольникова и И.Э. Гуковского.

Но уже с конца 1917 г. набирает силу третье направление - радикальное. Его представители отрицали вообще всякую необходимость денег при социализме и открыто боролись за их скорейшее уничтожение. Еще зимой 1917 г. Г.Л. Пятаков отрицал значение кредита в новом государстве и распад кредитной системы рассматривал как вполне закономерное явление.⁶ Он считал, что хорошая революция означает — плохие финансы.⁷ Н.Н. Осинский писал: «Раз существует обмен, денежное обращение, нельзя говорить о социализме, нельзя создать социалистического производства».⁸

Но такое деление на три группы весьма условно. Фактически каждый из большевистских руководителей, кто соприкасался с проблемой финансов весной-летом 1918 г., имел свое собственное мнение по различным аспектам финансовой политики. Наблюдалась страшная разноголосица по этим вопросам, что очень пагубно отразилось на местах. В провинции просто растерялись и не знали, кого слушать и что делать дальше. Финансовая политика погрязла в какофонии различных мнений, забуксовала в трясине бесконечных споров и фактически не двигалась с места.

Весной 1918 г., в связи с изменением общей экономической политики большевиков и их попытками провести ряд антикризисных мер с опорой на рыночные рычаги, очень остро встал вопрос о приостановлении эмиссии и стабилизации рубля. В такой обстановке «поднимают голову» буржуазные специалисты, к которым за помощью вынуждены были обратиться большевики. Но «спецы» прежде всего

⁶ См.: Пятаков Г.Л. Пролетариат и банки // Правда. 1917. 5(18) декабря. № 206.

⁷ См.: Правда. 1918. 6 (19) апреля. № 75.

⁸ См.: Правда. 1918. 20 мая (2 июня). № 109.

хотели «обезопасить» рубль от пагубного влияния на него новых властей, сохранив денежную единицу до лучших времен.

Центральный народно-промышленный комитет, где были собраны представители «беспартийной» науки, в течение первой половины 1918 г. заслушал и обсудил 7 докладов по денежному обращению. Здесь предлагались различные пути стабилизации рубля. Один из докладчиков предлагал создать устойчивую денежную единицу путем предоставления консорциуму частных банков права выпуска банковских билетов, ничем не связанных с действующим рублем и выпущенных либо в золотых рублях, либо в какой-нибудь совершенно новой денежной единице, равной, например, золотому франку или марке, или кроне. Таким образом, предлагалось изолировать денежную систему от государства, лишив его эмиссионного права, и создать источник для самофинансирования капиталистов.

Та же мысль проходила красной нитью и в других докладах. В выступлении М.В. Бернацкого «К вопросу об оздоровлении денежного обращения» предлагалась девальвация рубля на золотой основе, но условием для осуществления плана выдвигалась необходимость создания другого правительства, которое признало бы принцип частной собственности, отменило бы все монополии, мешающие «частной инициативе» и «свободе действий».

Докладчик Ф.А. Миньков предлагал допустить для частного оборота сделки на золотую валюту для чего внедрить золотую монету в обращение. Государство не лишалось эмиссионного права, но автор подчеркивал, что это приведет к ускоренному обесценению бумажных денег.⁹

Представители «беспартийной науки» видели выход из сложившегося положения в ограждении рубля от влияния на него новых властей, в надежде на изменение государственного строя в России и ухода большевиков с политической арены.

И для приверженцев коммунистической идеи не были секретом причины финансового кризиса. Однако выход из трудностей они видели по иному. Интересны в этом плане тезисы докладов на I съезде

⁹ См.: Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917 - 1925). М., 1940. С. 32.

Совнархозов М.Е. Шефлера и С.А. Фалькнера, направленные для ознакомления В.И. Ленину.

В тезисах выступления «Борьба с ростом цен» М.Е. Шефлер указывал, что рост цен вызван группой объективных и субъективных факторов. Объективные - непосредственно влияют на изменение составных элементов цен. Субъективные - изменяют отношение между покупательной силой рубля и стоимостью товаров.

Объективные факторы по Шефлеру - повышение стоимости труда, вследствие повышения зарплаты, уменьшение рабочего времени и сокращение производительности труда. Повышение стоимости сырья, топлива, издержек производства, рост тарифов на перевозку и т.д. Субъективные факторы - увеличение количества кредитных знаков и бумажных ценностей на рынке. Уменьшение запасов сырья и топлива. Увеличение спроса и потребления.

Шефлер считал, что рост твердых цен вызывается исключительно объективными факторами. Поэтому они должны вырабатываться на основе правильного определения себестоимости товара. Борьба же с ценами вольного рынка не может быть успешной без сокращения бумажных ценностей на денежном рынке или без организации специального аппарата снабжения населения по твердым тарифам всеми продуктами и предметами потребления в достаточном количестве.

Таким образом, Шефлер, исходя из реальностей экономической жизни России и установки на поддержание твердых цен, описывает экономический механизм втягивания республики в хозяйственную систему «военного коммунизма». Далее он как бы раскрывает последствия для финансовой системы этого процесса: «Организация государственных органов снабжения и вся система замены частного капитала государственным требует чрезвычайного увеличения выпуска бумажных кредитных знаков». А это, в свою очередь, является главной причиной повышения вольных цен рынка и увеличивает трудность разрешения проблемы нормировки. Поэтому государству потребуется еще более решительное вмешательство во все отрасли народного хозяйства.¹⁰

Для борьбы с эмиссией Шефлер предлагал привести твердые цены в соответствие с рыночными. Немедленно приступить к посте-

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3088. Л. 1-2.

пенному понижению всех твердых цен, основываясь на повышении производительности труда и сокращении издержек производства. Понижение твердых цен должно быть произведено сразу на все продукты и предметы потребления с заблаговременным о том извещении."

В тезисах доклада С.А. Фалькнера «Проблема нормирования цен в системе эмиссионного хозяйства» говорилось, что всякая новая эмиссия бумажных денег является прибавкой к сумме покупательных средств в стране и стимулирует развитие платежеспособного спроса, что вызывает повышение цен. Эмиссия, предnazначенная для финансирования промышленности, ничем не отличается от системы финансирования войны. Законодательная фиксация цен приводит к образованию второго закулисного рынка, который по мере возрастаания денежной массы поглощает все большую часть рынка легального.

Для борьбы с этими явлениями С.А. Фальнер предлагал следующие меры: 1) изоляцию товарной массы от воздействия платежеспособного спроса в форме создания мощной общественной организации снабжения, распределяющей товары; 2) реорганизацию финансового аппарата и изъятие из обращения сумм равновеликих производимым эмиссиям; 3) распространение нормировочной политики на все предметы массового потребления; 4) установление товарно-трудовых эквивалентов. Предлагалось создать «Комитет по нормированию цен» из представителей всех значительных групп производительного труда, включив туда представителей областных продовольственных и кооперативных объединений, государственно-хозяйственных органов и учреждений. Фалькнер в своем проекте положения об организации комитета цен намечал дать этому органу очень широкие полномочия по установлению фиксированных цен на все предметы массового потребления и «элементы их производства», а также по выработке товарно-трудовых эквивалентов для общественного обмена. Никто не может устанавливать никаких цен без обсуждения в «Комитете цен».

По мнению Фалькнера, деятельность по нормированию цен может быть продуктивной лишь при сочетании ее с рядом других хозяйственных мероприятий таких как: изъятие из обращения избытка денежных знаков и создание мощной общественной организации снабжения.¹²

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же. Л. 3-7.

Кроме «беспартийной» и «партийной» науки проблема финансовых волновала и представителей государственных органов, которые разрабатывали свои предложения и направляли их в вышестоящие инстанции.

Весной 1918 г. исполняющий обязанности начальника Главного управления неокладных сборов В.А. Новожилов представил доклад и тезисы «О преобразованиях налоговой системы, в связи с национализацией монопольных предприятий». Он предлагал «укрепить зыбкую почву кредитного болота, дренировать ее и забить в ней сваи, ибо на существующей ныне трясине нельзя строить не только дворца социального счастья, но и курной избы». Инфляция и рост цен приняли катастрофический характер, необходимо предупредить грозящую в самом близком будущем возможность наступления момента, когда бумажки перестанут приниматься на рынке.

Новожилов считал, что выхода не может быть в займах после их аннулирования, не может его быть и в прямых налогах, так как огромная часть их оказалась совершенно неуловимой для обложения, а другая - остается в недоимках. По мнению автора, единственный путь оздоровления финансов - организация государственных монополий и национализация частных предприятий. Причем эти мероприятия надо проводить по единому глубоко продуманному плану. «Проводимая стихийно, захватническим путем, случайная, беспорядочная национализация отдельных предприятий - ведет только к анархии и гибели народной промышленности и сельского хозяйства и к окончательному краху государственных финансов». Новожилов предлагал ограничиться национализацией только наиболее крупных предприятий в главнейших отраслях промышленности. Средние и мелкие предприятия предлагалось не трогать, так как государственный аппарат для них может оказаться мало подвижным и дорогим. Сосуществование же частной и государственной промышленности будет полезно и той и другой.¹¹

Управляющий Главного золотого комитета А.П. Топорков замечал в своей докладной записке, что непомерный выпуск бумажных денег не может быть остановлен ввиду экономической разрухи и прове-

¹¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 35. Л. 6-11, 14.

дения в жизнь социальных реформ, требующих больших расходов. Исходя из этого, он придавал важное значение поднятию покупательной способности рубля, накоплению золотого фонда. Предлагалось сосредоточить в руках государства «все силы и способы, направленные к увеличению добычи золота и платины, к сохранению и охране их от утечки за границу». Для этого необходимо Главный золотой комитет выделить в самостоятельное государственное учреждение с коллегиальностью в рассмотрении дел и с привлечением к управлению, как рабочих, так и золотопромышленников. Топорков считал, что золотой комитет может не посягать на частную инициативу в золото-платиновом деле и должен иметь более гибкое финансирование не через казначейство, а через национальный банк.¹⁴

Но особенно много всевозможных финансовых проектов поступало от простых граждан. Они направлялись в ВСНХ, НКФ или в СНК на имя Ленина.

В мае 1918 г. в Наркомфин был прислан проект налога на денежные капиталы М. Кузьменко из Коканда. Здесь автор пишет, что необходимо приостановить выпуск денег для стабилизации курса рубля. Ввести более или менее справедливый налог на имущие классы невозможно, так как с лета, а особенно с октября 1917 г. буржуазия, опасаясь конфискации, постаралась изъять из банков и сберкасс свои капиталы, предпочитая их хранить на дому. Поэтому трудно разобраться в размерах сбережений отсюда вытекает невозможность налогообложения «более или менее «справедливого» с точки зрения социализма». Кузьменко предлагал провести штемпелевание денежных знаков. Купюры без штемпеля объявить недействительными. Одновременно изъять специальным налогом по прогрессивной схеме сбережения свыше 250 рублей.¹⁵

Подобный же «конфискационный» способ изъятия денежной массы предлагал в начале августа 1918 г. Е. Быховский из Витебска в своем «Проекте девальвации». Правда, здесь он подверг критике новое правительство: «Что бы не говорили коммунистические головы, всякий здравомыслящий человек скажет, что в 20-м 100-летии допотопный товарообмен невозможен, как и невозможна товарная рас-

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2759. Л. 1-3.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 42. Л. 2-6.

ценка труда. Денежный знак — это великое изобретение человеческого ума — пока незаменим...» Одновременно он пропался и по большевистскому аппарату: «Кто-то из современных властителей заявил, что к большевикам присосалось некоторое количество нежелательного элемента. Мы, стоящие в стороне, а со стороны виднее, можем более точно определить это количество — 95% нежелательного, невежественного элемента». ¹⁶

Были и курьезные проекты. Так, на имя Ленина прислал свои предложения по обновлению подоходного налога, который должен был дать стране «громадную прибыль», восьмидесятидвухлетний старик. ¹⁷

Некоторые проекты «идейных» сторонников новой власти весной — летом 1918 г. были продиктованы непониманием экономической и финансовой политики центра этого периода. Многим казалось, и не без основания, что руководство отошло от «принципов» Октября, от лозунгов периода «красногвардейской атаки на капитал». Это пугало и настораживало «идейных» борцов за новое общество. Такие проекты не могли иметь никакого реального экономического эффекта, но они дают прекрасное представление о растерянности, царившей весной — летом 1918 г. в умах сознательных сторонников большевизма.

М.Ф. Турбович в докладной записке в Наркомфин, поданной 24 апреля 1918 г., заявлял, что буржуазия зашевелилась, почувствовала «влияние, возвращающее ей прежнюю силу (власть и капитал) ». И надо признаться, сетовал автор, для буржуазных надежд имеется достаточно оснований в лице тех характерных симптомов, которые замечаются в последние дни. «Тупик от того, что СНК, сделав первый шаг на пути к коммунистическому строю, остановился и как будто испугался, жизнь же повелительно диктует сказавшему А сказать и Б». Турбович уверял, что «нашему поколению» можно построить коммунизм, а все зло — капитализм, рычаг капитализма — денежное обращение. Его то автор и предлагал изъять, за исключением мелкой монеты до одного рубля, которая должна сохраниться для мелочных расчетов. ¹⁸

Но, пожалуй, самое яркое представление об отношении массы революционно настроенных граждан республики к экономической

¹⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 217. Л. 9-12.

¹⁷ Там же. Д. 221. Л. 1-6.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.

ситуации в стране весной - летом 1918 г. и к проблеме финансов, дает «Проект финансовой реформы» крестьянина-анархиста, как он сам себя называет, из Тверской губернии А.А. Рожкова, поданный на имя Ленина 1 июня 1918 г. «Проект» написан сочным народным языком, полуграмотным человеком с массой ошибок, поэтому воспроизвести его в точности крайне сложно.

Начиная с описания зла, которое исходит от денег, Рожков замечает, что бывшие товарищи, честные люди, вставшие у власти, испортились, опошлились, стали развратными и бесчестными негодяями. Когда были пролетарии - были хорошие, но когда через народ получили право быть у власти, а вместе с тем и оклады, многая молодежь, незрелая в политике и экономике, испортилась. Здесь капитал и нашел для себя почву, где вернее всего можно купить народное дело, и стало везде появляться взяточничество, мародерство. Те же товарищи комиссары брали взятки, тормозили рабочее дело и покупали своим женам золотые побрякушки на взятки. В итоге - нет хлеба и вагонов для его доставки, общественные продовольственные лавки пусты, а из-под полы те же районные комиссары целые вагоны продуктов продают частным лицам.

Рожков делает вывод: «Сколько бы не свергали властей не только в России, но и за границей, оставляли капитал и капитал родил новую власть. И какая бы власть не была, около денег она честная быть не может, потому что сами по себе деньги бесчестны». Крестьянин-анархист утверждал, что в России в течение всего революционного периода, кто бы к власти и деньгам не садился, какой бы честный человек не был, он через небольшой промежуток времени является отъявленным негодяем и сытый голодного забывает, и чем голоднее человек был раньше, а как «обожрался у власти», так еще больше делается негодяем. «И так оно было, так оно есть, и так оно будет, если будет существовать капитал, если реформа финансов и капитала не изменится. То нельзя надеяться, что удержится власть в руках трудового народа».¹⁹

Рожков предлагал признать «существующий металл недействительным». Если объявить капитал недействительным, то у капиталис-

¹⁹ Там же. Л. 36-39.

тов не будет силы, они не смогут покупать оружие, не будут портить честных товарищей большевиков, «они будут как волки без зубов». «А при деньгах и большевики тоже наделали из себя чиновников», а если, по мнению Рожкова, деньги признаются недействительными, то, наверное, и в чиновники перестанет охота идти.

Рожков утверждал, что с уничтожением денег частная торговля должна рушиться, а распределение продуктов может быть только в государственном масштабе. Склады и магазины капиталистов необходимо конфисковать. Буржуазия заявляет, что завалит хлебом, если вернется свободная торговля. Значит есть где-то склады, значит хлеб попрятали, зная хорошо, что самый сильный им помощник - «Царь Голод». «Костяная рука голода какую угодно власть задуплит», - заявил Рожков.

Идейный крестьянин доказывал, что если отменить деньги: «Тогда не с крыши будет производиться строительство нового здания, а с фундамента». В конце своего проекта автор восклицал: «Ради наших детей, их будущего, не упустить завоеванное, а должны доделать».²⁰

В обстановке постоянной разноголосицы и споров по поводу будущего финансовой системы, недовольства «революционно настроенных масс» и нарастания кризисных явлений в экономике, очень многое зависело от позиции Наркомфина, от слаженности его действий и проведения четкой линии в финансовой политике руководства наркомата. Но с этим были большие проблемы. В НКФ царила такая же разноголосица, а нарком Н.Э. Гуковский не проводил какой-либо определенной линии в вопросах финансовой политики. Первейшей своей задачей он считал борьбу с кризисными явлениями и упорядочение денежной системы. Зачастую нарком противился проведению тех мероприятий, которые большинство руководителей Советского государства считали первостепенными. Такая политика Гуковского не находила поддержки даже в его собственном наркомате.

Отсутствие «линий Гуковского» привело к тому, что Наркомфин все более выпускал «вожжи» управления финансовой политикой из своих рук. В эту область хозяйства стали активно вмешиваться другие наркоматы, что еще более запутывало ситуацию. Прежде всего, такое положение сказалось на проведении реформы банковской системы.

²⁰ Там же. Л. 41-51.

Весной 1918 г. появляются несколько проектов создания различных банков. 21 марта в Совнарком был представлен проект устава кооперативного банка, который передали на рассмотрение И.Э. Гуковскому.²¹ 28 марта наркому финансов была представлена объяснительная записка к проекту устава Всероссийского Мукомольного банка. По предложению организаторов это кредитное учреждение должно основываться на чисто коммерческой основе при поддержке государства и тесной связи с Нарбанком и НКФ.²² Появляется проект создания Текстильного банка при Центральном комитете по текстильной промышленности. Он должен был стать спецотделом Нарбанка и организовывался в целях финансирования текстильной промышленности.²³ Вынашивались планы создания железнодорожного и множества всякого рода других «производственных» банков. Предлагалось также деление Нарбанка на две части: эмиссионный и коммерческий.²⁴ Сторонником создания Эмиссионного банка и нескольких кредитных учреждений по основным отраслям производства являлся главный комиссар Нарбанка А.П. Спунде.²⁵

Что касается позиции И.Э. Гуковского, то в этот период нарком проявлял колебания в вопросах банковского строительства. В печати появились даже обвинения в его адрес, что он является сторонником денационализации банков и создания всякого рода специальных кредитных учреждений.²⁶ Скорее всего, для таких нападок у прессы имелись некоторые основания. В апреле 1918 г. в Туркестан был послан комиссар Нарбанка М.С. Качуринер, который представил в НКФ докладную записку о произведенных им работах по организации Хлопкового банка. Здесь он писал, что большая часть рабочих и крестьян понимала национализацию, как социализацию и предъявляла свои права на отнятое у капиталистов богатство. Рабочие текстильных фабрик пытались увезти хлопок с собой. Поэтому необходим был аппарат, который взял бы на себя установление расчетов внутри хлопковой промыш-

²¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 79. Л. 2.

²² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 220. Л. 1-12.

²³ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 71. Л. 37-38.

²⁴ См.: Труды 1 съезда СНХ. М., 1918. С. 122, 132.

²⁵ См.: Отчет о работах 1 съезда финотделов. М., 1918. С. 44-47.

²⁶ См.: Труды 1 съезда СНХ. М., 1918. С. 132.

ленности, а также между другими отраслями национализированной промышленности этого региона. При деятельном участии М.С. Качурина 8 апреля СНК Туркестанского края и присутствовавшие на заседании банкиры высказались за учреждение Хлопкового банка. Второе заседание по этому поводу прошло 9 апреля. 10 апреля Со-внарком Туркестана принял проект устава Хлопкового банка, предложенный М.С. Качуринером.²⁷

Судя по этому документу, представитель Нарбанка был направлен НКФ в Туркестан специально с задачей создания нового кредитного учреждения. Такая командировка не могла произойти без разрешения И.Э. Гуковского.

Кроме СНК и НКФ различные финансовые проекты направлялись и во ВЦИК. 23 апреля 1918г. этот орган образовал комиссию по рассмотрению основных положений финансовой политики. Сюда стали стекаться проекты денежных реформ, в частности появился проект стабилизации рубля на основе обеспечения валюты хлебом.²⁸

При Департаменте окладных сборов НКФ также существовала комиссия по выработке финансовой реформы. 9 июля 1918 г. ее состав был по решению Коллегии Наркомфина полностью заменен, а председателем назначен Д.П. Боголепов.²⁹

Но никаких реальных результатов в области финансовых реформ весной 1918 г. достигнуто не было. Это объясняется разноголосицей, царившей в самом НКФ по различным вопросам финансовой политики. Особенно запутанная ситуация складывалась с взглядами на будущую банковскую систему. Как уже говорилось выше, за создание нескольких банков по производственному и эмиссионному принципу выступал главный комиссар Нарбанка А.П. Спунде. Г.Я. Сокольников высказывался за единый банк. Другой представитель руководства НКФ С.М. Закс (Гладнев), ставший 1 июня 1918 г. членом Коллегии Наркомфина,³⁰ 10 апреля 1918 г. направил в Госбанк доклад «Об организации банковского расчетно-ссудного аппарата». Здесь он доказывал, что на место отмирающего банка должен быть возве-

²⁷ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 71. Л. 111-113, 124-129, 130, 132-136.

²⁸ См.: Атлас З.В. Указ. соч. С. 27.

²⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³⁰ Там же. Д. 6. Л. 3.

ден центральный расчетно-ссудный аппарат - орган центрального счетоводства социалистического хозяйства. Он настаивал на расширении сферы «расчетных операций», которые должны были повлиять самым радикальным образом на сокращение денежного обращения. Общую цель такой реформы Закс сформулировал очень четко: «При достаточной технической исправности банковского аппарата, при поднятии его дееспособности, она приведет к вытеснению денег».³¹

В.И. Ленин достаточно ясно высказывался за единство банковской системы. И.Э. Гуковский же не имел четких взглядов на эту проблему и колебался. За что и подвергался критике.

Вследствие такой разноголосицы в центре страдало руководство национализацией банков. Представители различных направлений в банковском строительстве давали разноречивые указания на места. Такое положение привело к полной бесконтрольности советов в проведении национализации и к вмешательству в эту работу других государственных органов. Дело дошло до того, что 5 июня 1918 г. за подписями В.И. Ленина и И.Э. Гуковского всем совдепам был разослан циркуляр. Здесь говорилось, что все банки как Государственный, так и частные находятся в ведении НКФ. Все комиссары, каких бы то ни было банков, кем бы они не назначались, подчиняются Наркомфину. Совнарком напоминал всем советам и банковским учреждениям, что строжайшая централизация всего банковского дела с абсолютной неизбежностью вытекает из всей политики Советской власти и из всех изданных ею декретов.³²

Положение на местах было таково, что к лету 1918 г. НКФ не мог разобраться в тех действиях, которые совдепы уже предприняли в деле национализации кредитных учреждений. Вследствие этого 17 июня 1918 г. Отдел местных учреждений Нарбанка разослал срочный циркуляр «О доставлении сведений по вопросу о национализации частных банков». В документе говорилось: «Несмотря на то, что по декрету 14 декабря 1917 г. временное управление делами, подлежащих национализации банков, было возложено на Совет Государственного банка - в действительности делом национализации, как в центре, так и

³¹ Там же. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 70. Л. 4-10.

³² См.: Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 401-402; ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 671. Л. 78.

на местах ведали различные органы и учреждения, действовавшие независимо от Народного банка». Вследствие этого национализация понималась и проводилась в провинции с большим разнообразием, а местами осталась неосуществленной. При этом Нарбанк не был осведомлен о положении дел, так как даже адресованные ему донесения не всегда доходили по назначению, попадая к другим центральным органам, временно бравшим на себя заведование управлением и ликвидацией бывших частных кредитных учреждений. Вследствие этого, говорилось в циркуляре, в целях внесения в дело большей планомерности и единства, признано необходимым организацию национализации возложить на Центральное управление Нарбанка. Для ознакомления с фактическими делами на местах Госбанк просил представить Отделу местных учреждений сведения. Далее давался перечень 33 вопросов, на которые должны были ответить советы.³³

Такое положение с банками сказывалось и на денежном обращении. Нарбанк имел самые грубые предварительные данные о сумме кредитных билетов в стране. Кроме того, в различных местностях России под влиянием острого денежного голода было выпущено множество суррогатов кредитных билетов. Все это затрудняло разрешение вопроса об установлении новых пределов эмиссионного права Нарбанка. По приблизительным подсчетам с октября по конец 1917 г. на подкрепление касс банка было выслано 5499 млн рублей, по 1-е августа 1918 г. отправлено 19269 млн рублей. Никаких более или менее определенных данных о размерах остатков наличности в отделениях Госбанка и казначействах ни на 1 августа, ни даже на 1 июля Центральное управление Нарбанка не имело. Поэтому оно не могло определить точную цифру выпуска в обращение денежных знаков. Требования же о подкреплении поступали беспрерывно.³⁴

К концу весны — началу лета 1918 г. положение в области финансов не претерпело крупных изменений. Направление политики центра оставалось загадкой для местных властей. Споры среди руководства по этим вопросам не прекращались. Все более увеличивался разрыв между НКФ и местными органами. Инструктирование советов по вопросам финансовой политики центра носило отрывочный характер,

³³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2767. Л. 10.

³⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 62. Л. 2-7.

так как совдепы по большинству вопросов, в том числе и финансового свойства, обращались к НКВД.³⁵

Наркомфин пытался опираться на учреждения, оставшиеся от прежнего министерства: отделения банков, казначейства и т.д. Советы же смотрели на них косо, считая их, часто не без основания, центрами саботажа чиновничества. Они зачастую вступали в конфликт с учреждениями бывшего министерства финансов, пытаясь ими командовать и выколачивать из них деньги. Советы, считая себя властью на местах, смотрели на прежние органы государства, как на отживающие структуры. НКФ же поддерживал старые учреждения, вставая на их сторону в конфликтах с новыми властями. Это приводило к столкновениям уже самого наркомата с советами. Авторитет НКФ падал, а разрыв связей с провинцией углублялся.

В конце весны - начале лета 1918 г. первостепенной задачей становится налаживание связи центра с местами и выработка единого направления финансовой политики. Кроме того, необходим был прочный местный аппарат, единообразно выстроенный снизу до верху. Для координации деятельности финансовых учреждений при советах и выработки общего плана действий по инициативе НКВД созывается Всероссийский съезд представителей финансовых отделов советов. Он проходил с 17 по 21 мая 1918 г. в Москве в здании Дома Союзов (бывшем Благородном Собрании). К началу съезда зарегистрировались 207 делегатов, к концу их число увеличилось до 230.

Съезд открылся речью Комиссара внутренних дел Г.И. Петровского. Он описал условия, в которых советам пришлось брать власть в губерниях. Интеллигенция саботировала, документы похищались, наличность уносилась, на местах проявлялось полное непонимание целей и задач нового правительства, солдаты безжалостно расхищали и распродавали казенное имущество, рабочие боролись с контрреволюцией на Дону и Урале, что привело к небывалому понижению производительности труда. Крестьяне поняли свободу довольно своеобразно - они забирали все, что было можно, жгли и разбивали поместьи усадьбы, инвентарь и «категорически отказывались платить какие бы то ни было налоги». Но в настоящее время, по мнению наркома, после слома саботажа и подавления контрреволюции появились

³⁵ Там же. Д. 58. Л. 13-14.

условия для организационной работы. Однако для ее проведения необходима большая спайка центра с местными советами. Петровский высказал пожелание, чтобы съезд наметил пути для создания самой прочной связи между центральной властью и местами.³⁶ Таким образом, цель собрания была определена сразу.

Съезд начался с докладов делегатов. Общим впечатлением от всех этих выступлений можно назвать то, что вся страна рассыпалась на совершенно самостоятельные административные единицы, не связанные друг с другом и с центром. Делегаты описывали независимую политику местных властей в финансовой области.

Можно выделить некоторые общие проблемы, с которыми столкнулись советы. Прежде всего это отсутствие средств. Единственной губернией, которая регулярно получала вливания от правительства за этот период, была Московская. Для борьбы с денежным голодом местные власти попытались собрать старые налоги, причем каких-либо четких инструкций ни правительство в губернии, ни губернии в уездах не давали. Это приводило к пестроте налоговых систем, форм и методов обложения не только по губерниям, но и по уездам. Представитель Западной области (объединявшей Смоленскую, Могилевскую, Витебскую и Минскую губернии) заявил, что наличие сепаратного обложения делает ненормальной общую финансовую политику.

Земские сборы поступали крайне скучно. Податная инспекция не принимала мер по взиманию налогов. Так, в Западной области сбор начался только после угроз совета и дал 2/3 назначенной на 1916 г. суммы. Представитель Московской губернии отмечал, что правильной организации налогового аппарата препятствует отсутствие опытных работников, так как «все крупные силы ушли в политическую работу».

Советы применяли те или иные формы обложения исходя из местных условий. Так в хлебородной Могилевской губернии средства черпались из обложения земли. В Московском и Коломенском уездах Московской губернии было введено прогрессивно-подоходное обложение фабрик и заводов. Как правило, делегаты говорили об отсутствии единого для всей губернии обложения и пестроте налоговых систем в уездах. Отмечалось, что все это дало возможность кое-как существовать, но дальше такое положение продолжаться не мо-

³⁶ См.: Отчет о работах I съезда финотделов. М., 1918. С. 1-2.

жет, налоги должны быть установлены в общероссийском масштабе и взимать их необходимо по единому плану.³⁷

Положение усугублялось еще и тем, что крестьянство отрицательно относились к уплате налогов, особенно на землю, заявляя, что раз земля стала достоянием всего народа она обложению не подлежит. Другая часть крестьян согласна платить, но, ссылаясь на разорение хозяйства вследствие мировой войны, всячески оттягивают уплату. Представитель Витебской губернии заявил: «Крестьяне платили бы налоги, но они требуют взамен сельскохозяйственные орудия и мануфактуру по твердым ценам».³⁸

Единственный выход, который был найден из создавшегося положения, это контрибуции. Представитель Саратовской губернии заявил: крестьянская беднота налогов не платит, буржуазия не платит, чиновничество при попустительстве центра саботирует, если не открыто, то втайне. «Контрибуции - это средство, которое сейчас поддерживает в провинции городское хозяйство и поддерживает Советские учреждения, не получающие помощи извне».³⁹

Во многих губерниях советские органы существовали на контибиции с имущих классов: Псковская, Вятская, Ярославская, Владимирская, Тверская, Тульская, Вологодская и т.д. Но способы и методы наложения такого сбора были разнообразны, а расходование полученных сумм бессистемно.⁴⁰ Но были губернии, в которых к такой форме обложения не прибегали. Например: Могилевская и Уфимская.⁴¹

Делегат от Московской губернии заявил, что у них решено отказаться от контрибуций, так как они больших средств дать не могут, потому что Россия не имеет больших капиталов и имуществ, распределенных по стране крайне неравномерно. Поэтому губерния постепенно переходит к планомерному обложению.⁴² Но такое решение было исключением из правила, большинство докладчиков высказалось за необходимость контрибуций. Мало того, попытка Н.Э. Гуковского сво-

³⁷ См.: там же. С. 4, 6, 11, 13, 15, 16.

³⁸ См.: там же. С. 5-6. 14.

³⁹ Там же. С. 10.

⁴⁰ См.: там же. С. 10. 14-16, 12.

⁴¹ См.: там же. С. 13.

⁴² См.: там же. С. 6.

им циркуляром запретить их взимание вызвала возмущение на местах. Общее настроение съезда по этому поводу выразила представитель Саратовской губернии О.И. Каган, заявив, что «она хотела бы знать, наладил ли тов. Гуковский налоговый орган, податный отдел». Критикуя наркома, она утверждала, что готова отказаться от контрибуции, когда будет наложен налоговый аппарат, но пока этого нет, контрибуцией временно приходится пользоваться.⁴³

Практически всеми делегатами отмечалось отсутствие связи с центром, который оставил места без инструкций и материальной помощи. Зачастую даже полученные указания центральной власти еще более запутывали дело. Одновременно отмечалось отсутствие связи волостных и уездных организаций с губернскими центрами. Все это, по мнению делегатов, способствовало «кустарной» постановке финансового дела на местах.⁴⁴

Отсутствие инструкций и указаний более всего сказалось на национализации банков. Представитель Саратовской губернии О.И. Каган утверждала, что наблюдается острый недостаток обещанных СНК инструкций, а имеющиеся противоречат одна другой. Она отмечала, что если посмотреть изданные по банкам циркуляры комиссаров, их заместителей и делопроизводителей, то там обнаруживаются такие противоречия, что все эти документы можно назвать творчеством людей, не отвечающих за свои слова.⁴⁵

Вследствие недостатка инструкций центра в деле национализации банков проявлялась полная самодеятельность местных органов. Делегаты в своих выступлениях, касаясь национализации банков, отмечали в каком «смысле» она проведена. В Ярославской губернии национализация были проведена «в смысле» превращения частных банков в филиальные отделения Госбанка, в Уфимской губернии «в смысле» слияния их с Нарбанком, в Костромской «в смысле» установления контроля. В Западной области активы и пассивы частных банков переданы в Госбанк, а наличность переведена на текущий счет советов.⁴⁶

Были и другие затруднения, связанные с проведением в жизнь распоряжений центральной власти. Например, делегат от Костроме-

⁴³ См.: там же. С. 10.

⁴⁴ См.: там же. С. 5,8, 12, 14-16.

⁴⁵ См.: там же. С. 9-10.

⁴⁶ См.: там же. С. 4, 11-13.

кой губернии отметил затруднения в реализации декрета об обращении наравне с деньгами мелких купюр Займа Свободы. В декрете не было указаний относительно курса, по которому облигации должны были выпускаться в обращение. Он же поднял вопрос об аннулированных процентных бумагах.⁴⁷

Затруднения, с которыми столкнулись местные советы, вынудили губернские власти самим искать выход из создавшегося положения и определять направление финансовой политики. Для этого на местах стали созываться финансовые съезды. Одним, из первых был созван съезд Западной области. В марте 1918 г. состоялся Саратовский Областной финансовый съезд. Здесь присутствовали делегаты от Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Самарской и других губерний региона. В выступлениях была ярко нарисована картина разложения финансовых органов на местах, ввиду саботажа чиновников и отсутствия инструкций из центра. Делегаты пришли к выводу, что аппарат, финансовую и экономическую политику можно строить лишь в общероссийском масштабе, и обратились к ЧНК с требованием созвать Всероссийский финансовый съезд.⁴⁸

После выступлений с мест было предоставлено слово наркому финансов И.Э. Гуковскому. Он начал свою речь с заявления о том, что странно говорить о социалистическом комиссариате финансов, при новом строе ему не должно быть места. Но в настоящий момент республика переживает переходный период и поэтому правительству пока без денег не обойтись.⁴⁹

Касаясь проблемы составления бюджета, Гуковский сетовал на то, что целый ряд ведомств не смогли еще составить смет за первую половину года. Начисленные же расходы составляют примерно 40-50 млрд рублей. Нарком назвал их страшными, непроизводительными и потребительскими. Финансовые бреши закрывает Экспедиция заготовления государственных бумаг, но базироваться на успешной ее работе, по мнению Гуковского, нельзя. Выход из кризиса нарком видел в подготовке новых налогов. Но он обращал внимание съезда на то, что землю облагать нельзя. На деревню можно распространить поимуще-

⁴⁷ См.: там же. С. 11-12.

⁴⁸ См.: там же. С. 4, 15, 8-9.

⁴⁹ См.: там же. С. 17.

ственное обложение, но тут же Гуковский заявлял, что оно будет встречено населением недружелюбно, а вводить его насилиственными мерами не хотелось бы. Наркомфин возлагал основные надежды на косвенное обложение. Прекрасно осознавая, что это расходится с дореволюционным большевистским лозунгом отмены косвенных налогов, Гуковский объяснял такую перемену тем, что по проведении национализации уменьшилась сфера получения доходов, так как складывается положение, что все служат у государства. Учет доходности крестьянского хозяйства занял бы много лет, поэтому, по мнению наркома, самое правильное и простое есть обложение предметов потребления, то есть косвенное. «Хотя и странно, но мы к нему приближаемся», - сам удивлялся Гуковский.

Неотложными мерами для улучшения бюджета нарком считал сокращение его на местах и уменьшение расходов по управлению. «У нас десятки тысяч разных комиссаров, не создающих ценностей, но получающих жалование», - заявил нарком. Производительность труда везде упала, выход из положения по-Гуковскому «уменьшение числа людей, кормящихся у государственного сундука, и увеличение производительности труда».⁵⁰

Гуковский обвинил провинцию в использовании на свои нужды слишком больших средств. Он заявил, что налоги имеют финансовое значение, если они не разоряют плательщиков. Практика на местах, по мнению наркома, показала, что там «стараются урвать, что и сколько можно». «Надо думать о более длительном существовании налогового аппарата и надо стричь овцу, но не сдирать с нее шкуры. Это касается и центра и мест», — заявлял Гуковский. Наркомфин резко высказывался против контрибуций, которые создавали впечатление легкого получения налогов, вследствие чего местные потребности не координировались со средствами. Он требовал от советов, чтобы те всегда думали о том, как налоги отразятся на центре и на соседних областях. Если места не забудут о центре и соседях, «тогда ни контрибуциям, ни штрафам, ни иным способам чрезмерного обложения не будет места», - заверял Гуковский.⁵¹

⁵⁰ См.: там же. С. 18-19.

⁵¹ См.: там же. С. 20.

На вечернем заседании 18 мая выступил В.И. Ленин. Он определил финансовое положение страны, как критическое, и заявил: «Мы должны во что бы то ни стало добиться прочных финансовых преобразований,...всякие радикальные реформы наши обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике».⁵² Затем он определил ряд мер, которые могли бы помочь выходу из кризиса.

Прежде всего это финансовая централизация, без которой «мы не достигнем экономических преобразований». Ленин высказался за единую, строго определенную финансовую политику и исполнение предписаний сверху донизу. Следующая мера - правильная постановка прогрессивно-подоходного и поимущественного налога. «Подоходный налог должен быть взимаем со всех без исключения доходов и заработков; работа печатного станка, практиковавшаяся до настоящего времени, может быть оправдана, как временная мера, и должна уступить место прогрессивно-подоходному и поимущественному обложению с очень частыми сроками взимания».⁵³

Касаясь вопроса о контрибуциях, Ленин говорил: «Я вовсе не противник контрибуций вообще; чтобы уничтожить буржуазию, пролетариат не мог обойтись без контрибуций; это правильная мера переходного времени, но теперь переходное время кончилось и обложение имущих классов должно уступить место единому центральному государственному налогу».⁵⁴

Третьей задачей финансовой политики Ленин считал введение трудовой повинности и регистрацию имущих классов. «Эта мера даст возможность переложить тяжесть налогов, как и следует по справедливости, на богатых».⁵⁵

Четвертая задача, выдвинутая вождем, - это замена старых денежных знаков новыми. Ленин считал, что деньги опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти. Поэтому прежде всего необходим строжайший учет бумажек для полной замены старых денег новыми. Предстоит тщательная подготовительная работа - подготовка нескольких миллиардов новых денег,

⁵² Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 351.

⁵³ Там же. С. 352.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 353.

создание в каждом квартале крупного города сберегательных касс и т.д. Далее Ленин показал механизм, который, по его мнению, поможет успешно провести реформу: «Мы назначим самый короткий срок, в течение которого каждый должен будет сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен их новые; если сумма окажется небольшой, он получит рубль за рубль; если же она превысит норму, он получит лишь часть».⁵⁶ Вождь полагал, что эта мера вызовет отчаянное сопротивление буржуазии, но даст возможность дождаться революции на Западе - и провести необходимые реформы в стране.⁵⁷ Таким образом Ленин наметил довольно обширный круг задач, которые, как он надеялся, должен разрешить в ходе своей работы съезд.

В конце вечернего заседания 18 мая с докладами по вопросам местного хозяйства выступили Д.П. Боголепов, А.Е. Аксельрод и В.Е. Трутовский.

Д.П. Боголепов заявил, что между центральной властью и местными органами нет связующих нитей. «Местные советы объявляют себя автономными, называя себя Советами Народных Комиссаров. образуют государство в государстве, забывая о том, что они являются только проводниками Центральной власти». Так же, как Гуковский, Боголепов высказался против контрибуций, которые высасывают все соки из буржуазии, отнимая у нее средства для продолжения производства.⁵⁸ Боголепов поддержал идею Гуковского о приоритете косвенного обложения, но одновременно предлагал создать мощный, единый, организованный и централизованный аппарат на местах и в центре для взимания прямых налогов. Представитель НКФ высказался за точное определение налоговых прав советов и разграничение местного и общегосударственного обложения. Боголепов предлагал выработать декрет, в котором определились бы главные источники дохода местных советов.⁵⁹

А.Е. Аксельрод начал с описания положения, в котором оказалась Советская власть. Сумму военных долгов России он определил

⁵⁶ Там же. С. 354.

⁵⁷ См.: там же. С. 354-355.

⁵⁸ См.: Отчет о работах I съезда финотделов. М., 1918. С. 26-27.

⁵⁹ См.: там же. С. 27-28.

в 80 млрд рублей. Аксельрод не ставил под сомнение правильность решения об аннулировании займов, заявляя, что даже буржуазные экономисты еще раньше говорили об этом. Но он считал, что декрет по этому поводу нужно было провести при более благоприятной политической конъюнктуре. Аксельрод высказывался за правильную организацию производства и распределения, за введение строгой карточной системы и уничтожение спекуляции путем национализации как внутренней, так и внешней торговли.

Выступавший считал, что банки в России должны быть двух типов: эмиссионный и кредитный. Аксельрод отмечал: «В банках, как и везде, положение ухудшилось благодаря саботажу. Пришлося ставить либо идеальных неграмотных, кои по незнанию только ухудшали положение, либо людей знающих, но не проверенных в своей честности. Теперь, когда интеллигенция сознала свою ошибку, она является к нам, предлагает свои услуги и мы надеемся, что она к своим обязанностям отнесется серьезно».⁶⁰

В докладе В.Е. Трутовского отмечалось, что Советская власть в настоящий момент не может ликвидировать денежного обращения и всей прежней финансовой политики, не должна она игнорировать и прежний опыт, в частности проекты по местным финансам времен Керенского. Раньше главным источником налогов в местный бюджет являлась земля и недвижимое имущество, необходимо и теперь получать эти средства. Докладчик высказался за предоставление советам широких прав по обложению помноженных на дотационную поддержку центра. Трутовский выдвинул идею учреждения Муниципального Народного банка для финансирования местных нужд.⁶¹

Выступления представителей Наркомфина вызвали разочарование и недоумение делегатов. По воспоминаниям О.И. Каган, она обратилась к В.И. Ленину с просьбой пояснить его разногласия с Н.Э. Гуковским по вопросу о форме обложения, напомнив о том, что наркомфин выступал за приоритет косвенного обложения. «Владимир Ильич решительно ответил: «Разногласий нет. Исидор Эммануилович прав». «Да, возражаю я, но ведь мы всегда были против косвенных налогов, против налогов на потребление, в частности, вы указали, что

⁶⁰ См.: там же. С. 28-30.

⁶¹ См.: там же. С. 31-32.

единственно правильным...» Владимир Ильич меня перебивает и задает такой вопрос: «Ружье - штука вредная?» От неожиданности такого вопроса смущенно отвечаю: «В зависимости оттого, кто им владеет». «Вот именно, - говорит Владимир Ильич, - в зависимости от того, кто им владеет. То же самое с косвенным обложением».⁶²

Но, несмотря на поддержку Гуковского Лениным, НКФ подвергся жесткой критике. Представитель Костромской губернии Ростопчин заявил, что надежды местных финансовых деятелей не оправдались, они ждали найти в центре готовые проекты обложения, между тем среди руководителей Наркомфина существуют крупные разногласия. Ростопчин обрушился на наркому финансов доказывая, что он ничего нового не предложил. «По мнению тов. Гуковского на местах не должны быть комиссары финансов, но кто же будет на месте проводником финансовой политики центральной власти?» - воскликнул делегат. Он утверждал, что наоборот необходимо подчинить старый аппарат советам, ввести единый государственный налог и лишь излишек, остающийся после покрытия местных расходов, отсыпать в центр.⁶³

Н.Н. Евреинов (Кинешма) напротив не видел противоречий между взглядами Ленина и Гуковского. Он высказался в поддержку косвенных налогов. Но выступил против разграничения местных и общегосударственных источников обложения.⁶⁴ Представитель Вологодской губернии поддержал идею приоритета косвенного обложения. Делегат от Московской губернии выступал за переход к единой системе обложения, но критиковал Трутовского и Боголепова за то, что те высказывались за использование старых городских и земских налогов.⁶⁵

Представитель Саратовской губернии О.И. Каган подвергла критике доклад Гуковского о косвенных налогах: «Рецепт спасения, предлагаемый Народным Комиссаром Гуковским, мы должны отвергнуть». Она высказалась и против предложения Ленина считая, что «замена старых кредитных билетов новыми, при отсутствии правиль-

⁶² Каган О. Ленин о нашей финансовой политике. (Воспоминания) //Ленин о финансовых и денежно-кредитных вопросах. Статьи и речи. Украина, 1925. С. 35.

⁶³ См.: Отчет о работах I съезда финотделов. М., 1918. С. 32-33.

⁶⁴ См.: там же. С. 33.

⁶⁵ См.: там же. С. 34.

но налаженного технического аппарата, почти не осуществима в настоящее время».⁶⁶

Делегат Сиротин (Костромская губерния) заявил, что старый чиновничий аппарат не весь нужен и годен, мы сами вышли из «тины без саботажников и теперь приглашать их не хотим». Поддержал нападки на старый аппарат комиссар финансов Московской области Жилин, требуя подчинения его советам: «Кто же хозяин на местах - старые чиновники или советская власть?» По контрибуциям он заявил, что: «Контрибуции вводятся и будут вводиться за неимением других средств». Жилин обвинил центр в отступлении от первоначальных принципов построения пролетарского государства: «Политика центральной власти изменилась; раньше она говорила: «вся власть на местах Советам», теперь она этого не говорит».⁶⁷ Делегат Уральской области Ф.Ф. Сыромолотов внес большую страстность в прения, упрекая центральную власть в колебаниях, непоследовательности и бездействии.⁶⁸

После оживленных дискуссий с докладом по организационному вопросу выступил Н.Н. Евреинов. Он заявил, что успех финансовой политики в громадной степени зависит оттого аппарата, который проводит в жизнь финансовые планы. По мнению Евреинова: «У нас здесь особенно скверно». Старый аппарат не пригоден для советской финансовой политики, он не только не хочет, но и не может работать, а новый при местных советах не успел построиться и не справляется со своими обязанностями. По мысли докладчика, необходим аппарат, который совмещал бы в себе демократическую централизацию со знанием местных условий и с широкой инициативой низов. Отсюда следуют два принципа построения финансового аппарата: 1) централизация; 2) выборность местными организациями. Невозможность разграничения местных и государственных налоговых источников и тесное слияние общегосударственных и местных нужд влечут, в свою очередь, к созданию единого финансового аппарата, вместо двух - общегосударственного и местного. Евреинов считал, что необходимо немедленно дать советам право следить за деятельностью чиновников

⁶⁶ См.: там же. С. 35-36.

⁶⁷ См.: там же. С. 37.

⁶⁸ См.: там же. С. 38.

и устранять саботаж, а также предоставить им четкие инструкции, которые давали бы гарантию правильности сбора налогов и целесообразности расходования средств. Докладчик призывал к борьбе с «автономностью» на местах путем передачи права окончательного утверждения смет вышестоящим советам.⁶⁹

На утреннем заседании 20 мая выступил с докладом по вопросу о банках и казначействах А.П. Спунде. Он начал с того, что в период саботажа банковских служащих центральная власть осталась «без рук и без ног». Следствием этого стало отсутствие инструкций и чрезвычайно опасная для страны децентрализация банковского дела. Но теперь после слома саботажа можно приступить к планомерной работе.

А.П. Спунде являлся сторонником создания Центрального Эмиссионного банка, который должен стать расчетной конторой, административным управлением всех кредитных учреждений страны. Никаких операций по кредитованию и финансированию национализированных заводов и кооперативов он нести не должен. Главная его задача - поддержание других кредитных учреждений и распределение между ними средств. «Он должен быть Банком Банков». Кроме этого банка Спунде выступил за распределение других кредитных учреждений по главным отраслям производства: сельское хозяйство, промышленность, торговля, транспорт и т.д. Они-то и должны кредитовать хозяйство.

По поводу организации денежного обращения докладчик заявил, что его металлическая основа устраниена «сознательным переворотом». «Раньше деньги были источником привилегий и преимуществ теперь деньги должны стать счетной единицей». Комиссар Нарбанка утверждал, что республика переходит к бумажно-денежному обращению. Спунде ратовал за замену денежных знаков, как единственного способа извлечения денег из деревни.⁷⁰

На вечернем заседании в этот же день 20 мая выступление А.П. Спунде подверглось критике и в первую очередь со стороны своих же коллег — представителей НКФ. Аксельрод заявил, что Спунде хочет объять необъятное и занять банками все отрасли промышленности, которые соприкасаются с кредитом. Он доказывал, что необходимо единое учреждение, ведающее финансированием, а не рас-

⁶⁹> См.: там же. С. 39–40.

⁷⁰ См.: там же. С. 44–47.

пыление финансов по разным банкам.⁷¹ Другие выступавшие в прениях делегаты поддержали Аксельрода в том, что необходим единый банк со множеством отделений по стране.⁷²

Заседание 21 мая было посвящено принятию резолюций. Без изменений прошла резолюция Евреинова по организационному вопросу, а затем и общая резолюция, которая в большей своей части была посвящена проблеме изыскания средств на местные нужды. Здесь говорилось, что успешное решение задач хозяйственной политики в значительной степени зависит от своевременного и достаточного питания средствами мест. Среди прочих мер, резолюция разрешала советам до введения правильного обложения применять контрибуции.

Съезд из своего состава выделил комиссию из 6 человек и поручил ей совместно с НКФ в кратчайший срок разработать: 1) положение о прогрессивно-подоходном и поимущественном обложении; 2) положение о системе косвенных налогов на основе государственных монополий; 3) положение о сметах для производства расходов; 4) положение о централизации банковского дела и о сосредоточении всех операций в Эмиссионном и Кредитном банках (первый - регулирует денежное обращение, второй - обслуживает своими отделениями все отрасли народного хозяйства); 5) положение о замене ныне обращающихся денежных знаков новыми; 6) положение о единообразной централизованной организации всего аппарата финансового управления. Резолюция призывала к немедленной реорганизации казенных палат, податной инспекции, акцизных управлений и казначейств с целью объединения их в одной советской организации, возглавляемой губернскими и уездными комиссариатами финансов. По предложению Н.Н. Евреинова съезд высказался за проведение областных и губернских финансовых конференций, а также за созыв в ближайшее время второго всероссийского съезда финотделов.⁷³

Несомненно, съезду финотделов придавалось большое значение, о чем говорит присутствие В.И. Ленина, но конкретным результатом его работы явилось лишь создание особой комиссии для разработки финансовых проблем. Ожидания делегатов не оправдались.

⁷¹ См.: там же. С. 47.

⁷² См.: там же. С. 47-48.

⁷³ См.: там же. С. 49-52.

Каких-либо четких указаний по проведению финансовой политики они не получили.

Следующие жаркие столкновения по финансовым проблемам произошли через несколько дней на I съезде Совнархозов, проходившем с 25 мая по 4 июня 1918 г. в Москве.

С докладом от НКФ «Основные положения финансовой политики» на съезде выступил Г.Я. Сокольников. Он начал с того, что финансовая политика должна быть политикой переходного времени от капитализма к социализму, поэтому отказываться от денег, банков и других учреждений капиталистического строя пока не следует. Сокольников заявил, что в денежном обращении России приходится поставить крест над политикой, которая строила свою денежную систему, опираясь на золотой запас. Но этот благородный металл нужно использовать для международных расчетов. Докладчик ратовал за заключение внешних займов у капиталистических стран, а также за необходимость внутреннего займа. Сокольников утверждал, что кредитные билеты, выпускаемые Экспедицией заготовления государственных бумаг, по своему экономическому значению играют роль внутреннего займа, но такая форма «займа» неудобна, так как выпускаемые бумажки изымаются из обращения и откладываются «в виде государственных обязательств, которые лежат в кубышках, в бутылках, закопанные в землю и представляют из себя действительно беспрецентный заем». Поэтому Сокольников предлагал превратить такого рода беспроцентный заем в процентный.⁷⁴

Докладчик утверждал, что в сегодняшней России только принудительным путем свободные деньги можно превратить в свидетельства государственного займа. Такую операцию можно провести при обмене старых денежных знаков на новые, превратив крупные купюры в облигации «Красного Займа».

«У нас слишком льстят себя иллюзией, что мы произвели полную экспроприацию капитала», - заявил далее докладчик. Но, в сущности, кроме транспорта, который национализировали раньше, была произведена лишь национализация торгового флота. В области банков этот процесс далеко не завершен, а в производстве до сих пор не

⁷⁴ См.: Труды I съезда СНХ. М., 1918. С. 116-120.

национализирована ни одна отрасль промышленности. Поэтому у банка сохраняется та же роль, что и раньше, следовательно, кредитные учреждения не могут быть теперь превращены в центральную общественную бухгалтерию.

Сокольников являлся яростным сторонником единого банка и резко выступал против планов денационализации, а также создания Центрального эмиссионного и отдельных производственных банков (мукомольного, железнодорожного и т.д.). Высказался он и против сохранения старых и основания новых иностранных банков в России. Предложения об открытии которых поступали от Швеции и Германии. Сокольников, выступая против этого, объяснял свою позицию тем, что весь русский капитал загrimируется, и будет действовать под иностранными шарами.

Сокольников отмечал трудности в деле национализации банков. Он утверждал, что в республике фактически два банка - бывший Госбанк и частные банки, которые не слились в единый аппарат, по вине консерватизма Государственного банка. Эти кредитные учреждения действуют совершенно несогласованно.⁷⁵

Касаясь проблемы финансирования национализированной промышленности, докладчик высказывался за введение внутри нее простого товарообмена. Но тут жеставил два условия для такого варианта: 1) наличие точно и правильно работающего аппарата, осуществляющего расчеты; 2) высокая степень централизации промышленности, с подчинением ее ВСНХ. Сокольников утверждал, что эти условия еще далеко не достигнуты, поэтому необходимы средства для расчетов между национализированными предприятиями. Мало того, докладчик подчеркнул тот факт, что наблюдается обострение нужды в средствах на национализированных предприятиях. Он описал трудности в получении денег, вследствие огромной бюрократической волокиты. Рабочие делегации месяцами стояли в передних и ходили из ведомства в ведомство.

Сокольников предлагал ввести особые чеки на Госбанк для расчетов между предприятиями. Он выдвигал идею «Банк-ноты», которая имела бы хождение наравне с кредитными билетами, но выпуска-

⁷⁵ См.: там же. С. 116-124.

лась бы в более крупных купюрах. Докладчик предлагал разбить финансирование промышленности через банки и проводить его через ВСНХ. Этому-то ведомству и необходимо дать эти «чеки -банкноты» для особого фонда финансирования национализированной промышленности.⁷⁶

Коснулся докладчик и проблемы бюджета. Он утверждал, что цифра в 80-100 миллиардов на полгода слишком завышена и после ряда гадательных предположений свел весь годовой бюджет до 25—30 миллиардов рублей. Сокольников выразил уверенность в покрытии этих цифр за счет налогов на процветающую торговлю и мелкобуржуазное крестьянство.

В конце своего выступления он вновь подчеркнул, что те меры, которые им предлагались, лишь меры переходного времени. По мнению докладчика, «мы сделали половину того, что нам нужно было сделать по пути к социальной революции».⁷⁷

На вечернем заседании 31 мая выступил нарком финансов И. З. Гуковский. Он сразу заявил, что не знает от чьего имени вел свои рассуждения Сокольников, «лично от себя или от какой-либо организации, но моя финансовая программа несколько иная». Далее нарком приступил к критике своего подчиненного. Он заявил, что Сокольников видит выход из трудностей во внешнем займе, но заключение такого займа вряд ли будет возможно, потому что были аннулированы старые займы. Пока Россия не произведет расчета по старым займам «мы ни копейки денег из-за границы не получим».

Раскритиковал нарком и рассуждения Сокольникова о золоте, которое не может служить обеспечением русских денег. Гуковский считал, что до тех пор, пока в России будет существовать денежное обращение, золото должно служить обеспечением рубля.⁷⁸

Нарком настаивал на том, что нельзя существовать за счет Экспедиции заготовления государственных бумаг. Как только перестанут верить денежным знакам «нам не будут давать ни продуктов, ни своего труда». «Один из способов, который считается удовлетворительным для исправления финансов, это — изъятие денежных знаков

⁷⁶ См.: там же. С. 124-126

⁷⁷ См.: там же. С. 127-128.

⁷⁸ См.: там же. С. 129-130.

из обращения,» - скептически заявил нарком. Гуковский считал, что можно приступить к исправлению своего денежного обращения лишь при условии бездефицитности бюджета. «Если мы выпускаем из касс казначейства неизмеримо более того, что туда поступает, то всякое наше постановление о том, что деньги такие-то превращаются в иные, может быть игнорировано». Гуковский рассуждал так: за несколько месяцев новые денежные знаки все заполнят и ими будут платить государству, а старые оставят для домашнего обихода, питая надежду на провал большевиков. Раскритиковал нарком и идею принуждения при выпуске новых денег, считая, что такое решение «может оказаться недейственным просто потому, что не будет реальной возможности заставить население осуществить это, ибо разыскивать эти деньги, зарытые в кубышках, мы едва ли сможем».⁷⁹ Таким образом, Гуковский фактически выступил противником ленинской идеи денежной реформы.

Нарком считал, что не поправят финансов и проектируемые Сокольниковым суррогаты денежного обращения - Банкноты ВСНХ. Они только облегчат денежный оборот и дадут возможность лишь несколько уменьшить выпуск денег.⁸⁰

Далее выступающий заявил, что для него вопрос, как лучше устроить национальный банк, недостаточно ясен. Над этим работали целый ряд комиссий, но в результате у Гуковского не составилось ясного представления какая форма банка наиболее удовлетворяет переходному времени. Он сказал, что категорическое заявление Сокольникова о единстве банка, о невозможности его деления на две части — эмиссионный и коммерческий или по разного рода категориям - для него не так ясно. Гуковский отверг циркулирующее в печати мнение, будто он является сторонником денационализации банков. Действительно первое время после назначения комиссаром его осаждали всякого рода проекты банков, мукомольного, железнодорожного, текстильного и всякого рода других. «Я их категорически отвергал, даже не всегда просматривая... Я не собираюсь денационализировать банки и открывать новые».⁸¹

⁷⁹ См.: там же. С. 131-132.

⁸⁰ См.: там же. С. 132.

⁸¹ См.: там же. С. 132-133.

Как и у Сокольникова, рассуждения об итоговой цифре бюджета у Гуковского носят гадательный характер. 16 апреля во ВЦИК он говорил о 40-50 миллиардах за полгода, 80-100 миллиардов в год. На съезде у него имелись более точные цифры, основанные на предположениях ведомств, просмотренных в сократительных комиссиях. Ведомства запрашивали 24 миллиарда на первую половину года, эту сумму удалось урезать до 14 миллиардов. Однако нарком оговаривался, что некоторые сметы еще не рассмотрены, поэтому сумма увеличится.

Гуковский сетовал на то, что трудно заранее предусмотреть все расходы, надолго тянувшийся саботаж чиновников, и кроме того часть товарищей «вообще рассматривают сметы, как буржуазный предрассудок, которого не следует придерживаться». Вследствие чего сметы очень запоздали, поэтому приходится утверждать не проекты расходов, а уже фактически произведенные расходы. Кроме того, в смету не вошли суммы на ВЦИК и ВСНХ, на содержание железных дорог, на расходы местных советов. Республика должна будет платить по аннулированным заемм мелким держателям и немцам, которые этого требуют после заключения Брестского договора. Исходя из этого бюджет может вырасти до 50-60-70 миллиардов рублей в год. Одно из двух, воскликнул Гуковский, или эти 50 миллиардов есть обыденская мерка, что рубль - гривенник и значит предполагаемая сумма составляет только 5 миллиардов, «или же мы куда-то зарвались и некуда нам деться... Я думаю, тут что-то не так... Во всяком случае, наш бюджет колоссален», - воскликнул Гуковский.⁸²

Далее нарком стал развивать свою мысль о том, что при сокращающейся роли частного капитала роль прямого обложения должна падать, так как чем больше государство сосредотачивает в своих руках промышленность, торговлю, транспорт тем меньше будет объектов обложения. Приходится признать, продолжал Гуковский, что требование, которое включалось во все программы минимум, о возложении тяжести расходов по управлению на буржуазные классы, теперь отпадает.

Особое внимание обратил Гуковский на налогообложение крестьян. «Крестьянское население получило от революции - я бы сказал

⁸²-См.: там же. С. 133-135.

в смысле хозяйственно-экономическом - больше, чем кто бы то ни был в России. Они получили больше чем рабочие», - заявил он. Крестьянство получило землю, но платит неохотно и взыскать с него будет трудно. По закону о социализации земли можно облагать имущество и доход, но не землю. Несколько комиссий работали над определением доходности крестьянских хозяйств. В итоге Гуковский планировал обложить крестьян примерно на 300 миллионов рублей.

Нарком ратовал за взимание прямых налогов старого режима и обложение торговли, которая процветает, как никогда не процветала. Но он тут же обратил внимание на расшатанность финансового аппарата и массу трений и столкновений с податной инспекцией на местах. Гуковский закончил свои рассуждения о налогах тем, что насcreбая тут и там можно получить доход в 5 миллиардов рублей для покрытия 20-25 миллиардов, которые предстоит израсходовать. Выход из положения нарком видел в повышении производительности труда. А свою задачу он описал так: «... как-нибудь получить наибольшее количество денег, чтобы как-нибудь извлечь деньги из кубышки».⁸³

После этого Гуковский ответил на поступившие записки. Он заявил, что считает контрибуции безусловным злом, так как деньги расходуются без всякой ответственности и при взыскании применяются недопустимые меры. Они дают ложное представление о легкости взыскания и отдаляют от организованной работы, которая необходима в настоящее время. Не успели собрать одну контрибуцию, рассказывал нарком, как накладывается другая, а затем обращаются в центр за деньгами, так как, рассчитывая на крупные суммы, советы создали много учреждений и не имеют средств на их содержание. При контрибуциях, по мнению наркома, нарушается общегосударственный план и бюджет. «Такого способа финансирования я не могу принять», - такими словами закончил свою речь Гуковский.⁸⁴

По докладам Гуковского и Сокольникова на съезде разгорелась жаркая дискуссия. Первым выступил в прениях С.А. Лозовский и обрушился с яростной критикой на обоих. Он заявил, что их доклады произвели на него удручающее впечатление. Два официальных лица НКФ расходятся в цифрах по бюджету в 30 миллиардов рублей. По

⁸³ См.: там же. С. 137-141.

⁸⁴ См.: там же. С. 142.

мнению Лозовского, крайне трудно сказать, на что идут деньги. Выступающий заявил, что после Октябрьского переворота от всех чиновников потребовали признания новой власти и первые, кто признал Советскую власть, были лакеи Зимнего дворца и конюхи, которые до сих пор благополучно получают жалование. Имеется поразительный государственный механизм. В старых ведомствах и министерствах сидят чинуши, которые 50 лет получали жалование от самодержавного режима и продолжают получать теперь. Над этими старыми бюрократическими организациями имеются новые напластования, которые тоже получают деньги.

С.А. Лозовский заявил, что ничего реального из докладов Гуковского и Сокольникова, в ответ на жгучие вопросы финансовой политики, он не получил. Выступавший упрекал представителей НКФ в том, что они не обложили буржуазию, а Сокольникову припомнил «кинематографическую» национализацию частных банков.

«Весь этот финансово-экономический кавардак объясняется с одной стороны тем, что с первых же дней не только не было определенного финансово-экономического плана, не только не было представления, что нужно делать, но также не было и реального представления о тех силах, с которыми можно было сделать что-нибудь», - заявил выступающий. «Отсутствие всякого представления об экономической политике вообще, о наших ресурсах, о том, что мы можем делать, о тех силах, на которые мы опираемся, отсутствие об этом всякого представления и создало ту финансово-экономическую кашу, которую нужно сейчас расхлебывать... Мы денационализировали нашу экономическую политику, превратили ее во много маленьких, больших и микроскопических совдепиков... В различных уездах и волостях мы производим опыты национализации, мы превращаем экономический организм в хаос, который противоречит не только социалистическому развитию, но и капиталистическому».

С.А. Лозовский предлагал заставить комиссариаты, СНК, ВЦИК и прочие ведомства высчитывать каждую копейку, уничтожить более половины всевозможных учреждений и отказаться от всех «фантастических опытов» частичных национализации. «Из этого беспорядка не только социализма, но даже и хорошего капитализма не выйдет». ⁸⁵

⁸⁴ См.: там же. С. 143-146.

Следующий выступающий В.М. Смирнов заявил: «Если бы мы действовали таким методом, каким советует товарищ Лозовский, то есть попробовали не расходовать ни одной копейки раньше, чем мы не составили точного бюджета..., то сейчас мы не были бы у власти...» Если бы обдумывали каждую национализацию до самых деталей и национализировали только прибыльные предприятия, то ничего бы не национализировали и не выпили бы из-под ног буржуазии почву. Смирнов заявил, что падение курса рубля совершенно не должно пугать, так как после полного торжества социализма, «рубль ничего не будет стоить и у нас будет безденежное обращение». Смирнов считал, что сейчас черезвычайно трудно провести и прямое, и косвенное обложение. Вместо этого выступающий высказывался за контрибуции. По мнению Смирнова, именно местная власть должна налагать контрибуции с условием передачи в кассу совдепа «известную долю этой контрибуции». На что Д.Б. Рязанов выкрикнул с места: «Доля в грабеже». Смирнов ответил: «Да, доля в грабеже буржуазии, а не рабочего класса».⁸⁶

Выступавший следом Д.Б. Рязанов считал изначальным пороком всей советской экономической и финансовой политики предоставление законодательной власти местным советам. «Предоставление такого рода власти всем этим отдельным совдепам - это есть с самого начала смертный приговор всякой попытке проведения стройной финансовой политики...» Только сократив всякие тенденции всех советов присваивать себе законодательную власть, только заставляя их внимательнее читать инструкции центра, подготовленные несколько иначе, чем «тяп - да - ляп, вышел корап, мы только в этом случае создадим мало - мало нормальные условия для этой рациональной финансовой политики».

Рязанов вспомнил поход представителей отдельных полков по инициативе Троцкого в Госбанк за первыми 10-тью миллионами. Он считал, что деньги можно было бы получить, обратившись к первому чиновнику-саботажнику или несаботажнику - с просьбой подписать соответствующий ордер. «Вы видите государство, которое попало в руки барабанных финансистов — тех, кто послал роту на Государственный банк...» - витийствовал оратор.

⁸⁶ См.: там же. С. 147-149.

Рязанов являлся противником фабзавкомов. Он уже в декабре 1917 г. выдвигал лозунг контроля над рабочими. Через эти органы капиталисты выкачивали свои капиталы, причем фабзавкомы по незнанию помогали им в 90 случаях из 100. Рязанов заявил, что и после революции на буржуазию «все лился такой золотой дождь, что вы себе не можете представить... После 25 октября политически выиграл рабочий класс, а буржуазия экономически ничего не потеряла».

Выступающий указал на необходимость строгого разграничения компетенции ВСНХ и комиссариатов, ВСНХ и Совнаркома. Мы не только сохранили целый ряд ненужных комиссариатов, заявил он, но умудрились к ним прибавить ряд новых, которые параллельно делают одно и то же. Они, иногда не зная друг о друге, создают новые штаты, бесчисленное количество новых паразитов, в их среду умело забираются опасные саботажники, благодаря которым появляются сметы, где на содержание личного состава уходит 95%, а на дело 5%.⁸⁷

Следующий выступающий Блюм обрушился на идею Сокольникова о внешних и внутренних займах, утверждая, что такие меры всегда отвергались Советской властью. Операция же обмена старых денег на новые при транспортной разрухе, недостаточности отделений Госбанка и безграмотности населения затянется на несколько месяцев. Денежный оборот за это время еще более расстроится.

Блюм был сторонником обеспечения денежного обращения золотом и раскритиковал предложение Сокольникова о выпуске краткосрочных банкнот для финансирования промышленности. Вместо банкнот он предложил обратить внимание на организацию безденежного оборота при помощи чеков и текущих счетов.⁸⁸

Интересно было выступление представителя Тобольского Совнархоза Серкова. Он заявил, что доклады на него, как на человека деревни, произвели удручающее впечатление. Ярко выразил Серков отношение крестьянства к попыткам его обложения: «Но я вам говорю, что экспроприировать крестьянский труд вам не удастся, потому что крестьянство настолько велико, что не будет той силы, которая могла бы это сделать».⁸⁹

⁸⁷ См.: там же. С. 150-152.

⁸⁸ См.: там же. С. 152-154.

⁸⁹ См.: там же. С. 156-157.

Вслед за своими оппонентами с заключительным словом выступил Г.Я. Сокольников. Прежде всего он ответил на критику И.Э. Гуковского, уверяя, что у последнего нет конкретных указаний, как строить финансовую политику, как получить побольше доходов и поменьше расходов. Тезис наркома о повышении производительности труда бесспорен, но финансовая политика должна указать, каким образом это сделать. Выступавший считал неправильным предположение Гуковского о приоритете косвенного обложения над прямым, по его мнению, главную часть бюджета будут составлять прямые налоги.

Отвечая на критику по поводу займов, Сокольников заявил, что здесь вопрос чисто политический - будет ли смысл для буржуазных государств не давать их, чтобы заставить Советское правительство уплатить по царским займам. В английских и американских финансовых кругах обсуждается вопрос о поддержании отношений с Россией, проблему царских займов предлагается оставить до международной конференции. Кроме того, Россия не первая страна, аннулировавшая займы. Таких государств целый список, начиная с Южноамериканских республик.⁹⁰

Не согласился Сокольников с идеей Гуковского о возвращении золотого обращения. Если бы это произошло, то буржуазия тут же сплавила бы его за границу. «Одно из двух: или нам нужно отказаться от социализма, или нам нужно отказаться выпустить золото в обращение», - заключал Сокольников. Выступавший высказался за бумажное обращение, считая, что нечего бояться количества бумажек, а главная задача - установление твердых цен во всех областях хозяйства. «Произойдет арифметическая революция, произойдет цифровая революция», - уверял он. Там где раньше нужно было пустить рубль, там, может быть, придется пустить в ход 10 рублей.⁹¹

Сокольников выразил свое несогласие с мнением Смирнова, что при социализме деньги не нужны и можно смотреть спокойно на обесценение рубля, который, в конце концов, сам себя уничтожит. «Это точка зрения, доведенная до абсурда», - заявлял представитель НКФ. Республика вовсе не заинтересована в таком катастрофическом обесценении рубля, так как это приведет к постоянному колебанию

⁹⁰ См.: там же. С. 169-170.

⁹¹ См.: там же. С. 171-172.

цен. Если же это произойдет, «то вместо социализма мы будем иметь разруху».⁹²

Парировал Сокольников и критику Наркомфина Лозовским за отсутствие отчетности. Он заявил, что во Франции никакого бюджета за 1918 г. нет и там на один месяц задним числом составляют смету. Россия же фактически находится в состоянии гражданской войны. «Надо удивляться, что мы хотя и на пятом месяце имеем некоторое подобие сметы и некоторое подобие бюджета».⁹³

Яростно обрушился Сокольников на Д.Б. Рязанова. Прежде всего он поддержал «военный поход» на Госбанк за десятью миллионами. Конечно, СНК мог по какой-нибудь смете получить эти деньги. «Но вы представьте картину, когда Совет Народных Комиссаров получает фуксом 10 миллионов рублей на канцелярские принадлежности. Как бы отнеслась история к такого рода пролетарскому государству, которое получает деньги фуксом по старой смете и которое не решается предъявить своих требований к Государственному банку, которое признает, что оно не имеет права быть хозяином, не есть действительный государственный распорядитель государственными средствами?» - воскликнул выступающий. Поэтому совершенно правильно пришли в Госбанк со штыками и заставили чиновников выдать деньги.

На замечание Рязанова, что из национализированных банков буржуазия выкачивала средства, Сокольников заявил, что это — пустяки по сравнению с тем, что могло произойти, если бы банки не тронули. По мнению выступавшего, иного пути, кроме национализации банков, не было.⁹⁴

Жаркие споры и разноголосица мнений на заседаниях съезда не нашли своего отражения в его резолюциях. Так, резолюция «Экономическое положение и экономическая политика» в финансовой области предусматривала: завершение национализации банков и увеличение числа их отделений, постепенный переход к обязательным текущим счетам, самое широкое развитие чекового оборота и переводов, общую бухгалтерию всех национализированных предприятий. Таким образом, здесь раскрывались общие теоретические взгляды большеви-

⁹² См.: там же. С. 172.

⁹³ Тамже. С. 173.

⁹⁴ См.: там же. С. 173-174.

ков на финансы. Но была принята и отдельная, самая большая по объему из всех, резолюция по этому вопросу: «Основные положения финансовой политики». Она разделялась на четыре раздела: «Деньги», «Государственный бюджет», «Банки», «Безденежный оборот».

В первом разделе «Деньги» предусматривалось сокращение бумажно-денежного обращения путем принудительной конверсии части денежных знаков в процентные облигации при обмене на новые денежные знаки. Изъятие из обращения всех денежных суррогатов. Выпуск краткосрочных банкнот, имеющих хождение наравне с кредитными билетами, предоставляемых Госбанком в распоряжение национализированной промышленности. Развитие добычи золота в целях усиления золотого фонда для международных расчетов. И, наконец, превращение серебряной монеты в кредитную металлическую монету и немедленная подготовка к введению ее в обращение.

В разделе «Государственный бюджет» говорилось о проведении подоходного и поимущественного обложения, высоких косвенных налогах на предметы роскоши, введении процентных налоговых ставок на монополизированные продукты и продукцию национализированных отраслей. Кроме того, предусматривалась подготовка внешних займов в форме кредитов по производственным заказам, и внутренних, принудительных и добровольных, для усиления фонда финансирования народного хозяйства.⁹⁵

В разделе «Банки» признавалось недопустимым отдельное существование Госбанка и национализированных банков. Указывалось на необходимость их слияния в кратчайший срок, параллельно с реформой системы бухгалтерии Народного банка по образцу частных банков. Предусматривалась национализация крупнейших обществ взаимного кредита и полная ликвидация иностранных банков, регламентация и контроль над деятельностью кредитных кооперативов, преобразование казначейств и государственных сберегательных касс в отделения Нарбанка. Признавалась недопустимость существования отдельных производственных банков, вместо них намечалось создать при едином Госбанке комитеты финансирования по производствам, связывающим банк с ВСНХ. Предлагалось законодательное проведение обязательного для всех государственных и общественных учреж-

⁹⁵ См.: там же. С. 474 - 476.

дений, частных предприятий и всех частных лиц держание сумм свыше 10000 рублей в банке и принятие чекового закона, устанавливающего нормы и гарантии чекового обращения.

В разделе «Безденежный оборот» указывалось на необходимость организации внутрипромышленного продуктообмена при централизации управления национализируемых предприятий, организацию зачетов или абонементной уплаты по продовольственным карточкам. Кроме того, развитие внешнего товарообмена и привлечение иностранных технических и организационных сил на началах подольной аренды организуемых или эксплуатируемых ими предприятий на определенные сроки.⁹⁶

Судя по этой расширенной резолюции по финансовому вопросу, съезд принял все основные положения, выдвигавшиеся в речи Г.Я. Сокольникова. В постановлении совершенно не была отражена та критика, которая на него обрушилась, как со стороны И.Э. Гуковского, так и со стороны других делегатов.

3.2. Отставка И.Э. Гуковского и ее причины

Критика наркомата финансов, прозвучавшая на съездах финотделов и совнархозов, не осталась без внимания советского правительства. Нажим на НКФ с целью подхлестнуть его деятельность был осуществлен буквально сразу после окончания съезда совнархозов.

На Совнаркome 5 июня с докладом о расплате чеками выступил Г.И. Петровский. Совершенно неожиданно это выступление вызвало обширное постановление СНК, касавшееся практически всех основных финансовых проблем.

И.Э. Гуковскому поручалось: а) «Принять самые энергичные меры» для устранения всех формальностей как для входа в банк, так и для совершения всех банковских операций; б) «Принять самые энергичные меры» для увеличения числа отделений и привлечения служа-

⁹⁶ См.: там же. С. 477.

щих, давать еженедельные отчеты о практическом осуществлении этого; в) назначить Ревизионную Комиссию для обследования деятельности как государственного, так и бывших частных банков; г) принять меры к более широкому оповещению населения о неприкословенности вкладов; д) «Принять энергичные меры к действительному слиянию всех банков»; е) разослать всем советам циркулярную телеграмму за подписью В.И. Ленина и И.Э. Гуковского: «СНК подтверждает, что все банки, как Государственные (Народные Банки Российской Республики), так и бывшие частные банки находятся в заведовании Комиссариата Финансов. Все Комиссары, каких бы то ни было банков, кем бы они ни были назначены, а равно и сберегательных касс, обязаны исполнить распоряжения НКФ. СНК напоминает всем банковским учреждениям, что строжайшая централизация всего банковского дела с абсолютной неизбежностью вытекает из всей политики Советской власти и из всех изданных ею декретов».⁹⁷ Такой циркуляр за подписями Ленина и Гуковского был немедленно разослан на места.⁹⁸

На этом же заседании поднималась проблема контрибуций. По этому вопросу также выступал Г.И. Петровский. Совнарком постановил: НКФ - ускорить разработку подоходных налогов, а комиссии из представителей комиссариатов: Иностранных дел, Финансов, Контроля, Внутренних Дел, ВСНХ и т. Кобозева разработать в «ближайшие дни» систему единовременных налогов в «наиболее практической форме».⁹⁹

Таким образом, Совнарком не запретил контрибуции, чего добивался НКФ, а наоборот поставил задачу разработать их систему для местных советов. В ответ на это 7 июня 3 члена коллегии Наркомфина, «увидав из сообщения т. Гуковского о состоявшемся постановлении СНК, санкционирующем контрибуции» местных советов, заявили о полной солидарности с наркомом финансов в данном вопросе «в смысле губительности местных контрибуций с точки зрения общего финансового хозяйства». Они уполномочили Гуковского довести до сведения Совнаркома свое заявление.¹⁰⁰

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 132. Л. 2-4.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 671. Л. 78: Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 401 -402.

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 132. Л. 4.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2759. Л. 7.

Таким образом, Наркомфин пытался отстоять свою самостоятельную линию, выступая против контрибуций. Однако это не помогло. Тем более, что к лету 1918г. положение в стране меняется. Начало полномасштабной гражданской войны повлекло за собой и изменение экономического курса. Республика начала постепенно втягиваться в хозяйственную систему «военного коммунизма». Это не могло не сказаться на финансах.

К лету 1918г. стало ясно, что попытка наладить хозяйство страны с опорой на экономические рычаги потерпела неудачу. Перестал соблюдаться декрет о свободном товарообмене с деревней, так как государство не располагало достаточными товарообменными фондами, и отсутствовал соответствующий торговый аппарат. К тому же расстройство транспорта и сепаратизм местных органов расстраивали все дело. Проведение свободного товарообмена с деревней по твердым ценам не смогло обеспечить города сельхозпродуктами. В условиях голода рыночный обмен сельскохозяйственной продукции на промышленные товары давал значительные преимущества деревне. Цены на товары промышленности на рынке, несмотря на их рост, оказались ниже, чем на сельхозпродукты.¹⁰¹ Сокращение товарооборота в целом привело к тому, что крестьянство, не будучи в состоянии реализовать на городском рынке свою свободную продукцию и получить за нее промтовары, увеличило собственное потребление.¹⁰² Н.Э. Гуковский на I съезде СНХ отмечал: «Теперь же ... когда мы насильственным образом не можем получать хлеб, то крестьяне нам его не дают». Крестьяне едят сейчас лучше, «и гораздо большие, чем они ели до войны, и гораздо большие, чем мы едим теперь в городе».¹⁰³

Вследствие этих трудностей продовольственное положение городов становится катастрофическим. СНК вынужден был дать Наркомпроду чрезвычайные полномочия в борьбе за хлеб (декрет 13 мая 1918 г.).¹⁰⁴ В период с мая по август 1918 г. появляются продотряды, в задачу которых входило, прежде всего, заставить крестьянство отдавать хлеб по твердым ценам. Принципы декрета от 26 марта перестали соблюдаться.

¹⁰¹ См.: Атлас З.В. Указ. соч. С. 36.

¹⁰² См.: Преображенский Ф.А. Теория падающей валюты. М. Л.. 1930. С. 118.

¹⁰³ Труды 1 съезда СНХ. М., 1918. С. 141.

¹⁰⁴ См.: Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 264-266.

К лету 1918 г. Советская республика лишилась хлебных районов Украины, Крыма, а затем и Сибири. 22 июля появляется декрет о борьбе со спекуляцией. 3 августа 1918 г. издается декрет о привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций, регламентирующий деятельность продотрядов, 28 июня была национализирована вся крупная промышленность, а 21 ноября введена государственная монополия торговли.¹⁰⁵

Основным действующим лицом на внутреннем рынке России с мировой войны было крестьянство, которое, пользуясь исключительно благоприятной конъюнктурой цен на сельскохозяйственные продукты, усиленно накапливало деньги в порядке непосредственно го хранения кредитных билетов не только до 1917, но и в 1918 и даже, отчасти, еще в 1919 г.¹⁰⁶ Таким образом, часть накапливаемых в бумажно-денежной форме средств никогда не поступала в кредитные учреждения, а хранилась в домашних «банках» населения.¹⁰⁷ В этом процессе немаловажную роль играла крестьянская психология. Крестьянство и большинство населения в целом запаздывало реагировать на те процессы, которые происходили в финансовом хозяйстве страны. Несмотря на начавшееся падение валюты, в массах было полное доверие к ней.¹⁰⁸ «Не половина, а вероятно 2/3, если не 3/4 всех денежных знаков находились в 1918 г. в связанном состоянии в бутылках и иных «земляных банках» деревни. Деревня торговала, не покупая, город покупал, не продавая, или, вернее, продавал деньги за товар».¹⁰⁹ Такое положение на рынке потребовало резкого увеличения денежной массы, обслуживавшей торговый оборот города с деревней. Это еще больше подстегивало денежный голод.

После Октября многие места неоднократно лишались связи с центром как общественно-экономических, так и материально-транспортных. Но разрыв связей с источником денежных знаков не упразднился.¹¹⁰ См.: там же. Т. 3. М., 1964. С. 78-80, 142-143; Т. 2. М., 1959. С. 498-503; Т. 4. М., 1968. С. 41¹⁶.

**** См.: Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917-1927). М., 1928. С. 29.

¹⁰⁷ См.: Преображенский Е.А. Причины падения курса нашего рубля. М., 1922. С. 43.

¹⁰⁸ См.: его же. Теория падающей валюты. М., Л., 1930. С. 40.

¹⁰⁹ См.: его же. Причины падения курса нашего рубля. М., 1922. С. 43.

дняет потребности в них. «Рынок берет денежные знаки, без различия их происхождения, ибо он в них нуждается. Так был создан тот канал, через который небывалым потоком хлынули в оборот денежные суррогаты».¹¹⁰

Под воздействием мировой войны и последующих внутренних потрясений резко меняется конъюнктура внутреннего рынка. Снизился, а затем и прекратился спрос на второстепенные предметы первой необходимости и возрос спрос на продукты питания. Одновременно изменилось пропорциональное соотношение между теми продуктами питания, на которые спрос сохранился. Происходит медленное уменьшение в «пайке» населения хлеба, очень быстрое мяса, жиров, сахара и увеличение потребления круп и картофеля. Но наименее «эластичными» продуктами, т.е. теми, потребление которых «скакало» и на которые «скакали» цены, становятся хлеб и соль. Эти предметы становятся главнейшими на рынках России.¹¹¹

Обыватель выбрасывал на рынок предметы личного потребления, а также накопленные им до революции ценности. Мелкая кустарная промышленность снабжала базары своей продукцией. Важным источником пополнения товаров становится к весне 1918г. натуральное премирование рабочих. Кроме всего этого рынок активно снабжается путем хищения с государственных складов.

Уже весной 1918 большевики увидели опасность в выплате рабочим зарплаты натурой, что превращало их в «кусочников», передающих государственные товары нелегальному рынку. Кроме того, их волновало «колossalное расхищение товаров легальными и нелегальными путями» со складов.¹¹² Вопрос о хищениях поднимался даже на Совнаркоме. Нарком по продовольствию в своем выступлении в СНК 22 июня 1918 г. отмечал, что когда склады были забиты тканями, а рабочие месяцами не получали зарплаты, началась стихийная, ничем не регулированная продажа тканей фабрично-заводскими комитетами. «Продажа всякому, кто дает столь желанные денежные знаки».¹¹³

¹¹⁰ Вайсберг Р.Е. Деньги и цены (подпольный рынок в период «военного коммунизма»). М. 1925. С. 18.

¹¹¹ См.: там же. С. 45, 47⁸.

¹¹² См.: Труды 1 съезда СНХ. М., 1918. С. 433-434.

¹¹³ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 145. Л. 60.

С другой стороны продукцию сельского хозяйства поставляли в города «мешочники». Мешочничество существовало еще в 1917 г., но широчайшее распространение это явление получило в 1918 г.⁴ Несмотря на официальную доктрину большевиков - борьбу с рыночными отношениями, рынок процветал. Большинство населения было тесно с ним связано. «Мелкая нелегальная торговля продовольствием, - «мешочничество», - получила столь широкое распространение, что в торговле никогда не участвовала активно такая значительная часть населения, как в те годы».⁵ Выделяют два вида мешочников: мешочники - потребители, которые покупали продукты для себя и своей семьи, и мешочники - спекулянты, покупавшие продукты для перепродажи в целях наживы. Но грань между ними была очень эфемерна, и происходило фактическое слияние этих двух видов.⁶

Торговля стала перерождаться в спекуляцию. Это происходит при падении бумажной валюты и остром товарном голоде. Спекуляция отличается от торговли лихорадочно быстрым оборотом денег и замедленным темпом оборота товаров. Спекулянт делается продавцом и покупателем решительно всего. Для такой формы «торговли» характерно наживание огромной прибыли и массового банкротства, возможность формирования крупных капиталов в короткий срок и почти неизбежное их исчезновение, если они не переводятся в твердые ценности.⁷

Изменение экономической политики летом 1918 г. оказало огромное влияние на рынок. Национализация промышленности вычеркнула из товарооборота все ее ресурсы, кроме ремесленной. Начало продразверстки привело к тому, что часть продукции деревни, которая шла на рынок, стала распределяться плановым образом. Городская торговля почти прекратилась, ускорился оборот денег, накопление в деревне приостановилось. В результате падения курса рубля попшло уже гораздо быстрее эмиссии.¹¹⁸

¹¹⁴ См.: Атлас З.В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917-1925). М., 1940. С. 84.

¹¹⁵ Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 63.

¹¹⁶ См.: Атлас З.В. Указ. соч. С. 84.

¹¹⁷ См.: Преображенский Е.А. Теория падающей валюты. М., Л., 1930. С. 69. 71-73.

¹¹⁸ См.: там же. С. 117-118.

Сокращение емкости рынка, превращение его из «легального» в «нелегальный», привело к резкому увеличению цен и потребовало еще большего количества денежных знаков для его обслуживания.¹²⁰

С началом гражданской войны произошло окончательное разрушение единого национального рынка. Выделились местные, областные, губернские, уездные рынки со своими специфическими чертами и особыми факторами образования цен.¹²¹

Мешочничество отрицательно отражалось на выполнении планов централизованных заготовок и подрывало государственную систему продовольственного снабжения страны. 4 наркомата (Наркомвенимор, Наркомпрод, Наркомпутъ и ВСНХ) летом 1918 г. развернули борьбу с мешочничеством. В телеграмме, посланной всем совдепам и губпродкомам, предлагалось применять самые энергичные меры для борьбы с этим явлением. Но это не помогло, мешочничество продолжало развиваться.

Мешочники спекулировали, используя разницу в ценах на различных рынках, а ликвидация стационарной частной торговли исключала возможность прямого экономического регулирования цен.¹²²

На различные рынки случайные явления оказывали более сильное влияние, чем в обычных условиях. Например, в одном городе местные власти больше нажимали на подпольных торговцев, а рядом - меньше. Это на какое-то время вызывало резкое расхождение в ценах. Влияние оказывало состояние транспорта, количество полученных данной местностью денег, временное прохождение фронтовой или прифронтовой полосы и т.д.¹²³ Частный рынок находился под активным воздействием продовольственной политики государства. На цены подчас оказывали влияние не эмиссия, а те или иные декреты Советской власти или действия местных советских органов: мероприятия в области транспорта и связи, разрешение или запрещение провоза продуктов по железным дорогам частными лицами, регулирование приема почтой продовольственных посылок и т.п.¹²³

¹²⁰ См.: его же. Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры. М., 1920. С. 43.

¹²¹ См.: Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 13.

¹²² См.: Лглас З.В. Указ. соч. С. 83 - 84, 87.

¹²³ См.: Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 36 - 37.

¹²³ См.: Атлас З.В. Указ. соч. С. 86.

Летнее наступление на мешочников 4-х наркоматов потерпело поражение. «Спекулянты» оказались гораздо изобретательней государственных органов. Вместе с тем накормить столицы новая власть не смогла. Положение с продовольствием было катастрофическим. 24 августа Моссовет, а 5 сентября Петросовет разрешили ввоз 1,5 пудов хлеба рабочими и остальными трудящимися в эти города. «Полугорапудники» закупили и ввезли в столицы свыше 4,5 млн пудов хлеба, что вдвое превышало назначенный план завоза хлеба, выполненный фактически меньше, чем наполовину.¹²⁴ Впоследствии Совнарком отменил это постановление Моссовета и Петросовета, но это отнюдь не означало исчезновение мешочничества. В.И. Ленин признавал, что «половину хлеба городам дает Компрод, другую половину — мешочники».¹²⁵

Таким образом, борьба с рынком вылилась в «сражение» со «спекулянтами». Но рынок проявил исключительную живучесть и нашел возможность приспособиться и существовать в период военно-коммунистической системы. Правительство и местные органы периодически бросались в атаку на него и бесславно отступали, ухудшая положение населения или у себя в регионе, или по стране в целом.

Неприязнь большевиков к толкучке объясняется не только их установкой на построение нового безрыночного общества, но и тем, что она мешала проведению экономических и финансовых мероприятий. Рынок непрерывно обрушивал рубль, и новая власть не могла определить темпы обесценения денег. Это приводило к росту номиналов купюр. Но когда НКФ, вопреки требованиям рыночного оборота, пытался повышать номинал быстрее, чем происходило их обесценение на рынке, последний не принимал эти купюры. Денежный голод приобретал форму «разменного кризиса». Если же НКФ длительно сохранял прежний номинал, то происходило засорение оборота мелкими купюрами. В этом случае расплачивались «мешками» денег.¹²⁶

Мешочничество тормозило проведение военно-коммунистических мероприятий и продразверстки, и, по мнению большевиков, разворачивающее действовал на крестьянство и рабочий класс.¹²⁷ К этому

¹²⁴ См.: там же. С. 84.

¹²⁵ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 39. С. 275-276.

¹²⁶ См.: Атлас З.В. Указ. соч. С. 60-61.

¹²⁷ См.: там же. С. 94.

добавилось то, что уже весной 1918 г. наблюдались факты отказа населения от приема бумажных денег при торговых сделках на рынке и переход к безденежному товарообмену.¹²⁸

Но связь между регионами не прекращалась и потребность в кредитках не отпадала. Это явилось одной из причин появления «лучших» и «худших» денег и появления «лажа». В немалой степени более высокая «ценность» «керенок» и «царских» купюр объясняется их хождением по всей России независимо от режима на данной территории.

Таким образом, рынок подрывал финансово-экономическую политику Советской власти и вызывал приступы ненависти последней. Но с другой стороны, большевики сами не могли обходиться без толкучки. Не будь этого, Советское правительство не могло бы получать доходов от денежной эмиссии. Снабжение государственных учреждений и предприятий также происходило не без участия вольного рынка.¹²⁹ Население пополняло на толкучках свой скучный «классовый паек», появившийся в августе - сентябре 1918 г., что позволило ему продержаться до конца гражданской войны.

Отношение большевиков к рынку было своеобразным. Они то «отпускали вожжи», то вновь набрасывались на базары и базарчики, арестовывая и разгоняя торговцев.

К концу 1918 г. сложилось деление продуктов на нормированные и ненормированные. Первые заготавливались Наркомпродом (декрет 21 ноября 1918 г.). Закупка их на рынках, провоз на транспорте и отправка по почте строго регламентировались. Причем «условия» их реализации не раз менялись, и торговля такими продуктами постоянно находилась под угрозой тех или иных запретов и преследовалась. Она велась недогально с рук и «из-под полы». Торговля ненормированными продуктами в период военного коммунизма не отменялась никогда и в отношении их рынок нельзя считать «подпольным».¹³⁰

Понятие нормированные и ненормированные продукты часто менялось и не имело четких определений. Этим пользовались и мешочки и большевики. Когда надо, новые власти закрывали глаза на рынок, но в любой момент могли обрушиться на него с очередным

¹²⁸ См.: Атлас З.В. Указ. соч. С. 88; Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 120.

¹²⁹ См.: Юровский Л.Н. Указ. соч. С. 63-64.

¹³⁰ См.: Атлас З.В. Указ. соч. С. 81-82.

наступлением, придушить, прижать, загнать в подполье, но не убить. Олицетворением бессилия большевиков становится знаменитая «Сухаревка», мозолившая глаза правительству в Москве, не раз разгоняется, но вновь возрождавшаяся как «Феникс из пепла».

Говоря об изучении влияния рынка на финансы России нельзя не согласиться с выводами Р.Е. Вайсберга: «В период «военного коммунизма» фактически не было единого национального рынка; его заменили отдельные районные рынки, резко отличающиеся друг от друга, под влиянием самых разнообразных сочетаний местных условий с общими условиями всей страны». ¹³¹

Рынок оказывал громадное влияние на финансовое хозяйство страны. Благодаря его воздействию, а точнее развалу, происходил подрыв денежного обращения, появлялся лаж на различные купюры, рождались свои закрытые «финансовые системы», где приоритет отдавался тем или иным образцам дензнаков, а иногда и заменителям денег в виде различных товаров, например соль, хлеб и др.

В условиях разгоравшейся гражданской войны необходима была максимальная концентрация усилий для победы над противником. Все экономические ресурсы республики надо было собрать в единый кулак, в том числе и финансовые. Но положение в этой области к тому времени уже настолько расшаталось, что управление этой отраслью хозяйства представляло большие затруднения. НКФ выпустил «вожжи» из своих рук и в финансовую область вмешивались все кому не лень: от различных комиссариатов, до местных органов советской власти. Неразбериха царила полная. Это вынудило поднять вопрос «об объединении финансовой политики» на заседании Совнаркома 26 июня 1918 г. Докладчиком от НКФ выступил С.М. Закс.

Он утверждал, что разработка и проведение в жизнь мероприятий финансового характера разбросаны по различным учреждениям. Главнейшими из них, помимо НКФ, являлись Комиссариаты Торговли, Промышленности, НКВД и ВСНХ. Нередко 2 различных учреждения разрабатывали мероприятия в одной и той же области, противоречие друг другу, и, наоборот, бывало, когда важные вопросы не обсуждались ни в одном из заинтересованных учреждений. Поэтому

¹³¹ Вайсберг Р.Е. Указ. соч. С. 127.

Закс предлагал все проекты перед внесением в Совнарком рассматривать в одном ведомстве — коллегии НКФ. Он считал, что благодаря введению такого порядка можно устраниć неизбежные при разработке одних и тех же вопросов различными учреждениями противоречия. Благодаря такому объединению финансовой политики Советской власти, она будет проводиться более планомерно. Удастся, наконец, избежать путаницы в бюджетной области, когда очень дорого стоявшие меры проводились путем простого приказа того или иного ведомства или учреждения, а также положения, когдаспешно принятый декрет влек за собой огромные расходы.

По проекту декрета «Об объединении финансового дела», предложенному Заксом, коллегия НКФ получала очень широкие полномочия. Но Совнарком решил отложить, правда, подтвердив, что ни одно постановление финансового свойства не может обсуждаться в СНК без предварительного заключения от коллегии НКФ.¹³²

Таким образом, попытка Наркомфина повысить свою значимость в экономической системе республики ничем не закончилась. Наркомат не получил более широких полномочий, чего добивался СМ. Закс. Влияние его на экономику РСФСР продолжало падать. Начинания НКФ не находили поддержки в правительстве. Это, скорее всего, объясняется недоверием в советском руководстве к той политике, которую проводил наркомат и его руководитель И.Э. Гуковский. Корни недоверия уходили в ту независимую позицию, которую занимал нарком в видении будущего денежного хозяйства, и выхода из финансового кризиса. После съездов СНХ и финотделов советов, где НКФ подвергся критике как «сверху», так и «снизу», где выявились острые разногласия в самом наркомате, отношение к Наркомфину стало еще более настороженным.

Под давлением критики И.Э. Гуковский стал пересматривать свои взгляды. Прежде всего, это относится к банковской системе. На заседании коллегии НКФ 9 июля И.Э. Гуковский внес предложение о порядке открытия новых учреждений. После чего в СНК был отправлен проект декрета по которому ни одно кредитное учреждение не могло открывать своих действий, не будучи утвержденным НКФ или

¹³² РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 147. Л. 7. 41.42.

уполномоченным на это органом.¹³³ Вскоре после этого документ был принят правительством. Это положило предел развитию частного, якобы кооперативного банковского строительства.¹³⁴

Нарком продолжал отстаивать линию на упорядочение финансового дела. Причем здесь он осмеливался давать указания даже СНК. Так, 16 июля за подписью И.Э. Гуковского управляющему делами Совнаркома был направлен документ, где говорилось, что в постановлении СНК об ассигновании ведомствам сверхсметных кредитов во многих случаях совсем не обозначаются источники, за счет которых подлежат отпуску разрешаемые ассигнования, а делается лишь общее указание. Нарком просил принять меры к тому, чтобы в постановлениях Совнаркома о сверхсметных ассигнованиях содержались точные указания на соответствующий источник из кредитов и фондов, за счет которого подлежит покрытию разрешаемый расход. На документе есть интересная приписка: «Ленину к сведению».¹³⁵ Таким образом, Гуковский наносил «укол» и вождю революции, намекая на то, что именно правительство более всего раздаривало ничем не подкрепленные кредиты.

Но И.Э. Гуковский так и не смог до конца перестроить свои взгляды. Это сказалось, прежде всего, на его позиции по поводу проведения денежной реформы.

Важнейшей задачей для большевиков был подрыв финансовой монополии буржуазии. Они прекрасно понимали, что, несмотря на конфискацию заводов и фабрик, национализацию банков и т.д. в распоряжении капиталистов оставались еще достаточные денежные средства, хранящиеся в наличной валюте. Кроме того, становилось очевидным, что крестьянство активно аккумулирует деньги в своих «кубышках», пользуясь неравноправным обменом с городом сельхозпродукцией. Денежные знаки утекали в деревню, откуда не возвращались. Это подстерегало денежный голод, а в политическом плане грозило рассстроить планы большевиков на строительство равноправного общества. Необходимо было срочно решать проблему, которая порождала множество «гордиевых узлов» как в политике, так и в экономике.

¹³³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

¹³⁴ См.: Труды съезда завфинотделами. Пленарные заседания. М., 1919. С. 16.

¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2759. Л. 23.

В.И. Ленин еще в конце 1917 г. выдвинул идею денежной реформы. В наброске программы экономических мероприятий в декабре 1917 г., он писал о замене денежных знаков.¹³⁶ Эту свою идею Ленин горячо отстаивал на протяжении всего 1918г. Наиболее ярко он ее высказал на съезде финотделов в мае 1918 г. Можно определить целый ряд задач, которые, по мнению Ленина, решила бы денежная реформа. Путем замены денежных знаков на новые предполагалось уничтожить финансовое могущество буржуазии и соблюсти интересы трудящихся. Это и было первой и основной задачей реформы. Затем, становилось возможным ликвидировать все денежные знаки дореволюционных образцов, а также денежные суррогаты, наводнившие страну, и восстановить единую финансовую систему республики. И, наконец, третья задача - дать в руки государства дополнительные ресурсы, не затрагивая интересы трудящихся, т.к. новые деньги следовало хранить в банках и получать по установленным потребительским нормам.¹³⁷

Подготовка к проведению денежной реформы началась уже с конца 1917 г. В это время управляющему Экспедицией заготовления государственных бумаг было отправлено распоряжение, где говорилось, что ввиду экстренной необходимости в ближайшее время увеличить производительность Экспедиции до возможно больших размеров. Принимая во внимание вероятность выпуска денежных знаков нового образца Наркомфин поручает ему образовать специальную комиссию для технического обследования экспедиции.¹³⁸

1 февраля (20 января) 1918 г. управляющий Экспедицией отправил секретарю СНК Н.П. Горбунову контурные, вполне законченные рисунки кредитных билетов нового образца 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 рублевого достоинства. Стереотипы для их печатания были уже изготовлены и разрабатывалась комбинированная расцветка основная и защитная.¹³⁹

11 февраля (30 января) 1918 г. в «Известиях» Совета рабочих и солдатских депутатов было напечатано объявление о приспособлении

¹³⁶ См.: Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 124.

¹³⁷ См.: Ривкин Б. Указ. соч. С. 155 - 158.

¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2766. Л. 6.

¹³⁹ Там же. Л. 16.

части типографий для печатания кредиток. На это предложение откликнулась Государственная типография (бывшая Теодор Киббел).¹⁴⁰

В Пензе в начале 1918 г. была организована еще одна экспедиция, которая и должна была печатать денежные знаки образца 1918 г. для проведения обмена. Причем деньги, предназначенные для реформы, решено было не пускать в обращение, а накапливать. Разрабатывалась и техническая сторона реформы.¹⁴¹

Вопрос о методах проведения обмена денег активно обсуждался весной-летом 1918 г. На имя Ленина поступали документы, где подробно описывался процесс замены старых купюр на новые. Предлагалось, в частности, выпускаемые новые денежные знаки разослать на места и лишь после получения их всеми отделениями Нарбанка опубликовать в печати постановление об уничтожении старых денежных знаков и обязательном обмене их на новые в течение 6-ти месяцев. По истечении этого срока все прежние остававшиеся на руках купюры теряли свою ценность. При обмене предлагалось выдавать наличными в одни руки не более 2000 руб., а сверх этой суммы заносить на текущий счет и декларировать неприкосновенность вкладов.¹⁴²

В мае 1918 г. на I съезде СНХ была создана комиссия по разработке технических вопросов денежной реформы. Она составила проект декрета об обмене кредитных билетов старых образцов от 1 до 1000 руб. на новые образца 1918 г. Предлагалось приступить к проведению реформы с начала осени 1918 г.¹⁴³

Пензенская экспедиция находилась под постоянным контролем Совнаркома. Уже при организации этого отделения 22 февраля 1918 г. было выдано удостоверение за подписью Ленина и Троцкого, где Экспедиции Совнарком предоставлял широкое право конфискации, реквизиции всего необходимого для устройства ее в городах Самаре, Саратове и Пензе.¹⁴⁴

Работа Пензенской экспедиции была сопряжена с рядом трудностей. Заведующий ЭЗГБ М.К. Лемке требовал точных указаний по

¹⁴⁰ Там же. Л. 32.

¹⁴¹ См.: Ривкин Б. Указ. соч. С. 162.

¹⁴² РГАСПИ. Ф. 5.Оп. 1. Д. 2767. Л. 5.

¹⁴³ См.: Гусаков Д. Планирование денежного обращения в СССР. Очерки теории, истории и организации. М., 1974. С. 17.

¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 230. Л. 118.

производству новых купюр: размеры, цвет, рисунок, текст и т.д., но довольно долго не получал необходимых ясных заданий по этому поводу, а взять на себя их определение не решался, «совершенно не зная желания правительства». Единственное, что он предложил так это оставить на новых денежных знаках на 2-х купюрах высокого достоинства гравюры Петра и Екатерины, «являющиеся шедеврами гравюр-миниатюр и представляющие одну из совершеннейших защит». М.К. Лемке считал, что денежные знаки с этими гравюрами заслужили огромную популярность как в России, так и за границей. Луначарский поддержал эту идею, но Ленин высказался против сохранения портретов.¹⁴⁵ При переезде правительства из Петербурга выяснилось, что существуют новые образцы денег, заготовленные еще Керенским, именно на случай эвакуации из северной столицы. Они были отправлены в Пензу и легли в основу новых кредитных билетов.¹⁴⁶

Вождь большевиков настойчиво проводил свою идею о денежной реформе. Так 17 мая в одной из своих записок он упоминает об обмене денег.¹⁴⁷ 10 июня 1918 г. была направлена телефонограмма И.Э. Гуковскому от «Председателя СНК» с просьбой ускорить выработку заданий на новые советские денежные знаки и в «ближайшем заседании» представить на утверждение Совнаркома.¹⁴⁸ Но наблюдается довольно странное положение. Несмотря на настойчивые требования вождя, дело печатания кредиток тормозилось в самом НКФ. Уже в июле 1918 г. Ленин обращает внимание на то, что Наркомфин все еще не подготовил образец, рисунок и текст советских денежных знаков и требует немедленно дать образцы.¹⁴⁹

После такого подхлестывания на заседании коллегии НКФ 12 июля с докладом о выработке текста и надписи на новых кредитных билетах выступал И.Э. Гуковский. Но было принято решение отложить этот вопрос до следующего заседания, «когда будет представлен более серьезный материал».¹⁵⁰

¹⁴⁵ Там же. Л. 97. 126. 98А.

¹⁴⁶ См.: Боголепов Д.П. Деньги Советской России. Л., 1924. С. 21.

¹⁴⁷ См.: Ленинский сборник XXI. М., Л., 1933. С. 175.

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 230. Л. 98Б.

¹⁴⁹ См.: Ленинский сборник XXXV. М., Л., 1945. С. 31 - 32.

¹⁵⁰ ГГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.

Во второй половине августа В.И. Ленин снова интересуется, дан ли, наконец, предварительный текст новых денег. В записке Ю. Ларину он указывает на нетерпимость мешкать с текстом новых образцов денежных знаков и советует дать мелкие надписи на обороте на 20-30 языках.¹⁵¹

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что к активному печатанию денежных знаков образца 1918г. приступили только с конца августа — начала сентября 1918г. Причем не столько по причинам технического порядка. Пензенская экспедиция в июле 1918 г. вырабатывала по 95 миллионов рублей различных образцов денег в день.¹⁵² В середине августа ушел со своего поста И.Э. Гуковский. Именно он, по словам Ленина, «упирался» в подготовке реформы.¹⁵³

В 1918 г. обмен денег так и не был произведен. Правда, Ленин не отказался от своей идеи. Но в период гражданской войны осуществление реформы практически стало невозможным. Денежные знаки образца 1918 г. были пущены в оборот весной 1919 г.

Другой задачей, не разрешенной при И.Э. Гуковском и послужившей поводом к его отставке, стало финансирование местных органов власти. Весной 1918 г. стало окончательно ясно, что контрибуции практически исчерпали свои возможности, а советам необходимо было дать надежный источник денежных поступлений. Проблема получения средств и произведения расходов вызвала острые столкновения в центре, прежде всего между НКФ и НКВД. На заседании 16 мая проект декрета о налоговых правах советов, представленный НКФ, СНК постановил отложить, вследствие того, что НКВД разработал по тому же предмету контрпроект.¹⁵⁴

21 мая 1918 на межведомственном совещании при НКВД был принят проект декрета «О средствах местных Совдепов». Для удовлетворения нужд советов предоставлялись кредиты, как по смете НКВД, так и других ведомств. Предусматривалась надбавка к государственному подоходному налогу не свыше 16-20 %. В проекте особо оговаривался запрет на введение местными советами новых налогов

¹⁵¹ См.: Ленинский сборник XXI. М., Л., 1933. С. 179-180.

¹⁵² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 230. Л. 114, 116.

¹⁵³ См.: Ленинский сборник XXXVI. М.. 1959. С. 39.

¹⁵⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 214. Л. 151.

и надбавок к разрешенным сборам сверх установленной нормы, а также контрибуций.¹⁵⁵

Но вскоре после съездов СНХ и финотделов НКВД отошел от этого умеренного подхода к проблеме изыскания средств на местные нужды. 14 июня комиссия НКВД представила новый проект декрета, при обсуждении которого на межведомственном совещании из представителей НКВД, НКФ, НКИД и Госконтроля 20 июня возникли острые разногласия. Представитель Наркомфина находил, что надбавка для местных советов в 100 % к подоходному налогу слишком велика, а единовременный налог, т.е. контрибуция, должен быть мерой исключительной, применяемой в редких случаях, разрешение на его применение должно согласовываться не только с НКВД, но и с НКФ и с Государственным контролем. Аресты за невнесение налогов вообще недопустимы, а штраф в размере, равном налогу, слишком велик.¹⁵⁶

22 июля 1918 г. на заседании СНК Смирновым был представлен проект декрета НКВД о правах и обязанностях Совдепов по взиманию налогов с местного населения. Но разногласия по этому вопросу привели к тому, что Совнарком назначил специальную комиссию из Ландера, Гуковского и Смирнова для согласования существующих проектов. Решено было просить ЦИК делегировать туда же Н.Н. Евреинова, который возглавлял комиссию по разработке подобного же декрета Первого съезда представителей финансовых отделов местных советов.¹⁵⁷

26 июля Н.Э. Гуковский разослал по ведомствам свой проект декрета о денежных средствах и расходах местных советов. Он разделил денежные средства совдепов на удовлетворение общегосударственных потребностей и нужд местного хозяйства. Расходы на общегосударственные потребности, по предложению Гуковского, должны производиться исключительно за счет средств Государственного казначейства по смете НКВД и тех ведомств, местные учреждения которых перешли в ведение советов. Все кредиты расходуются исключительно по прямому назначению и не могут бытьпущены на какие-либо иные потребности. Бескредитные расходы не допускаются.

¹⁵⁵ Там же. Д. 40. Л. 54.

¹⁵⁶ Там же. Л. 57.

¹⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 162. Л. 3.

Расходы на удовлетворение нужд местного хозяйства, по Гуковскому, производятся за счет всех прежних источников доходов земского и городского управлений, в том числе земских налогов и сборов. Уездные и городские советы обязаны представлять свои годовые сметы расходов и доходов в Губернские советы, а те в двух недельный срок в НКВД со своим заключением. Наркомат внутренних дел по согласованию с НКФ и Госконтролем могут вносить свои замечания, после чего сметы исправляются.

В случае необходимости Гуковский разрешал в строго определенной пропорции повышать существующие налоги. Кроме этого советам предоставлялось право ввести сборы: 1) всеобщая прямая по-дать, 2) налог с жилых домов, 3) сбор за скот. Распределение сумм налогов и сборов на местное хозяйство производится Губсоветом. Если же доходов для сбалансирования смет не хватает, то местные советы должны обращаться в НКВД за подкреплениями. Предусмотрел Гуковский и наказания за неуплату налогов. На неплательщиков должна была начисляться пеня не свыше 12 % годовых.

Вместе с тем нарком установил жесткие ограничения: «Никаких, кроме указанных выше налогов и сборов, самостоятельных или в виде надбавок к существующим, а равно контрибуций или иных взысканий, Советы не устанавливают». Гуковский настаивал на том, чтобы все плательщики облагались равномерно, какое-либо обложение отдельных лиц или групп лиц на особых основаниях не допускалось. Аресты налогоплательщиков и конфискация их имущества также запрещались.¹⁵⁸

Еще более ярко свою программу в области субсидирования местных властей И.Э. Гуковский изложил в объяснительной записке к проекту своего декрета. Нарком пишет, что порядок расходования средств нарушен. Суммы, ассигнуемые по сметам на общегосударственные надобности, расходуются не по прямому назначению. Источники государственных и местных доходов перемешиваются. В результате нередко денежные средства советов расходуются так беспорядочно, что не только для правительства, но и для самих совдепов утрачивается возможность разобраться в этом. Получение денежных

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 40. Л. 66–71.

средств и производство расходов местными властями носят случайный, бессистемный характер. Поэтому принимаются спешные меры: контрибуции, единовременные налоги и т.п., часто совершенно несобразные с финансовым и экономическим положением в губернии. Вследствие этого, по мнению Гуковского, невозможно определить на поступление каких доходов из той или иной местности может рассчитывать Государственное казначейство, и поэтому невозможно планомерно организовать общегосударственные и местные финансы.

На основании всего этого наркомфин делал вывод, что «... является неотложной необходимостью упорядочить денежные средства и расходы местных советов...». Гуковский призывает разграничить средства, предназначенные на общегосударственные потребности, от средств на нужды чисто местного хозяйства.

Общегосударственные потребности должны обслуживаться на местах в строгих рамках, устанавливаемых только центральным правительством. На нем же лежит и забота о доставлении средств на удовлетворение этих потребностей. Гуковский утверждал, что если этим будут заниматься советы, то каждый из них мог бы создать свой особый строй местных административных учреждений. Если они будут изыскивать средства на общегосударственные нужды сами, то в богатых деньгами губерниях эти потребности могут быть удовлетворены чрезмерно, а в бедных - в слишком малом масштабе. Поэтому средства должны поступать только из Государственного казначейства для каждой губернии по сметам тех ведомств, местные учреждения которых перешли в ведение совдепов. Они должны расходоваться только по прямому назначению, при нехватке испрашивать подкрепления в соответствующих Народных комиссариатах.¹⁵⁴

Задачу упорядочения получения и расходования средств на местное хозяйство Гуковский считал более сложной. Во-первых, это хозяйство, особенно в Великороссии, где 50 лет существовало местное самоуправление, разветвилось в целую массу обширных отраслей. Во-вторых, использование денежных средств земств и особенно городов достигло крайнего напряжения и заставило изыскивать новые источники. Это привело к обращениям за кредитами к государ-

¹⁵⁴ Там же. Л. 72-75.

ству и частнику, а как следствие этого, запутало местное финансовое хозяйство и истощило доходные источники. Попытки выйти из этого хаоса путем единовременных сборов, контрибуций, принудительных займов и тому подобное подрывают возможность правильного поступления государственных доходов, а в расходование средств на местах вносят элемент случайности. Такие, производимые по инициативе советов, взыскания достигают нередко крупных размеров, превышая иногда годовую доходную смету крупного города и целой губернии. Подобные меры разрушают правильность ведения местного финансового хозяйства, грозя расстройством и государственным финансам.¹⁶⁰

На основании этих аргументов Гуковский делает вывод о необходимости изъятия из рук советов установления всякого рода исключительных способов изыскания денежных средств. Такие меры должны быть реализованы немедленно до принятия Советской Конституции. Они будут носить характер временных и основываться на возможно полном использовании всех прежних доходов земских и городских управлений. НКВД, НКФ и Государственный Контроль должны рассматривать расходные сметы советов, а в случае надобности вносить в них изменения.

Гуковский понимал, что одних прежних доходов недостаточно, поэтому предлагал увеличить процентные ставки обложения старых налогов и сборов. Нарком настаивал на недопустимости установления контрибуций или каких-либо взысканий. Взамен этого он предлагал ввести такие налоги, которые по простоте взимания и незначительности самого их размера были бы необременительны для населения (всеобщую прямую подать, налог с жилых домов, сбор за скот). Если все равно средств будет недостаточно, то для устранения дефицита советы должны ходатайствовать перед НКВД о пособии.

Гуковский настаивал на том, что национализация, муниципализация или социализация недвижимого имущества, торговых и промышленных предприятий могут проводиться только по распоряжению высшей власти.¹⁶¹

"" Там же. Л. 75-77.

"• Там же. Л. 77-86.

Параллельно с разработкой проектов декретов НКВД и НКФ этой проблемой занималась и специальная комиссия, избранная I съездом финотделов. По резолюции съезда ей были даны полномочия «в направлении широких преобразований всей системы финансов, как общегосударственных, так и местных».¹⁶²

Председателем комиссии избрали Н.Н. Евреинова, в ее состав вошли: М.И. Семенов, В.И. Кенин, Б.Н. Леонтьев, О.И. Коган, а также представители НКФ И.В. Шаповаленко, П.П. Карягин и др.¹⁶³

Но по мере своей работы комиссия сосредоточилась в основном на вопросах, касающихся местного обложения.¹⁶⁴ Однако, в ходе ее работы вставало ряд вопросов, касающихся финансовых реформ в РСФСР, которые поднимали преимущественно представители центральных ведомств: НКФ и Нарбанка.

Комиссия начала работу 6 июня 1918г. После обсуждения порядка рассмотрения вопросов были заслушаны выступления ряда представителей НКФ.

Д.П. Богословский сформулировал для комиссии основные положения финансовой политики: 1) реформирование местного финансового аппарата на началах централизации и сосредоточение управления им в советах; 2) приоритет косвенного обложения; 3) централизация доходов, корректируемых системой дотаций местным органам власти. По мнению НКФ контрибуции местных советов мешают развитию финансового дела, поэтому наркомат считает эту меру допустимой лишь в исключительных случаях.¹⁶⁵

В прениях наибольшую дискуссию вызвал вопрос о контрибуциях. Отмечалось, что СНК и НКФ отправляют на места противоречивые директивы по этому поводу. Большинство членов комиссии склонялись к тому, что в этом НКФ проводит неверную линию. По проблеме контрибуций сложилось единодушное мнение в признании за ними права на существование, но расхождения обозначились по вопросу о применении контрибуций. Часть комиссии высказывалась за то, что это мера карательная за преступления против революции к врагам

¹⁶² Материалы по вопросам финансовой реформы в РСФСР. М., 1918. С. 2.

¹⁶³* См.: там же. С. 1.

¹⁶⁴* См.: там же. С. 2.

¹⁶⁵ См.: там же. С. 35–36.

Советской власти. Другая часть утверждала, что контрибуцию надо называть «единовременным чрезвычайным революционным обложением» и взымать, когда необходимы средства на жизненные потребности Советской Республики и ее местных органов. В конечном итоге постановили признать контрибуцию в данный момент необходимой и применять ее в случае открытого контрреволюционного выступления, а также в качестве временной меры, как единовременный чрезвычайный налог, в случае невозможности покрыть местный бюджет действующими налогами.¹⁶⁶

В целом комиссия высказалась за большую централизацию аппарата и подчинение его НКФ, но в то же время члены ее посчитали невозможным существование местного бюджета без применения контрибуций, против чего резко возражал Наркомфин.

14 августа 1918 г. на заседании Совнаркома Н.Э. Гуковский выступал с проектом декрета о денежных средствах и расходах местных советов. Но его проект поддержки не получил. Наркому было поручено собрать комиссию из К.И. Ландера, Н.Н. Евреинова, Б.М. Эльцина, сдать в нее все предложенные проекты и на заседании 15 августа сообщить СНК, в какой наиболее короткий срок может быть представлен согласованный проект.¹⁶⁷

На заседании Совнаркома 16 августа 1918 г. И.Э. Гуковский был освобожден от обязанностей Наркома финансов, а на эту должность назначен Н.Н. Крестинский. В коллегию НКФ был введен С.Е. Чуцкаев.¹⁶⁸ И.Э. Гуковский освобождался от обязанностей Наркома финансов, «согласно прошения, по болезни», с оставлением его членом коллегии НКФ.¹⁶⁹

Отставка И.Э. Гуковского знаменует собой окончание целого периода в финансовой политике Советской власти. Своеобразный итог деятельности наркома подвел его преемник Н.Н. Крестинский на съезде финотделов в мае 1919 г. Он говорил, что Гуковский приступил к исполнению своих обязанностей, когда в финансах царил хаос не только в провинции, но и в центре, что влекло за собой отсутствие бюджета,

¹⁶⁶ См.: там же. С. 36, 49-50.

¹⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 180. Л. 2.

¹⁶⁸ Там же. Д. 182. Л. 2.

¹⁶⁹ Там же. Л. 15.

нерегулярность расходов, плюс к этому огромный дефицит, «который пугал тогдашних финансовых работников». Вследствие этого, главное внимание было обращено на упорядочение финансового дела. Опорой для такого упорядочения И.Э. Гуковский избрал центральные органы НКФ и их местные учреждения: казенные палаты, акцизные управление, податную инспекцию и т.д. В тот момент, при недостаточности связи центра с местами, этот «путь представлялся как путь наименьшего сопротивления, как путь наиболее легкий, но объективно этот путь себя не оправдал».¹⁷⁰

«Местные советы не могли и не имели права отказываться от вмешательства в деятельность старых финансовых органов». Они должны были посыпать комиссаров и следить за личным составом и деятельностью финансовых учреждений. В ответ на это последние на прямую сносились со старыми же центральными учреждениями, где получали указания, которые вызывали столкновения с провинциальными властями. НКФ в этих столкновениях зачастую вставал на сторону старых финансовых учреждений, а это уже порождало трения наркомата с местными советами.

К концу своей работы в качестве наркома Гуковский понял, что избранный им путь был неправилен. При разговоре с Крестинским, перед вступлением его в должность, Гуковский склонялся к необходимости стать на путь тесной связи с местными советами.¹⁷¹

Кроме этой главной ошибки руководителя Наркомфина можно выделить и еще ряд причин, приведших к отставке наркома. Гуковский так и не смог выработать четкую линию в проведении финансовой политики и проявлял колебания. Это приводило к разногласиям среди членов самого наркомата, а также к вмешательству в область деятельности НКФ других ведомств. Такое положение влекло за собой децентрализацию всего финансового дела в республике и еще больше отдаляло советы от наркомата.

Гуковский не смог дать местным органам надежного источника поступления средств, предлагая использовать для этого старые формы обложения. Но в условиях весны 1918 г. при развале финансового аппарата на местах и после «красногвардейской» атаки на капи-

¹⁷⁰ См.: Труды съездов завфинотделами. Пленарные заседания. М, 1919. С. 12.

¹⁷¹ См.: там же. С. 12-13.

тал осени 1917-зимы 1918 гг., старые источники поступлений быстро истощаются. Кроме этого, советы привыкли относительно просто решать свои финансовые проблемы за счет контрибуций. Но и эта форма получения средств к весне 1918 г. стала давать сбои. Буржуазия свою долю за проведение революции уже оплатила. У нее не осталось средств. Поэтому-то местные власти так были обеспокоены проблемой надежных источников поступлений. Однако, и от такой формы, как контрибуции, они не хотели отказываться. Гуковский же, не дав нового источника поступления доходов советам, всеми силами боролся с контрибуциями, справедливо считая их безусловным злом, чем вызывал раздражение, непонимание и критику НКФ со стороны местных властей. Эта проблема в конечном итоге послужила поводом к отставке строптивого наркома.

Колебания Гуковского более всего проявились в вопросе о строении будущей банковской системы республики. Нарком здесь не имел определенной позиции и первоначально, несомненно, склонялся к созданию нескольких банков, а не единого Нарбанка РСФСР. За это он подвергся жесткой критике и к концу наркомства предпринял попытку проводить политику в русле общепринятого мнения. Тем временем проведение национализации банков остановилось. Здесь царил полный хаос. Советы получали разноречивые указания и проводили национализацию самостоятельно в том «смысле», в котором они ее понимали. Отсутствие определенной линии у Гуковского приводило к расстройству банковского аппарата и вызывало раздражение на всех уровнях тогдашней советской иерархии. Тем более, что большинство партийцев, в том числе и В.И. Ленин, считали необходимым создание единого Нарбанка республики.

Следующей точкой разногласий Гуковского с руководством стала проблема проведения денежной реформы. Эту идею горячо отстаивал Ленин. Большевики надеялись путем проведения обмена старых денег на новые убить сразу нескольких зайцев: В политике — достичь социального равенства, уничтожив денежные накопления капиталистов и распечатав кубышки крестьянства. В экономике — избавиться от суррогатов, наводнивших финансовый рынок республики, покончить с эмиссией и инфляцией, получить твердую валюту для социалистического строительства.

Гуковский считал денежную реформу бессмысленной. Он говорил о необходимости сначала наладить промышленность, упорядочить финансы, уменьшить дефицит бюджета, а уж затем проводить манипуляции с рублем. Поэтому нарком всячески «упирался» в проведении реформы.

Расходился Гуковский с большинством однопартийцев и в теории. Большевики встали на позиции постепенного отмирания финансовой системы. Для них показателем построения социализма становится уничтожение денег. Гуковский же отводил рублю гораздо более длительный срок существования. За это наркома обвиняли в проведении несоциалистической финансовой политики.

В плюсы деятельности Наркомфина при Гуковском можно поставить ослабление финансового напряжения в мае 1918 г. и создание первого советского бюджета. Но удержать долго майские позиции в денежном обращении не удалось. Что же касается бюджета, то его принятие, несомненно, является важным моментом в общей экономической политике большевиков. С ним связывались большие надежды на упорядочение не только финансов, но и хозяйства страны в целом. Однако бюджет не оправдал надежд правящей партии. Он принимался в «пожарном» порядке, носил гадательный характер и абсолютно не отражал реального положения дел. Фактически в первом бюджете узаконены уже произведенные расходы, так как он был утвержден в самом конце сметного периода, когда уже необходимо было заканчивать составление второго бюджета.

Гуковский, начав свое наркомство в период «мирной передышки» весны 1918 г., закончил его тогда, когда пламя гражданской войны охватило Россию. Его взгляды на финансы и проводимая политика могли бы принести результат, если бы полоса мира продлилась несколько дольше. Но этого не произошло. Республика постепенно втягивалась в экономическую систему военного коммунизма. В новых условиях ни о каких идеях по стабилизации рубля, упорядочению финансов на основе экономических методов не могло быть и речи. Гуковский просто не подходил к новой хозяйственной ситуации, вызванной гражданской войной. Это-то и была важнейшая причина отставки наркома.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приступая к строительству нового общества, большевики имели ряд теоретических заготовок по экономическим вопросам возведения здания социалистической государственности. В своей предоктябрьской программе они касались и проблемы финансов. Но здесь большевики имели лишь самые общие представления о будущем данной отрасли хозяйства в новой социалистической экономической системе. Однако именно финансовые вопросы преподнесли новой власти немало сюрпризов. Теоретических «заготовок» надолго не хватило. Наваливавшиеся одна за другой финансовые проблемы приходилось решать, исходя из складывающейся хозяйственно-политической ситуации.

Задуманное еще до революции овладение банковской системой совершенно неожиданно вызвало упорное сопротивление чиновничества. Это привело к парализации всей кредитной жизни республики. Перед советским правительством с октября 1917 г. по март 1918 г. стояла задача разобраться в функциях центральных и местных учреждений, ликвидировать отжившие и создать новые. Но почти все эти 4 месяца персонал центрального финансового ведомства и всех частных банков бастовал. Поэтому задача свелась к овладению старым финансовым аппаратом, «ни о каких реформах в области финансового управления думать не приходилось».¹

Забастовка чиновников привела к углублению финансового кризиса. Советское правительство предприняло ряд мер для борьбы с ним. Была попытка сократить государственные расходы, которая не дала никакого эффекта. Что же касается привлечения денег от населения в банки, то здесь новые власти также ожидал провал. Вкладчики не несли деньги в кредитные учреждения, не доверяя большевикам, а наоборот, пытались извлечь свои сбережения из банков.

Очень скоро выявился разрыв связей между центром и провинцией. Присылка денежных знаков на места была парализована. Население перестало платить налоги. Многие советы оказались без средств. Центр ничем им помочь не мог. Поэтому Совнарком и другие

¹ См.: Социальная революция и финансы... М., 1921. С. 93. 125.

государственные органы стали сами подстегивать инициативу местных властей в добывании денег. В обстановке «красногвардейской атаки на капитал» советы стали прибегать к контрибуциям. Такая форма «обложения» помогла выстоять в тяжелейшей финансово-экономической обстановке и создать новую структуру власти в провинции. Однако обратной стороной контрибуций стал подрыв финансовой системы государства в целом. Бессистемность обложения, бесконтрольность расходования денег и уничтожение самого источника поступления средств очень скоро вызвали беспокойство НКФ. Этот наркомат делал попытки ограничить самовластие советов в налоговой области. Но такая позиция Наркомфина вызвала противодействие не только на местах, но и в центре. По поводу контрибуций разгорелись жаркие «теоретические» дискуссии, которые очень скоро переросли в конфликт двух наркоматов - НКФ и НКВД.

Разногласия двух ведомств усугублялись еще и тем, что в провинции сложился двойной финансовый аппарат. Финансовые органы, оставшиеся от прежних режимов, действовали здесь параллельно с новым аппаратом, создаваемым советами. Очень часто между ними возникали конфликты, которые отражались на центральных ведомствах, так как «старые» учреждения подчинялись НКФ, а финансовые органы при советах — НКВД. Столкновения на местах стали перерастать в конфликты на правительственном уровне.

В этот период наметилось два подхода к строительству финансовой системы республики. Одни выступали за централизацию финансового дела, подчинение местного аппарата центру и создание прочной «вертикальной» подчиненности нижестоящих органов вышестоящим, за борьбу с самовластием советов в финансовой области, за проведение всеми органами снизу доверху единой политики, определявшейся центром. На такую позицию встал НКФ. Другое направление предполагало максимальную самостоятельность местных властей. Строительство финансового аппарата не сверху, а снизу, ибо так понималась «демократизация» государственных органов. Этого направления придерживался НКВД.

Определились два подхода к финансам вообще. Часть большевиков настаивала на использовании этого экономического инструмента в социалистическом строительстве. Другая точка зрения требовала

уничтожения финансовой системы. Ее последователи настаивали на немедленной «отмене» денег, рассматривая эту меру как важнейший шаг к утверждению социалистических отношений.

В октябре 1917 - марте 1918 г. начинается быстрый распад единой денежной системы России. Это связано, прежде всего, с парализацией присылки денежных знаков на места вследствие забастовки чиновников в центре. В этот период Советское правительство вынуждено было узаконить в обращении первый общероссийский денежный суррогат — «Займ Свободы». Местные власти из-за острого денежного голода стали выпускать свои заменители рублей. К весне 1918 г. российская глубинка была наводнена бонами и прочими суррогатами дензнаков, несмотря на то, что правительство официально не разрешало их выпуск. Таким образом, перед большевиками встала неожиданная проблема «очищения» денежного оборота от засоривших его суррогатов денежных знаков.

Финансовая политика первого периода существования советского правительства определялась задачей захвата и удержания власти. Если рассматривать ее с этой стороны, то здесь партия не повторила ошибок Парижской Коммуны. Большеевики смогли поставить себе на службу банковскую систему и сумели выстоять и удержаться у власти. Если подходить с этой стороны, то финансовую политику «Советов» можно назвать успешной.

Если рассматривать чисто экономические результаты такой политики, то здесь был полный провал. Ни одну финансовую проблему России новая власть разрешить не смогла. Наоборот, большевистская политика привела к углублению кризиса. Мероприятия Советского правительства породили множество новых, доселе неизвестных финансовой системе России проблем.

Весной 1918 г. политическая ситуация в России изменилась. Страна получила мирную передышку. Весной 1918 г. большевики пытались найти выход из экономического кризиса с использованием рыночных рычагов. «Красногвардейская атака» на капитал была приостановлена, в жизнь начали проводиться антикризисные мероприятия. В новой обстановке вопрос о налаживании финансового хозяйства республики становится одним из важнейших.

Первоочередной задачей Наркомфина было наведение хотя бы элементарного порядка в этой области хозяйства. Большое значение

наркомат и Советское правительство придавали составлению бюджета республики. Но работа над первым «финансовым планом» показала, что выяснить реальную картину доходов и расходов невозможно. Бюджет просто узаконил уже произведенные расходы, причем учесть их удалось весьма приблизительно. При работе над росписью НКФ столкнулся с тем, что ведомства не могли предоставить ему полной отчетности. Больших трудов стоило добиться от наркоматов хотя бы каких-нибудь цифр. Вследствие чего бюджет появился в самом конце сметного периода, когда необходимо было утверждать уже следующую роспись. В целом первый бюджет носил «гадательный» характер и не мог претендовать на какой бы то ни было финансовый план. Кроме того, периодически Наркомфин по указанию Совнаркома вынужден был выделять ведомствам средства, не запланированные в росписи.

К весне 1918 г. денежное обращение России пришло в полное расстройство. Оно строилось исключительно на работе печатного станка. Чудовищная эмиссия вместе с другими факторами, такими, как снижение емкости внутреннего рынка, падение товарности производства, ускорение оборота денег и т.д., приводила к катастрофическому падению ценности рубля. Денежный оборот оказался засорен всевозможными суррогатами кредитных билетов, появившимися вследствие «физического» недостатка рублей в провинции. Начался ускоренный распад единой финансовой системы России.

Выход из создавшегося положения часть руководителей большевистской партии видело в скорейшем проведении денежной реформы. Горячим сторонником этой точки зрения был В.И. Ленин. Но позицию председателя Совнаркома разделяли далеко не все. Часть большевиков призывала к немедленному уничтожению денег, другие же, к которым принадлежал и глава НКФ И.Э. Гуковский, считали, что реформа в сложившейся хозяйственной обстановке не поможет преодолеть финансовый кризис.

Весной 1918 г. развернулись жаркие дискуссии практически по всем важнейшим вопросам финансовой политики «государства рабочих и крестьян». Это говорит о теоретическом тупике, в котором оказалось большевистское руководство. В обстановке, когда чуть ли не каждый член партии имел свою особую точку зрения на будущее финансовой системы республики, выработать единую линию не пред-

ставлялось возможным. Неудивительно, что нарком финансов И.Э. Гуковский проявлял колебания и постоянно подвергался критике, как справа, так и слева. Выстроить четкое направление политики своего ведомства ему так и не удалось.

Между тем время было упущено. С лета 1918 г. Россия втягивается в полномасштабную гражданскую войну. В условиях нарастания военной конфронтации, ни о каких финансовых реформах с использованием рыночных механизмов не могло быть и речи. Новая политическая обстановка повлекла за собой и необходимость решения других экономических задач. Советская республика превращается в военный лагерь. На первое место выдвигается проблема концентрации всех ресурсов для достижения победы в гражданской войне. Вслед за изменением направления экономического развития республики меняется и вектор финансовой политики советской власти.

Научное издание

Соколов Евгений Николаевич

**ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
(октябрь 1917 - август 1918 гг.)**

Монография

В авторской редакции

Компьютерная верстка

С.А. Феоктистов

Подписано в печать 10.04.2008. Бумага писчая № 1.

Формат 60x80/16. Печать ризографическая. Гарнитура Times.

Усл. п. л. 8,88. Физ. п. л. 9,25. Тираж 500 экз. Заказ № 436

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Россия, 390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Отпечатано в ООО «Тигель»
390023, г. Рязань, ул. Есенина 9